

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

На правах рукописи

Кушнарев Сергей Сергеевич

УДК 94(470. 325 : 477. 54 – 04) «157/16»

Южное порубежье Российского государства в конце XVI–XVII вв.

(на примере Среднего Поосколья).

Специальность 07.00.02. – Всемирная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель

кандидат исторических наук

профессор Духопельников В.М.

Харьков – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историография, источники, методология и методы исследования	
1.1. Историография исследования.....	8
1.2. Источниковая база исследования.....	23
1.3. Методология и методы исследования.....	29
Глава 2. Заселение Среднего Поосколья и социальный состав населения региона.	
2.1. Осуществление правительством России внешней политики в Среднем Поосколье в конце XVI в.....	36
2.2. Заселение пооскольских городов-крепостей и формирование их уездов.....	54
2.3. Социальная и служилая структуры населения Среднего Поосколья.....	67
Глава 3. Города-крепости как основа оборонительной системы Среднего Поосколья	
3.1. Возведение городов-крепостей в Среднем Поосколье в конце XVI в.: проблемы датировки.....	100
3.2. Городские и полевые укрепления Среднего Поосколья как составная часть оборонительного комплекса южного порубежья.....	109
Глава 4. Среднее Поосколье в правительственных мероприятиях по обороне южного порубежья.	
4.1. Среднее Поосколье в организации и функционировании станичной и сторожевой службы в XVII в.....	133
4.2. Среднее Поосколье в реализации правительственной политики борьбы с татарами в XVII в.....	152
Заключение	179
Примечания	183
Список источников и литературы	200
Приложения	255

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Колонизационные процессы на юге России в конце XVI–XVII вв. имели первостепенное значение для государства не только в связи с расширением границ в южном направлении, но и для успешного и мирного развития центральных регионов, защищенных от постоянных набегов кочевников несколькими оборонительными рубежами. При этом степень разработки проблемы заселения и освоения южнорусского порубежья неравномерна как в территориальном, так и в хронологическом плане. Проблемы колонизационных и историко-демографических процессов на юге России в определенной степени изучены начиная с XVIII в., т.е. с момента проведения первых генеральных ревизий. Наиболее исследованными оказались уезды, находившиеся под защитой Белгородской черты. История освоения тех территорий, которые находились южнее черты, в историографии должного освещения не получила. Причиной тому является как сам характер заселения и обороны данного региона, многоплановость процессов, протекавших в рассматриваемый период, так и избирательность в изучении отдельных проблем.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена отсутствием специальных исследований по данному вопросу, а также значением Среднего Поосколья в общем движении государства в сторону Поля, что, в свою очередь, повлияло на формирование современных геополитических границ. Несмотря на то, что отдельные вопросы колонизации юга Российского государства неоднократно затрагивались исследователями, существующие наработки не позволяют построить целостную картину организации обороны, заселения и хозяйственного освоения Среднего Поосколья. При этом рассмотрение особенностей социально-экономических и военно-политических процессов на примере отдельного региона дает возможность более детально изучить ход колонизации всего южного порубежья Российского государства в обозначенное время.

Связь с научными программами, планами, темами.

Диссертационная работа выполнена в соответствии с научно-исследовательской темой «Модернизация России в Новое и Новейшее время» кафедры истории Восточной Европы Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (номер государственной регистрации 0112U004751).

Объектом исследования является территория Среднего Поосколья, как отдельного участка южнорусского порубежья.

Предметом диссертационного исследования является процесс колонизации и вхождения Среднего Поосколья в общегосударственную систему обороны южных границ.

Целью данного исследования является определение места и значения Среднего Поосколья в структуре обороны, заселении и хозяйственном освоении южного порубежья Российского государства в конце XVI–XVII вв.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- проводится анализ историографии и источниковой базы по теме исследования;
- обозначаются этапы и методы строительства оборонительных сооружений Среднего Поосколья в конце XVI–XVII вв.;
- определяются особенности колонизационных процессов и формирования уездов в рассматриваемом регионе;
- выясняются основные этапы и направления набегов кочевников на Среднее Посоколье, их влияние на развитие региона и приемы борьбы с ними;
- устанавливаются особенности социальной структуры городов-крепостей изучаемого региона.

Хронологические рамки работы охватывают период с конца XVI по конец XVII в. Нижняя хронологическая грань обусловлена началом целенаправленной политики России на включение Среднего Поосколья в границы государства. Верхняя хронологическая грань обусловлена завершением процесса формирования единого южнорусского пограничного оборонительного комплекса. К концу XVII в. рассматриваемый регион приобретает устойчивые административные границы, завершается активная

деятельность внешних колониционных потоков, происходит перенаправление и дальнейшее развитие внутреннего колониционного потока.

Территориальные рамки исследования включают в себя среднее течение реки Оскол, левого притока Северского Донца. Северная часть рассматриваемого региона ограничивается верховьями рр. Валуй, Полатовка, Усерд, Тихая Сосна, восточная – верховьями рр. Айдар, Черная Калитва и Богучар, южная – рр. Двуречная, Купенка, Бурлук, западная – рр. Мокрой и Сухой Казинкой. Ограничение территориальных рубежей бассейнами рек обусловлено конкретными способами заселения и военно-административным подчинением рассматриваемого региона. В обозначенный период формирование военных зон и уездов городов-крепостей происходило в границах конкретных водных объектов. Основными укрепленными центрами Среднего Поосколья в XVII в. выступали Валуйки, Усерд, Верхососенск, Полатов, Ольшанск, Двуречная и Купянск.

По современному административно-территориальному делению географические рамки исследования охватывают территорию, включающую в себя Валуйский, Вейделевский, часть Волоконовского и Красногвардейского районов Белгородской области Российской Федерации, а также часть Волчанского, Великобурлукского, Двуречанский и Купянский районы Харьковской области Украины.

Научная новизна работы определяется самой постановкой проблемы, которая до настоящего времени не была объектом специального исследования. В диссертации, на основе широкого круга различных источников, **впервые** в историографии:

- исследован уровень научной разработки проблемы;
- введен в научный оборот широкий круг архивных источников по истории изучаемого региона;
- в историческом контексте доказана значимость Среднего Поосколья в построении общей системе защиты Российского государства;
- выявлены основные причины, направления и особенности татарских нападений на регион и методы борьбы с ними;

- предложена схема образования уездов и показана особенность их формирования вокруг южнорусских городов-крепостей на примере конкретного региона;
- определены направления внутренних колониционных потоков в связи с особенностями социальной структуры региона и землевладения отдельных служилых корпораций;
- на материалах Среднего Поосколья показаны этапы вхождения отдельного региона в общегосударственную систему управления и обороны порубежья;
- **дополнена** схема формирования и наполнения служилых корпораций порубежного города-крепости.

Практическое значение диссертационного исследования заключается в возможности использования его фактического материала, основных положений и выводов в учебном процессе при разработке общих курсов по истории Украины и России, специальных курсов по истории южных рубежей России в XVI–XVIII вв., истории Слободской Украины и сопредельных регионов, русско-украинским отношениям в условиях порубежья и т.д.

Методологической основой работы стал принцип историзма, предполагающий подход к изучаемому объекту, как изменяющемуся во времени, изучение его в контексте конкретно-исторических условий и в связи с другими явлениями. Принцип опоры на исторические источники, также использованный в работе, предполагает извлечение исследователем информации из различных источников. Благодаря принципу историографической традиции данная проблема изучалась с учетом результатов предшествующих исследований. Для решения поставленных задач автором применялись общенаучные методы анализа и классификации, а также ряд специально-исторических методов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории России исторического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, а также репрезентованы в качестве материалов и тезисов на конференциях: Международной

конференции молодых ученых «Белгородский диалог. 2012» (г. Белгород, 2012 г.; научно-практическом семинаре «Русская культура Слобожанщины» (г. Харьков, 2013); Международной конференции «66-е Каразинские чтения. Исторические науки» (г. Харьков, 2013 г.); VI Международной конференции «Общество. Гендер. История» (г. Липецк, 2014 г.); Международной конференции «68-е Каразинские чтения. Исторические науки» (г. Харьков, 2015 г.) и др.

Основные положения работы отражены в 13 научных работах, в т.ч. в 5 статьях, опубликованных в научных изданиях Украины (из которых 3 статьи опубликованы в изданиях, включенных в международные наукометрические базы) и 8 тезисах докладов на конференциях.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех разделов, выводов, примечаний, списка источников и литературы (446 наименований), приложений.

Глава 1. Историография, источники, методология и методы исследования.

1. 1. Историография исследования.

История вхождения Среднего Поосколья в границы единого государства в конце XVI–XVII вв., а также колониционные процессы, характерные для данного региона, до сих пор не были предметом специального изучения в работах как украинских, так и зарубежных историков. Вместе с тем, отдельные аспекты развития городов на юге Российского государства, общие направления и особенности колониционных потоков, состав служилого населения неоднократно привлекали внимание исследователей.

Мероприятия, проводившиеся правительством Российского государства для защиты южных рубежей и хозяйственного освоения территорий, в поле зрения историков попадают уже в первой половине XIX в. Первым, кто уделил внимание вопросам городского строительства в пограничных регионах, был официальный историограф Российской империи Н. М. Карамзин. В своей «Истории государства Российского» автор, используя преимущественно летописные источники, неоднократно обращается к сюжетам обороны южнорусского порубежья. Говоря о значении движения государства вглубь Поля и возведении польских городов в годы правления Ивана IV и Федора Иоанновича, историк отмечал, что отсутствие постоянных наступательных движений правительства в сторону Крыма приводило к опустошению пограничных регионов татарами [324, с. 171, 288]. Следуя за летописными данными в вопросе о времени постройки Воронежа, Курска, Белгорода, Оскола и Валук, Н. М. Карамзин повторяет неточности «Нового летописца», говоря о возведении крепостей в один год.

Историографической вехой, положившей начало изучения данной проблемы, можно считать исследование И. Д. Беляева «О сторожевой,

станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича» [266]. С одной стороны, автором впервые сделана попытка изучить вопрос об организации охраны южных границ в конце XVI - начале XVII вв., с другой стороны – мы видим полное отсутствие анализа привлеченных источников. Самой сильной частью работы являлись опубликованные обширные выписки из «сторожевых книг» Московского государства, содержащие документы об организации сторожевой и станичной службы, в том числе «Уложение о сторожевой и станичной службе 1571 года» и «Устав сторожевой службы 1623 года». В последующей историографии в первую очередь рассматривалась организация службы непосредственно «на Поле» и, в некоторых случаях, социальный состав станичников. Вопросы организации управления станицами и сторожами, обеспечение станичников поместными и денежными окладами, правовые нормы, регулирующие службу станичников, а также роль станичной службы в освоении новых территорий и постройке городов на южном порубежье фактически не рассматривались.

Рассматривая социальный состав южнорусских городов, И.Д. Беляев отмечал, что дети боярские имели «почти одинаковые права» с московскими дворянами. При этом детей боярских, служивших на южном порубежье, он сближал с поместными казаками (приборными чинами) ввиду того, что они имели небольшие поместья [266, с. 14-16].

Начало серьезному изучению проблемы строительства новых городов на южных рубежах Российского государства положил Д. И. Багaley работой «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства» [265]. Д. И. Багaley в первую очередь интересовался историей заселения и хозяйственного освоения Слободской Украины. Его очерк русского и украинского колонизационного потока с к. XVI в. включил в себя комплекс ранних документов по теме, в основном не дошедших до нашего времени. Автору, на документальной основе, удалось восстановить ход освоения степных окраин в XVII в. Исследование проводилось с учетом обстоятельств

внешнеполитического характера, взаимоотношения московского правительства с казачеством, роль городов в борьбе с татарами и т.д. Работа Д. И. Багалея не лишена фактологических ошибок и неточностей, однако вплоть до начала 70-х гг. XX в. она оставалась единственной серьезной монографией по теме.

Эволюцию взглядов Д. И. Багалея позволяет проследить его работа «К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края» [264], представляющая собой развернутый отзыв на исследование И. Н. Миклашевского. В этой статье автор сформулировал необходимость комплексного изучения всей группы факторов, сопутствующих колонизации.

Для изучения истории освоения южных территорий и развития пограничных городов интересной является работа И. Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства» [366]. Оригинальный подход к теме исследования и богатейший фактический материал, собранный автором, до сих пор сохраняет свое научное значение. Исследователь попытался рассмотреть историю сельского хозяйства как историю заселения края и развития городов. С этой целью в научный оборот вовлечены массовые источники конца XVI – первой половины XVII в. – материалы писцовых описаний и дозоров. Автор затронул вопрос об основании и развитии Белгорода, Оскола, Валук и Воронежа в конце XVI в., обратил внимание на военный характер заселения города, коснулся вопроса о причинах строительства городов на значительном расстоянии от руководящего центра [366, с. 78-100]. Однако обобщающих выводов И.Н. Миклашевский в своей работе не сделал и, таким образом, весь полученный и систематизированный им материал остался неосмысленным.

В контексте изучения освоения Среднего Поосколья и хозяйственной жизни пограничного города в XVI–XVII вв., необходимо упомянуть о работе выдающегося российского историка А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований» [345]. Исследование посвящено истории государственного хозяйства в России XVII в., в частности исследованию организации прямого

обложения. Автором рассматриваются социально-экономические условия, на почве которых складывалась организация прямого обложения, описывается ее влияние на общественный строй. А. С. Лаппо-Данилевский затронул вопросы, касающиеся городской и острожной повинностей в городах южного порубежья, о разверстке хлебного налога и т.д. Автор приходит к выводу, что служилые люди являлись основными плательщиками четверикового хлеба, а правительство, желая иметь в их лице опору своей власти, вынуждено было проводить гибкую налоговую политику, и, в первую очередь, на юге России, где не только климат отличался своеобразием, но и существовала постоянная угроза татарских и черкасских набегов, что, естественно, не могло способствовать нормальному ведению хозяйства.

Вопросы освоения степных окраин Российского государства неоднократно поднимались в работах исследователей истории крестьянства. Возникновение городов на южном порубежье в XVI–XVII вв. рассматривалось в работе П. А. Соколовского [410] и лекционном курсе историка и географа М. К. Любавского [350, 351]. Работы последнего по исторической географии явились первыми в своем роде, затронув проблемы монастырской колонизации в русле правительственного потока. Рассматривая колонизационные процессы на примере Сибири, в работе рассмотрены общие концептуальные вопросы о соотношении форм колонизации, составе переселенцев, характере расселения, темпах переселенческих потоков и др.

Во второй половине XIX– начале XX вв. в работах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и А.П. Щапова возникает новый взгляд на колонизацию как на основной способ существования и развития русского народа. «Освоение» новых территорий у авторов трактуется в качестве отдельного элемента колонизации, понимаемой как «заселение» [331, 411, 443]. В «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева отмечено, что с середины 30-х гг. XVI в. постоянная угроза границам государства со стороны кочевников подвигла правительство к возведению на Поле новых и восстановлению опустошенных городов. В итоге к началу XVII в. новые

города стали основой колонизации южнорусских степей [411. т. 5-6, с. 405; т. 7-8, с. 278, 360].

В общих чертах в досоветской историографии рассмотрены вопросы, связанные с обороной южного сектора порубежья и возведением новых городов. Так, города южных уездов России в XVI–XVII вв. вкратце рассмотрены двумя крупными исследователями: Н. Д. Чечулиным [437] и П. П. Смирновым [409].

Касаясь вопросов землевладения, землепользования, социальной структуры южнорусского общества, затрагивая проблемы формирования уездов вокруг городов-крепостей, досоветские исследователи основное внимание уделяли возникновению и развитию поместной системы, политике правительства в сфере регулирования служилого землевладения, порядку межевания и отвода «дикого поля» и т.п.

Так, например, Б.Н. Чичерин поместье рассматривал как прикрепление человек к службе и, следовательно, своеобразным видом повинности, а всех служилых людей порубежья автор считал дворянами [289]. Н.П. Павлов-Сильванский отмечал зависимость южнорусских служилых людей от правительства, поскольку последнее полностью обеспечивало гарнизоны городов денежными окладами и иногда даже хлебом [380]. В.О. Ключевский, касаясь социальной структуры южнорусского общества, не проводил различия между дворянами и детьми боярскими, относя приборных служилых людей к переходному звену между служилыми по отечеству и тяглым населением. Историк первым обратил внимание, что через приборную службу в категорию детей попадали наиболее боеспособные и отличившиеся приборные служилые люди [331, с. 402-403]. Харьковский исследователь Г.Н. Шмелев считал, что в условиях южнорусского пограничья термин «дети боярские» обозначал не социальное происхождение, а исключительно род службы [441]. По мнению Н.А. Рожкова, мелкие землевладельцы юга России являлись служилыми людьми по правовому положению и крестьянами по экономическому признаку [396].

Новый оригинальный подход наметился с выходом в свет работы И.О. Бобровского «Переход России к регулярной армии» [269]. Автор изложил свой взгляд на историю приборного войска как на ступень в переходе от азиатской поместной системы вооруженных сил к регулярной, европейского типа. «Поселенная система содержания войск (стрельцы, городовые казаки, поселенные солдаты, драгуны), в сущности, была видом поместной системы, переходной ступенью к содержанию войск исключительно жалованьем» [269, с. 45].

Интересный подход к изучению колонизации южнорусских регионов представлен в работе М.С. Грушевского «История Украины-Руси». Уделяя внимание ранним этапам заселения Поля, историк акцентирует на том, что переселение украинцев проходило ввиду возросшего социального и религиозного противостояния в Речи Посполитой. Возведение Россией укреплений на южном направлении и переселение черкас М.С. Грушевский считал явлением взаимосвязанным. Начало русского колонизационного потока «с Верхнего Поволжья в верховья Дона» автор связывал с завершением формирования централизованного государства с центром в Москве и поступательным движением правительства на юг. По его мнению, имея одинаковые возможности и условия, украинский колонизационный поток опережал русский, поскольку последний направлялся государством и, следовательно, проходил под принуждением. Черкасы же заселяли Поле ввиду слабости «государственной машины», которая оказалась неспособной контролировать движение народа в пределах своих границ. В организации обороны порубежья Российским государством и Речью Посполитой историк видел сходные черты: система обороны опиралась на города крепости (Россия) и великокняжеские замки (Речь Посполитая) [298, с. 40-68].

Работы, посвященные непосредственно Среднему Поосколью, выходили в свет и в связи с юбилейными датами. Так, например, важной историографической вехой стала статья С. Е. Зверева посвященная 300-летию основания Валук [318]. Автором впервые была опровергнута летописная

версия основания города-крепости в 1593 г. и на основе ранее опубликованной Д. И. Багалеем «Строельной книги...» датой основания города-крепости был предложен 1599/1600 г. С. Е. Зверев впервые критически проанализировал «Строельную книгу...» и изучил ее в комплексе с документами монастырских архивов.

Касаемо вопросов истории возникновения Валуйского Успенского Николопристанского монастыря и его роли в колонизации региона, работы выходили преимущественно во второй половине XIX- нач. XX в. [278, 399, 427, 428] Наиболее интересными, на наш взгляд, являются исследования валуйского краеведа Т. М. Олейникова, работавшего с документами Московского архива Министерства Юстиции. В ряде своих статей автор приходит к выводу о «несомненном и решающем вкладе монастыря в колонизацию Поосколья, которое выражалось в признании правительством культурного и хозяйственного значения обители» [379]. Тем не менее, для работ Т. М. Олейникова, как и для большинства исследователей рассматриваемого периода, характерно некритическое отношение к источнику

Таким образом, в досоветской историографии вопросы обороны и колонизации Среднего Поосколья специально не затрагивались. Наибольшее внимание уделялось правительственной колонизации Поля. Проблемы городского строительства рассматривались исключительно в контексте внешнеполитической ситуации в конкретный период. Не сложилось единого мнения и о социальной составляющей южнорусского общества. Исследовались, в основном, правовые аспекты помещного землевладения, решался вопрос об определении места детей боярских и приборных чинов в структуре общества и т.д. В целом, досоветская историография, придя к выводу о важности изучения южнорусских регионов в контексте обороны границ Российского государства, подробно эту тему не затрагивала.

В историографии советского периода первые работы, близкие по содержанию к теме нашего исследования, появились в конце 1920-х гг. Так, известный общественный деятель Г. Хоткевич территорию Слободской

Украины считал безлюдной вплоть до заселения ее украинцами в середине XVII в. [432]

Историю заселения русско-украинского порубежья изучал ученик М. С. Грушевского – В. Юркевич [445]. Благодаря привлечению широкой источниковой базы автор уточняет время возникновения населенных пунктов, дает направления колонизационных потоков внутри региона и т.д.

Определенный вклад в изучение интересующего нас вопроса был внесен А. А. Новосельским [371-376]. Уже первая работа автора продемонстрировала его оригинальный подход к изучению истории колонизации окраин Российского государства в XVII в. В статье рассмотрены как направленность крестьянских побегов (автором была отмечена высокая концентрация беглых на юге России, характерная для второй половины XVII в.), так и правительственные мероприятия по организации сыска и возвращения крестьян. В статье «Распространения крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке» А. А. Новосельский рассмотрел земельную политику правительства в пограничной зоне, разобрал причины введения режима «заповедных городов» в 1630-40-е гг., и отмены этого запрета в 1660-70 гг. Привлечению новых источников содействовала статья «Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке» и ряд других работ. Особое значение для изучения истории Среднего Поосколья имеет исследование А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века», в котором на основании ранее не публиковавшихся источников показана роль городов в обороне южного порубежья. Автором впервые был введен в научный оборот огромный фактический материал, касающийся военных аспектов истории Среднего Поосколья. Примечательно, что история южного порубежья в XVII в. историком рассмотрена в контексте внешнеполитических связей Российского государства.

Несомненный интерес представляет труд А.А. Новосельского «Исследования по истории эпохи феодализма» [372], где автор изучает

татарские вторжения второй половины XVII в. Структурно работа разделена на главы, а каждая из глав на разделы, посвященные одному году. Автор подробно описывает каждое крупное вторжение, произошедшее в течение конкретного года.

Таким образом, целый комплекс исследований А. А. Новосельского, посвященный изучению истории колонизации и обороны южных уездов России, является важным дополнением в изучении истории Среднего Поосколья.

Харьковский историк А. Г. Слюсарский [406], опираясь на значительный фактический материал, показал широкую картину переселения украинцев в Российское государство, которое со второй половины XVII в. приобрело массовый характер, социально-экономическое положение крестьян, казаков, служилых людей, затронул историю образования слободских полков. Автор рассмотрел социальную эволюцию групп населения, охарактеризовал политику правительства по удержанию тяглых слоев в прежних 18 разрядах, введение казацких подпомощников в черкасских полках. Для территории Среднего Поосколья, частично входившей в состав слободских полков [217, л. 59-61], эти вопросы, затронутые автором, являются весьма актуальными.

Вслед за досоветскими историками проблему обороны южнорусского порубежья рассматривал и В. П. Загорский [309-315]. В монографии «Белгородская черта» [311] автором описан процесс строительства оборонительных сооружений на южных рубежах Российского государства в середине XVII в., особенности хозяйственного освоения и заселения территории, сделаны отдельные выводы о роли пограничных городов во внешней политике России. При этом акцентировано на слабой эффективности оборонительных мероприятий, в том числе станичной и сторожевой службы, до момента завершения строительства Белгородской черты. Вместе с тем, пример Среднего Поосколья позволяет говорить о несостоятельности подобных выводов, поскольку рассматриваемый регион, являясь, по сути, центром станичной службы, не был затронут

оборонительным строительством 1630-50-х гг. Использование же станичных разъездов и системы стационарных сторож показало свою эффективность именно в годы наибольшей активности кочевников.

В монографии «Изюмская черта» [312] автор подробно описал процесс подготовки и строительства оборонительных сооружений, в том числе, и на территории Поосколья в 70–80-х гг. XVII в. В. П. Загоровский отметил, что каждый город имел свою самостоятельную военную зону, смыкавшуюся с зоной соседнего города и обычно совпадавшую с границами уездов. Ученый рассмотрел вопросы украинских переселений, создания черкасских полков, участия черкас в строительстве и охране Белгородской и Изюмской оборонительных линий, в военных походах Белгородского полка. В своей последней работе «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке» [313] автор на основе привлечения обширного архивного материала проследил основные этапы вхождения южного порубежья в состав государственной территории. В своей работе В. П. Загоровский затронул вопрос о дате основания ряда городов-крепостей и особенностях формирования уездов вокруг них. Однако ни в одном исследовании автор не остановился на особенностях заселения и обороны Среднего Поосколья, хотя и отмечал данный регион в качестве форпоста на южных рубежах государства.

В 1970–80-е гг. в свет вышел ряд монографий и статей, рассматривающих события XVI–XVII вв. в связи с татарскими нашествиями и действиями правительства по укреплению границ [320, 306 и др.]. Вопросам поместного землевладения и хозяйственного развития южнорусских регионов посвящена работа В. М. Важинского [272]. На основе анализа материалов ряда южнорусских уездов, автор рассматривает особенности формирования поместного землевладения приборных служилых чинов и приходит к выводу о сближении однодворческого хозяйства с крестьянским. Исследователем сделаны выводы о влиянии форм

землевладения и землепользования не только на складывание однодворческой общины, но и на ход заселения уездов.

Служилому землевладению и землепользованию в Чернском уезде в XVII в. посвящена работа Е.И. Самгиной [400]. Автор сближает порядок землепользования детей боярских и приборных чинов и считает, что у тех и других складывались такие хозяйственные отношения, которые создавали условия для своеобразной общинной организации.

Демографические вопросы заселения неосвоенных территорий в общероссийском масштабе были изучены Я.Е. Водарским. Центральную Россию автор разделяет на три региона: Чернозёмный центр, Восточный и Юго-восточный район, Левобережная Украина. Исследователь отмечал, что в Чернозёмном центре в XVI - начале XVIII в. освоена территория более чем в 300 тыс. кв км. [284]

Среди исследований советского времени также необходимо отметить работы Г. В. Алфёровой [261, 262], более 20 лет изучавшей вопрос о возникновении городов в Российском государстве в XVI–XVII вв. На основании источников, многие из которых впервые были введены в научный оборот, Г. В. Алфёрова выдвинула гипотезу, что в XVI–XVII вв. города строились по строго продуманному плану, опровергая сложившееся мнение о том, что в указанный период русские города возникали стихийно. В работах исследователя впервые документальные материалы касающиеся строительства Валуйской крепости рассмотрены в сравнении с подобными документами того же периода, но относящиеся к строительству других городов на Поле. Подобный подход к анализу источников позволил выявить определенные закономерности в строительстве городов на юге России и уточнить их раннюю историю.

В целом, для работ советского периода характерным являлся интерес к вопросам социального развития южнорусских регионов, политике государства в сфере испомещения служилых людей и общим проблемам военной истории Российского государства.

Изучение истории обороны и освоения южнорусского порубежья в современной историографии представлены работами как украинских, так и российских историков.

Некоторые демографические проблемы южной окраины России во второй половине XVII – начале XVIII вв. были отмечены на страницах сборников, выходящих по итогам конференций по исторической демографии и исторической географии. В.А. Пирко рассмотрел проблему миграционных потоков из Украины во второй половине XVII – начале XVIII вв., строительства Торской укрепленной линии. Наряду с традиционными причинами переселений (татарские набеги и религиозно-национальная политика польских властей), автором также называются неравномерность заселения территории Украины и неодинаковый уровень феодального гнёта в Речи Посполитой [391 и др.]. Э.Л. Дубман, рассматривая особенности миграций в юго-восточных регионах Европейской России, обратил внимание на сложность определения количественных характеристик миграционных движений в XVII – нач. XVIII в. Автор связывает это с несовершенством делопроизводства того времени [302].

Военная история и организация военного дела казацких слободских полков нашли отражения в диссертации харьковского историка Д.В. Журавлева [308].

Современная российская историография процесса освоения южного порубежья представлена двумя крупными школами – белгородской и воронежской. Последняя представлена ученикам В.П. Загоровского. Так, вопросы структуры власти в новых городах «на Поле» в XVI – XVII вв. рассмотрены в работах историка В. Н. Глазьева [290-294 и др.]. В книге «Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности» изучена история создания и деятельности местных органов власти, занимавшихся розыском преступников. В южных уездах, где численно преобладали мелкие служилые люди, эти обязанности были сосредоточены в руках воевод. В уездах со значительной численностью крестьянства сохранялось одновременное существование двух властей:

воеводской и губной. В статье «Городовое воеводство второй половины XVII в.» проанализированы порядок назначения на воеводскую должность, оформления приема и передачи городского хозяйства при смене воевод, их обязанности, влияние местного общества посредством коллективных челобитных на сроки службы должностных лиц. Автор подчеркивает, что воеводская форма местного управления позволяла преодолевать частные и сословные интересы во имя общенациональных интересов, была исторически обусловлена и необходима в условиях непрерывных войн, которые вела Россия в XVI–XVII вв., колонизации окраин, присоединения территорий, населенных другими народами. В статье «Противоборство в степном пограничье в 20-40-е годы XVII века: русские и татары» рассматриваются методы борьбы гарнизонов порубежных городов с татарскими отрядами.

Среди последних работ, посвященных колонизации южного порубежья Российского государства в XVI–XVII вв., необходимо назвать исследование М. Ю. Зенченко [319]. Его труд «Южное российское порубежье в конце XVI – в н. XVII вв.: (опыт государственного строительства)» посвящен «процессу интеграции южного порубежья в государственно-правовое пространство российского государства». Основное внимание уделено правительственным мерам по поддержке и развитию новых территорий, проблемам обеспечения их безопасности в конце XVI в. В монографии поднят один из наиболее спорных вопросов украинской и российской историографии – о характере колониционных процессов на юге России. Специально рассмотрены степень и формы участия городов на Поле в событиях Смутного времени.

Исследования еще одного воронежского исследователя, О. В. Скобелкина, посвящены государственной политике в сфере регулирования помещного землевладения в Воронежском крае [402-404 и др.]. Основу ряда статей автора составили архивные материалы по шести уездам юга России, на примере которых рассматриваются основные

составляющие правительственной политики в отношении служилого населения южных приграничных регионов, а также вопросы терминологии.

Значительным явлением современной историографии, затрагивающей проблемы колонизации степной окраины Российского государства в XVI–XVII вв., стал ряд исследований белгородского историка А. И. Папкова [381–389 и др.]. В своей монографии «Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой» [387] автор использовал большой массив источников. А. И. Папков, вслед за Д.И. Багалеем, проследил процесс столкновения и взаимодействия двух потоков колонизации со стороны Российского государства и Речи Посполитой. Одним из важнейших достоинств исследования А. И. Папкова является сведение воедино данных о нападении запорожских казаков на русские земли и роли пооскольских крепостей в этих событиях. Автор, отмечая активизацию перехода украинцев на службу в Россию с середины 1630-х гг., приходит к выводу, что в середине XVII в. черкасы не составляли значительную часть служилого населения в южнорусских крепостях. Постоянные порубежные конфликты и переселения черкас были причинами настороженного отношения к ним российской администрации. Важным является наблюдение автора, что конфликты служилых черкас с местными властями и русскими соседями порождались не этническими, а имущественными и правовыми противоречиями.

Среди работ, посвященных изучению истории Среднего Поосколья, необходимо отметить исследования валуйских краеведов М. И. Сухорукова [424] и М. И. Карагодина [323]. Работа М. И. Сухорукова представляет собой компиляцию различных источников без какого-либо критического подхода и анализа их происхождения. По сравнению с предшествующими работами по истории изучаемого региона, исследование М. И. Сухорукова не способствовало развитию историографии по данной проблеме.

Исследование М. И. Карагодина представляет собой сборник отдельных очерков краеведческого характера. Однако привлечение обширной источниковой базы и критический подход к изучению документов позволили автору уточнить ряд спорных вопросов истории Валуйского уезда, а именно:

год постройки города, установление имен первых воевод и т. д. М. И. Карагодин одним из первых поднял вопрос об изучении топонимики Среднего Поосколья.

Определенный интерес представляет исследование краеведа А.Г. Чепухина [434], посвященное центральной крепости рассматриваемого региона – Валуйкам. Основу исследования составили документы Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов. Среди явных достижений автора следует отметить постановку вопроса о путях заселения города, формировании отдельных служилых корпораций и т.п. Однако большинство источников подано без должной критики в виде обширных цитат, изложение истории развития региона проведено без учета общеисторической канвы и в отрыве от соседних порубежных регионов.

В целом в досоветской, советской и современной историографии накоплен, систематизирован и рассмотрен весьма значительный материал по служилому населению южных уездов, оборонительным сооружениям засечных черт, складыванию служилого землевладения. Однако интересующий нас вопрос освещен весьма фрагментарно. Отсутствие опубликованных источников по истории региона оставляли Среднее Поосколье вне сферы научных интересов исследователей.

1. 2. Источниковая база исследования

Значительный пласт источников по теме исследования был введен в научный оборот еще в XIX в. Работа с этими опубликованными материалами осложняется тем, что выборка документов для издания осуществлялась без строгой системы и, поэтому, трудно говорить об их репрезентативности. Однако, несмотря на недостатки, присущие этим изданиям, они сохраняют свое научное значение и по нынешний день.

Из числа опубликованных письменных источников, освещающих историю южной окраины России и порубежных городов в XVI–XVII вв., в первую очередь необходимо отметить летописи. Много сведений по истории

южнорусских городов и охране южного порубежья содержится в Никоновской и Иосафовской летописях, а также в Новом, Пискаревском и Постниковском летописцах [65, т.34].

Комплексы законодательных актов, относящиеся непосредственно к истории освоения Среднего Поосколья, также опубликованы в XIX в. [1, 2, 3, 10 и др.] Ценные материалы содержатся в публикациях: «Акты Московского государства», собранные Н. А. Поповым и Д. Я. Самоквасовым, куда включены документы архива Разрядного приказа - военного ведомства России XVII в. Эти документы касаются тех или иных сторон участия населения Поосколья в разного рода мероприятиях по обеспечению безопасности южных рубежей государства. Царские указы о награждении служилых людей за сеунч позволяют установить время и обстоятельства военных столкновений с татарами. Распоряжения правительства Российского государства о ремонте крепостей дают возможность определить характер оборонительных сооружений городов.

Особое значение имеют указы царя Бориса Годунова об основании Валуйской крепости и Цареборисова, которые не только позволяют уточнить время основания городов, но и определить состав населения, методы возведения нового поселения на Поле, вооружение и т. д. [14]

Материалы писцового делопроизводства [366, 41, 42 и др.], включающие писцовые, переписные, межевые, дозорные, отказные, описные, платежные книги, а также сотницы, позволяют составить подробное хозяйственное описание и организацию податного обложения тяглого населения региона. Так, например, окладная книга Валуек, составленная в 1625/26 г. [41], позволяет определить степень заселения округа, направления внутренних колонизационных потоков, особенности землепользования и землевладения служилых групп.

Анализ информации, содержащейся в разрядных книгах [68-75 и др.], сопоставление ее с летописями и другим источниками позволяет уточнить время, причины и обстоятельства возникновения ряда южнорусских городов, установить имена воевод и численность войск на определенной территории.

Ценные материалы, касающиеся истории южнорусских городов XVII в., содержатся в «Трудах Воронежской ученой архивной комиссии» [83].

Дополняют опубликованные материалы сочинения иностранцев [21, 24, 85, 86 и др.], посетивших в XVI–XVII вв. Россию и упоминавших, в той или иной степени, о южнорусских землях. Особенно ценными являются их сведения по истории городов времен Смуты начала XVII в., поскольку в отечественных источниках за этот период подобная информация практически отсутствует.

Наибольшее количество неопубликованных архивных материалов отложилось в столбцах Белгородского, Владимирского, Московского, Посольского и Приказного столов фонда Разрядного приказа (Ф.210), а также в фондах Разрядных вязок, Дел городов разных лет, Денежного стола Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Выявленные источники можно подразделить на пять групп. К первой группе мы относим официальные правительственные документы: царские указы, приказные грамоты, отпуска и т. д. [205 и др.] В них нашли отражение общие подходы правительства в отношении колонизации Поля, управлению южнорусскими пограничными городами, методы постройки укреплений и т.д. Сюда же можно включить докладные выписи и памяти из Разряда в другие столичные приказы. В них содержится информация о принятых решениях по конкретным проблемам жизни порубежных городов и основных направлениях южнорусской политики. Особенно ценными указанные источники оказываются в случае утраты тех документов (воеводских отписок, челобитных и т.д.), по поводу которых они возникали. Множество докладов и выписок из документов центральных органов власти, сохранившихся в РГАДА, посвящено набегам кочевников на южнорусские земли.

Превалирующая часть документов данной группы связана с перепиской системы столичных приказов. По содержанию памяти, исходящие из того или иного приказа, подразделяются на те, которые содержат запрос и те, которые отвечают на запрос. Так, например, с помощью памятей приказы выясняли

причины вмешательства в сферы интересов другого ведомства и сообщали друг другу о своей деятельности. Очень часто данное несовершенство государственной системы управления прямо влияло на ход обороны и освоения изучаемого региона. В связи с этим, привлечение такого вида документов как память, позволяет выяснить ряд принципиальных моментов исследуемой темы.

Ко второй группе относятся отчетные документы местной администрации: отписки (донесения) воевод, отображающие обстановку на порубежье и характеризующие деятельность воеводской администрации [203, л. 26–27; 215, л. 324–361 и др.]. Воеводские отписки являются наиболее распространенной и массовой разновидностью приказной документации. Тематически можно выделить документы о татарских и черкасских «приходах», об устройстве в городе и уезде переселенцев, предоставлении им земельных участков, жалованья, принятии на воинскую службу, о неповиновении служилых людей местной администрации, о ремонте оборонительных сооружений, о стихийных бедствиях, посольских и станичных вестях.

Одним из видов документации данной группы является розыск – отчет воеводы или приказного чиновника по результатам проведения какого-либо расследования или проверки. Во второй половине XVII в. воеводы порубежных городов чаще всего проводили розыски, касающиеся новых поселений, отвода земельных участков, размежевания поместий и установления границ. В розысках по именам называются жители города или слободы, указывается время отказа и основание по которому они владеют землями, даются подробнейшие описания угодий.

К данной группе также относятся десяти верстальные и денежных раздач, являющиеся основным видом учетной документации, содержащей информацию о приборе служилых людей, размерах поместных и денежных окладов, структуре служилой иерархии внутри конкретной корпорации. Валуйские десяти, составленные при выдаче денежного жалованья

станичникам, содержат информацию о маршрутах станичных разъездов и краткие биографические справки на каждого станичника [95-99].

Особым видом документации рассматриваемой группы составляют росписные списки и сметные книги городов. Составленные при смене воевод, они содержат полные перечни служилых людей с указанием возраста и состава семьи, подробное описание оборонительных сооружений городов, полевых укреплений и проведенных ремонтов, если такие имели место в обозначенное время воеводства, дается роспись артиллерии, содержание архивов приказных изб и т.д. [101-105 и др.]

Третью группу составляют челобитные служилых людей, в которых рассказывается о проблемах, возникавших в ходе освоение порубежья, о взаимоотношениях с местной администрацией, особенностях судопроизводства, раскладке налогов и т.д. [214 и др.] Сюда же относятся челобитные черкас, переселявшихся на российскую территорию и принимавших российское подданство, о разрешении на поселение, выдаче жалованья, наделение земель, оружием, знаменами, лошадьми и т.д. [212] Среди челобитных по теме исследования можно выделить две группы. Первая, наиболее многочисленная, представлена прошениями служилых людей о выплате жалования, перераскладке налогов, прибора в службу, наделении земель. Вторая группа челобитных исходила от местной администрации. Самые ранние из них фиксируют набеги кочевников и попытки заселения ужожаев. Более поздние челобитные характеризуют процесс заселения, формирование административных границ региона, расселение служилых людей в пределах округа.

Четвертая группа источников –документы, связанные с разбором различных конфликтных случаев. Наибольшую ценность представляют «расспросные речи» – письменно зафиксированные показания подозреваемых или свидетелей. К этой группе относим расспросные речи украинских переселенцев, а также лазутчиков, как среди русского населения, так и среди черкас и татар [208]. Наиболее значимыми документы данной

группы оказались при изучении истории региона в годы Смоленской войны, волнений служилых людей в середине XVII в. [215]

Пятую группу неопубликованных архивных источников составляют материалы писцового делопроизводства. Наиболее важными в данном ключе являются межевые книги с описанием города и уездов, расходно-приходные книги денег по таможенным и кружечным дворам [187, лл. 312-189], документы по сбору посопного, стрелецкого и четверикового хлеба, выписи из строильных и писцовых книг и т.д. [216, л. 1-8]

Важным источником служит картографический материал. К сожалению, карт, датированных XVII – нач. XVIII в. практически не сохранилось. Единственным картографическим источником, наиболее полно отображающим размещение служилого землевладения последней четверти XVII в., является чертеж к спорному делу валуйских стрельцов и пушкарей с ямщиками о поместной земле, составленный в 1687 г. [88, лл. 161-163] На чертеже достаточно подробно отображены мельчайшие топонимы южной и юго-западной части Валуйской округи, нанесен план города и пригородных слобод, обозначены полевые укрепления и монастырь. Кроме того, при помощи чертежа можно восстановить контуры рек и ландшафт, изменившиеся к настоящему времени.

Значительный пласт неопубликованных архивных материалов отложился в фонде Валуйской и Полатовской приказных изб Государственного архива Воронежской области. Документы Валуйской приказной избы оказались разделенными и включенными в состав одноименных фондов РГАДА и ГАВО. Хронологически материалы охватывают период с 1656 по 1710 г. (ГАВО) и с 1710 по 1715 г. (РГАДА).

В комплексе они дают ценный и обширный материал по социально-экономической и политической жизни Среднего Поосколья. В документах содержатся сведения об организации обороны границ, состоянии сторожевой и станичной службы, о мерах предосторожности в связи с набегами татар и «воровских» черкас, выплате жалованья служилым людям и т.д. Отдельные документы служат источником по истории землевладения и

землепользования, по демографии и социальной структуре региона, по истории Азовских походов Петра I, рисуют картину повседневной жизни южнорусского города-крепости в XVII-начале XVIII в.

Материалы фонда Полтавской приказной избы содержат указные грамоты воеводам о розыске свободных земель для откупа служилым людям; памяти о размежевании земельных наделов полтавцев и валуйчан, отказе во владение поместий; сыскные, описные, мерные, отказные книги на поместья полтавских служилых людей. Отдельные комплексы материалов показывают методы борьбы с внешней угрозой. Это, прежде всего, памяти воеводам о появлении татар и черкас, отписки о принятии мер предосторожности в связи с началом военных действий в степи.

Отдельно следует отметить неопубликованный архив валуйского краеведа П. И. Сопина [12], хранящийся в фондах Валуйского краеведческого музея. Архив содержит копии, выписки и конспекты ранее не публиковавшихся документов фонда Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов.

В целом источниковая база по данной проблеме является достаточно полной, что дает возможность рассмотреть практически весь комплекс вопросов по истории заселения и обороны Среднего Поосколья в конце XVI–XVII вв., выявить общие закономерности и тенденции, а также проанализировать конкретные факты в сопоставлении с материалами соседних порубежных регионов.

1.3. Методология и методы исследования

Изучение Среднего Поосколья, как отдельного региона южнорусского порубежья, можно отнести к группе исследований, благодаря которым, переходя от частного к общему, создаются условия для более детального понимания общеукраинской и общероссийской истории. В данном ключе

можно согласиться с мнением историка П.В. Федорова о том, что « ... история больших государств, исторические процессы, протекающие на целых материках и во всем мире составляют макроуровень, тогда как человек в его неповторной индивидуальности – это микроуровень. Регион же занимает промежуточное между этими уровнями положение ... Именно в регионе ... происходит превращение большого в малое и наоборот» [429, с. 15]. В нашем понимании изучение исторических процессов с точки зрения регионалистики это не изложение исторических событий, происходивших в конкретном регионе, а история его взаимоотношений со столицей и другими регионами, организация и становление территориальной структуры государства и управления ею.

Для применения различных общеисторических и частнонаучных методов, при изучении отдельного региона, наиболее обоснованным, на наш взгляд, является принцип формирования проблемных блоков.

Среди задач, которые возникают перед исследователем, можно выделить комплекс проблем, связанных с природно-географической регионализацией. Сюда мы относим колонизацию (заселение и хозяйственное освоение территории), приспособление переселенцев к новым природно-климатическим условиям, внедрение новых типов хозяйствования, нашедших отражение в новых формах землевладения и землепользования. Формирование природно-географического региона дает возможность местному сообществу выработать топоним, относящийся ко всей его территории. В данном случае таким топонимом выступает «Поле», как название степных и лесостепных участков южнорусских территорий, не имевших постоянного населения и четких административных границ. В пределах Поля мы выделяем Среднее Поосколье, как порубежный регион со своей спецификой заселения, хозяйственного развития и социальной структурой общества. Топоним «Среднее Поосколье» охватывает среднее течение р. Оскол, но не включает в целостности даже территорию т.н. польских городов. Как видим, административно-территориальные единицы часто не

совпадают с природно-географическими регионами. Так, сформировавшаяся в первой четверти XVII в. Валуйская округа занимала лишь центральную часть Среднего Поосколья. Одновременно с этим, военная зона данного города-крепости распространялась на северные и южные участки региона вплоть до второй половины XVII в.

Другой комплекс проблем, связанный с данным исследованием, соотносится с социально-культурной регионализацией – складыванием местного сообщества, формированием социальной структуры. Эти процессы непосредственным образом связаны с отображением ментальной и культурной адаптации населения, осваивавшего регион через слияние и столкновение различных колонизационных потоков (украинского, русского, белорусского и т.д.). При этом социальная адаптация проходит на индивидуальном, корпоративном (служилые корпорации) и региональном (город-уезд) уровне, а ее формами выступает установление личной и корпоративной безопасности (в условиях постоянных порубежных конфликтов), самоорганизация, преемственность поколений (формирование служилой иерархии) и т.д.

Своеобразие региона в значительной степени определилось этнической средой. На рассматриваемом примере мы видим не только тесное сплочение местного социума для борьбы с татарами и черкасами, но и включение последних в состав служилых и маргинальных групп города-крепости.

Следующий комплекс проблем, возникающий при изучении истории порубежья, представлен экономическими процессами. В определенной степени он соотносится с первыми двумя блоками, поскольку непосредственным образом связан с освоением человеком ранее пустующих земель. Изучение экономических процессов на региональном уровне позволяет выявить формы хозяйствования, складывания местного рынка, включение в экономическую деятельность местного общества в условиях порубежной специфики. Все это, несомненно, отражается на формировании служилой социальной структуры.

Еще один комплекс проблем – социально-политический. Ввиду того, что строительство укрепленных населенных пунктов в пределах региона проходило при помощи основных колонизационных потоков и при поддержке государства, последнее не могло не делегировать на места свои полномочия. Это происходило путем введения в городах-крепостях воеводской администрации и приказного аппарата. При этом регион, находясь на значительном отдалении от руководящего центра, несомненно претендовал на часть властных полномочий. Мы видим это на примере взаимоотношений воевод со стрелецкими корпорациями, русской администрацией с украинскими переселенцами. Такие взаимоотношения столицы и порубежных окраин обусловили политическую регионализацию.

Одна из проблем политического блока связана с взаимодействием различных территориально-административных единиц в пределах одного региона. Оно может выражаться как в форме тесного сотрудничества в различных сферах, так и в виде открытого противостояния или нейтрального диалога.

Следующий блок проблем заключается в постоянном вовлечении региона в международные отношения. На примере Среднего Поосколья мы видим попадание в сферу геополитических интересов двух и более государств. Подробное изучение данных взаимоотношений позволяет делать выводы о глобальных процессах, имевших место не только в пределах пограничья, но и между различными государствами.

Таким образом, регион, с одной стороны являясь целостностью, а с другой – частью целого, влияет на методiku регионоведческого анализа. С одной стороны, мы реконструируем региональные особенности «изнутри», а с другой – проводим сравнительный анализ региональных процессов с общегосударственными.

В первом случае, исследование проводилось в русле краеведения, когда исследователь рассматривает регион с позиций местного жителя. Однако данный прием не может быть самодостаточным, поскольку не учитывает общегосударственных тенденций. В случае же сравнительного анализа

региональных особенностей с глобальными тенденциями, целесообразным оказалось использование метода реконструкции исторической цепи (центр-регион, регион-регион и т.д.). Применение данного метода на межрегиональном уровне позволило определить особенности тех или иных процессов на значительной территории, включающей несколько похожих регионов. В результате мы можем говорить как о повторении изучаемого явления, так и о его уникальности.

Использование выводов, полученных благодаря названным методам на региональном материале, удалось применить для построения выводов общего характера через метод экстраполяции.

Проблемно-хронологический метод позволил разделить широкие темы на ряд узких, каждая из которых рассматривалась в проблемно-хронологической последовательности. Этот метод использовался на первой стадии изучения материала (совместно с методами систематизации и классифицирования), при его структурном оформлении и последовательном изложении в ходе написания текста работы. При помощи историко-генетического метода удалось продемонстрировать причинно-следственные связи между основными направлениями внешней и внутренней политики Российского государства в указанный период и жизнью пограничного города-крепости. Для выявления и воссоздания воеводских и служилых династий, родственных связей валуйских служилых людей, необходимых для установления места, откуда прибыли данные группы населения использовались приемы генеалогического исследования.

В работе применялись специальные источниковедческие методы: типология, моделирование, датировка источника по косвенным признакам и т.д. Ввиду того, что для исследования привлекались ранее не опубликованные архивные материалы, важное место в работе занимает классификация источников, определение их происхождения, внешней и внутренней формы. Так, например, изучение сметных, росписных, писцовых и окладных книг первой половины XVII в. и различных материалов второй половины XVII в., заключалось в систематизации и анализе содержащихся в них сведений и

оценке степени полноты приводимых данных. Масштабы татарских набегов на порубежные города оценивались путем анализа списков погибших и уведенных в плен жителей.

Необходимость развернутой критики источников обосновала возможность привлечения метода критического анализа. Для установления их аутентичности был использован метод актового источниковедения, в том числе критический анализ, который предполагает всестороннее изучение внешней и внутренней структуры документальных материалов. Внешний вид актов: характер почерка, чернил, бумаги позволяет сделать вывод об их подлинности. Данный вывод подтверждается формулярным анализом. Сопоставление изучаемых документов с актами той же разновидности изучаемой эпохи свидетельствует об их подлинности. Все они составлены с соблюдением традиций российского приказного делопроизводства XVI–XVII вв.

Для интерпретации, установления логических противоречий использовался логический анализ текста документа. Историко-юридический анализ использовался для сравнения документов судебного или сыскного делопроизводства с законодательными источниками своего времени, чтобы выяснить, какие нормы и как отразились в изучаемом документе. Такое сравнение уточняет понимание содержания юридической нормы и время ее практического использования.

При помощи историко-географического анализа был идентифицирован ряд топонимов, упомянутых в документах с географическими реалиями. Это не только помогло конкретизировать географическое происхождение того или иного документа, но и дало важную информацию для историко-географической реконструкций (в первую очередь о земельных владениях служилых людей, маршрутах станичных разъездов, размещении стоялых голов и сторожевых пунктов, отрожков и полевых крепостей и т.д.).

Применение картографического метода позволило продемонстрировать конкретное явление на конкретной территории в определенное время. Сравнительный анализ чертежей XVII в. и разнообразного

картографического материала XVIII–XX вв. предоставил возможность изучить формирование административных границ рассматриваемого региона, определить время возникновения населенных пунктов, направление основных путей сообщения, распределение промысловых сельскохозяйственных угодий и т.д. Графическое воссоздание фортификационных сооружений с привязкой к картографическим источникам помогло изучить приемы строительства крепостей и пригородных полевых сооружений в различное время.

ГЛАВА 2. ЗАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПООСКОЛЬЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА.

2.1. Осуществление правительством России внешней политики в Среднем Поосколье в конце XVI в.

Завоевание в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств обеспечило безопасность России на юго-востоке и предопределило характер дальнейшей политики государства по отношению к южнорусским землям.

Во второй половине XVI в. основные усилия правительства на южном порубежье сводились к комплексу мероприятий, направленных, в основном, на защиту центральных уездов от постоянных вторжений со стороны Крымского ханства, ногайских орд и «воровских» черкас. Известная в настоящее время источниковая база позволяет охарактеризовать южнополитический вектор как планомерное продвижение государства вглубь территории Поля при соблюдении, в целом, оборонительных тенденций.

Деятельность правительства, несомненно, находилась в тесной связи с историческими особенностями, географическим положением, наличием и составом населения тех территорий, которые рассматривались в качестве удобного плацдарма не только для успешной обороны границ, но и постепенного их включения в политическое и экономическое пространство единого государства.

Территория Среднего Поосколья, расположенная на пути пересечения основных маршрутов продвижения отрядов крымских татар вглубь Российского государства, занимала важное значение в промыслово-хозяйственном отношении и в качестве буферной торговой и военной зоны между населением «польских» городов и кочевниками Поля. Разрыв отношений между Москвой и Крымом в 1506 г. дал основание хану Менгли-Гирею выдать Сигизмунду I ярлык на управление русскими городами, волостями (тьмами) и отдельными территориями, которые «отбирались» у Василия III. Среди прочего в грамоте названы: «Путивль с землями и воды...; Хотмышль ...; Курскую тьму...; Оскол ... со всеми их выходы и данми,

землями и водами; ... Донец, со всеми выходы и данми, землями и водами» [87, с. 4-5]. «Оскол» из ханского ярлыка, на наш взгляд, не что иное как оскольские промысловые угодья, в дальнейшем упоминаемые под названиями юртов. Как видим, Поосколье в начале XVI в. уже включено, хотя, скорее всего и номинально, в российскую общегосударственную систему управления.

Среднее Поосколье и те территории, которые позже контролировались военными силами Валук, Усерда и черкасских слобод и городков, по мнению В.В. Каргалова, уже в первой четверти XVI в., попадали под наблюдение сторож и маршруты станиц из замосковных и полевых городов – Путивля, Рылска, Крапивны, Рязани, Деилова и др. [325-327] Входило ли Поосколье в систему постоянного патрулирования, нам неизвестно. С середины века рассматриваемый регион контролировался сторожами польских городов. 19 мая 1565 г. с вестями о переходе татарским отрядом Муравской сакмы от станичного головы Р. Семичева станичники посылались в Путивль [68, т. 2, с. 183-184]. 29 сентября 1566 г. в Путивль к князю Г Мещерскому «прибежал сын боярской ноугородец Гришка Яцкой», сообщивший, что Роман Семичев досматривал степь «вверх Торца и на Каменном броду» [68. т. 2, с. 206]. Из отписки князя Г. Мещерского видно, что маршрут станичного головы пролегал «на Изюм курган и на Савин перевоз...» [68. т.2, с. 206]. По всей видимости, станичники из отряда Р. Семичева контролировали броды и перелазы в месте слияния Оскола с Северским Донцом, а также в наиболее уязвимых для «татарских приходов местах» по Осколу, вплоть до зоны влияния рязанских и данковских станичных разъездов. В 1569/70 г. данковский станичный голова Г. Коробьин сообщал, что досматривал степь по р. Уразовой¹ и видел сакму, оставленную татарским отрядом в 30 тысяч человек [68. т.1, с. 264].

На расположение сторож на территории Среднего Поосколья до реорганизации службы в 1571 г. в некоторой степени проливает свет более поздний источник - роспись Ф. Сухотина и Е. Юрьева 1637 г. Досмотрщики,

проводя описание территории, на которой предполагалось возвести один из участков засечной черты (Белгородской), отметили недалеко от р. Усердца, ниже Черемхова брода на р. Тихой Сосне, Александрово городище. Ф. Сухотин сообщает в докладе, что «наперед сего в том поле стояли головы из городов Рязанского полка ...» [124, лл. 27-28]. Станичные головы возле городища переезжали Кальмиусскую сакму, направлялись к Черному лесу и к верховьям Богучара [124, л. 28], тем самым повторяя почти один в один маршрут «усердской» станицы, посылаемой из Валук в середине XVII в. Примечательно, что маршрут был оставлен станицами Рязанского полка (по всей видимости Данковскими) ввиду того, что природные условия делали эту местность естественной преградой для татар. В данном случае, интересен боярский приговор 1571 г., освобождавший рязанских сторожей от службы на Поле и передававший контролируемые ими территории оскольским станичникам [189, лл. 33-38], которые в 1637 г. служили проводниками и состояли в «совете» Ф. Сухотина [425, с. 2].

С начала 70-х годов XVI в. сторожевая и станичная служба получает структурное оформление, основные положения которого нашли отражение в ряде источников. По росписи боярина М. И. Воротынского от 1571 г., служилые люди (сын боярский и 3 севрюка) стояли на Святогорской стороже и досматривали Северский Донец до устья Оскола и вниз по Донцу до устья Тора [189, л. 49]. По боярскому приговору 21 февраля 1571 г., на Поле состоялым головой из Дедилова посылалось 45 детей боярских и 50 казаков из городов Дедилова, Крапивны, Данкова, Новосия, Мценска, Орла. Дедиловский стоялый голова должен был находиться «на Осколе усть Убли» и посылать от себя разъезды к верховьям р. Айдара и вверх по Осколу к Короче и к Кореню [1, с. 6-7]. Несколько позже по этой же территории пролегал маршрут одной из валуйских станиц.

Для выжигания травы на территорию Поосколья высылались станичники из Дедилова и Крапивны [1, с. 16]¹⁴. Начиная поджигать степь по

Осколу, они двигались к устью Валуги и оттуда вверх, мимо Валуйского леса, до Подола (к Дону²).

С этого времени Среднее Поосколье становится одним из ключевых звеньев в политике Российского государства на Поле. Из царской грамоты в Темников князю Еникееву видим, что на р. Осколе на Козиной поляне до 1576/77 г. стояли путивльские головы, посылавшие разъезды до Северского Донца и до Айдара [1, с. 30] и, тем самым, контролировавшие территорию всего Среднего и значительную часть Подонцовья. В сентябре 1571 г. станичным головой на Козиной поляне «стоял» Ш. И. Сумароков, сообщавший, что маршрут его разъезда пролегал до «своиго урочища до устья Оидару» [68. т.2, с. 271]. Вполне возможно, что сторожа на Козинке существовала и ранее.

Локализация Козиной сторожи возможна благодаря привлечению ряда источников. Книга Большому чертежу сообщает, что «на левой стороне Изюмской дороги, речка Козинка, а пала в Оскол ниже Валуйки города в Козиной поляне» [35, с. 18]. Расстояние от Козиной поляны до Убли равнялось полутора дням пути, что примерно соответствует расстоянию до устья р. Казинки, южнее р. Валуги. На этом же месте мы видим Козину поляну, которая по картографическому материалу конца XVII в. локализуется в устье р. Мокрой Казинки на правом берегу р. Оскол. Козина поляна представляла собой урочище, защищенное с севера, востока и юга водными преградами (Приложение Е). Западная ее сторона выходила к так называемому Праворотскому лесу, расположенному на меловых выступах – остатках правого крутого берега Оскола. Вдоль Праворотья проходила дорога в сторону ближайших «польских» городов. Таким образом, выбранный для расположения стоялого головы участок по всем параметрам подходил для скрытого и относительно безопасного наблюдения за степью. Сам топоним – «Козина поляна», говорит о том, что местность была известна задолго до расположения там стационарного наблюдательного пункта. Слово «поляна»,

на наш взгляд, указывает на то, что данное урочище в определенное время являлось рощистью под сельскохозяйственное угодье³.

Большинство авторов, занимавшихся изучением станичной и сторожевой службы второй половины XVI в., ликвидацию Козинской сторожи и перенос ее к устью р. Убли [1, с. 30], где по приговору 1571 г. располагалась одна из общероссийских сторож, связывали с постоянными татарскими набегами: «и станицы от них многие громлены, а иные и взяты» [267, с. 27], «А которые головы стояли на Осколе на Козиной поляне, а разъезд от них был направо вниз по Осколу до Донца до Северского, а налево до верх Айдару и которые станицы ездили от голов с Оскола и с Козиной поляны к верх Айдару и те станицы от Крымских людей громлены, а иные побиты потому что поле чистое укрытись станицам от Крымских людей негде» [1, с. 31]. Между тем, А. А. Новосельский, для периода с 1575 по 1578 г., не зафиксировал ни одного серьезного по своим масштабам татарского набега на южнорусские уезды. Такое положение связывалось им со вступлением Крыма и Турции в военное противостояние с Польшей за Молдавию [371, с. 30-31]. Более того, автор отмечал, что Крымское ханство практически прекратило полномасштабную войну, которую вело с Российским государством с 1568 г. Нападения азовских, дивеевских, казыевских татар и Больших ногаев возобновляются только в 1578 г. Так, например, значительный набег Большие Ногаи совершили в 1578 г. в направлении на Темниковский уезд и Алатырь [371, с. 432].

В этой связи нельзя согласиться с А. И. Папковым, утверждавшим, что сокращение количества общероссийских сторож необходимо связывать с неудачами России в Ливонской войне [387, с. 72]. На наш взгляд, говорить о масштабных поражениях русской армии на данном этапе войны не приходится. Для России обстановка на Ливонском фронте усугубилась с конца 1577 – в начале 1578 г. Также нет оснований говорить о неподготовленности московского правительства к обороне как западных, так и южных рубежей. В сентябре 1577 г., ввиду опасности «прихода литовских

людей под Ноугород-Сиверской, и на орловские места, а иные на темниковские места», в Серпухов выдвигался полк под командованием князя Д. Б. Приимкова Ростовского: «а людям с ним быти московских городов» [68. т. 2, с. 417]. Полки выдвигались в Тулу, Болхов и Калугу [68. т. 2, с. 417-419]. Противоречивые известия от пленных татар и российского посла в Крыму Ф. Загрязского держали в постоянном напряжении русские полки в южном направлении: в октябре 1577 г. Иван IV «из украинских городов больших воевод велел отпустить, а для воинских и невеликих людей приходу велел быти в Колуге князю Ивану Ивановичю Кашину» [70, с. 61]. В то же время войска располагались «усть Ливен, усть Ельца, в Курску, на Туле» [70, с. 62-63], т.е., приблизительно в тех объемах и в тех местах, что и в предыдущие годы. Таким образом, мы не видим той ситуации на Поле, которой ряд авторов объясняет серьезные изменения в несении сторожевой службы, в том числе и ликвидацию Козинской сторожи.

Примечательно, что говоря о сокращении сторожевой службы (т.е. о частичном сворачивании проекта продвижения Российского государства вглубь Поля), А. И. Папков акцентирует на «попытке официального включения Поля в состав России» [387, с. 72], беря за основу пример с демаркацией границы воеводой М. Тюфякиным и дьяком М. Ржевским в 1571 г. С данной позицией трудно согласиться. На наш взгляд, попытка обозначить границы России на юге представилась возможной благодаря походам днепровских казаков Б. Ружинского⁴ в 1577 г. на ряд причерноморских городов и Крым. Ответной реакцией Крымского ханства стало регулярное нападения татар на Польшу в 1577 и 1578 гг. [371, с. 30] Это, несомненно, способствовало ослаблению деятельности Польши и временному затишью на южных границах России. Более того, мы не располагаем сведениями о проводившихся ранее демаркациях, поэтому об исключительности данного события можно говорить только с определенными условностями.

Между тем, как свидетельствуют боярские приговоры 70-х гг. XVI в., [1, с. 34] имеет место нарушение функционирования станичной и сторожевой службы. Важность для правительства России южного направления внешней политики не вызывала сомнений даже в годы Ливонской войны. Это подтверждается регулярным выдвижением полков к польским городам. Однако вовлеченность государства в затяжную войну с Ливонией, в определенной степени отводила южнорусскому вектору второстепенное значение, а проводимые мероприятия сводились к обороне.

Реформа станичной и сторожевой службы, проведенная М. И. Воротыньским в 1571 г., принесла значительный результат уже в первое время. Однако в дальнейшем разведывательная служба на южном порубежье начала приходить в упадок. Наиболее красноречивым свидетельством нарушения эффективного функционирования сторож, выдвинутых вглубь Поля, может послужить судьба одного из опричников Ивана IV. В 1573 г. на Северский Донец, по всей видимости, для руководства сторожевым отрядом, стоявшем у Гомольшанского леса, был назначен В. Грязной [69, с. 250]. Попав в плен к татарам, в одном из писем царю, он отмечал: «И яз, ... на Минос ... и на Молочные Воды языков добывати, И мне было, ..., посылати неково; а ково ни пошлю, и тот не доедет да воротитца, да приехав солжет: где ни увидит какой зверь, да приехав скажет - "люди". И мне было, холопу твоему, как с ложною вестью к тебе, ко государю, посылати, а солгав да к тебе, ко государю, мне было, холопу твоему, с чем появитца?» [398, с. 73-78; 61, с. 261-262]. Из письма видим, что расстройство сторожевой службы было очевидным и требовало скорейшего решения. Именно этим и занялся во второй половине 1570-х гг. боярин Н. Р. Юрьев.

Достаточно подробно процесс реформирования всей сторожевой службы в обозначенное время рассмотрел М. Ю. Зенченко [319, с. 46-54]. Выводы автора сводятся к тому, что основным результатом реформы стало «увеличение поместных окладов, наведение порядка с выплатой жалования, решена проблема нехватки людей за счет привлечения на службу детей

боярских» [319. с. 54-55]. Таким образом, причиной ликвидации Козинской сторожи стало усовершенствование регламента станичной и сторожевой службы, введенного М. И. Воротынским. Если исходить из представления, что Козинская сторожа являлась предтечей будущего города-крепости, т.е. фактически форпостом на пути продвижения государства вглубь Поля, основной безопасного хозяйственного освоения и заселения региона, то ее ликвидация противоречит общей канве правительственных мероприятий в этом направлении. Однако, если случай с ликвидацией сторожи на Козинской поляне рассматривать именно в ключе построения всей обороны южных рубежей государства, становится понятным логика действий московского правительства. Несмотря на то, что Козинская сторожа была перенесена на значительное расстояние к северу, территория Поосколья контролировалась станицами, посылаемыми из Усть-Ублинского стоялого острога. Одна из станиц, отправляемая этой сторожей, проезжала к р. Валую и мимо Котельских верхов возвращалась назад [1, с. 30].

В период с 1577 по 1584 г. внимание стоялых голов и станичников обращается к новому пути, по которому татары начали совершать набеги на Русь – Кальмиусскому шляху. Последний начинает упоминаться в источниках с 70-х гг. XVI в.⁵ Станичники сообщали, что «на Дону усть Богатого Затону да на Осколе усть Убли без стоялых голов бытии нельзя, потому что Крымские и Ногайские люди ходят на государевы украины новою Калмиускою дорогою; Путивльские станицы тех перелазов не отъезжают, а Тульским и Рязанским станицам ездить для вестей и тем людям Калмиускою дорогою встречу и того бояться, что станицы поемлют или которые люди пойдут Удонью и станица с ними разъедетца...» [1, с. 58]. Как видим, станичники оказались неготовыми перекрыть своими маршрутами новое направление татарских набегов. Однако появление новой татарской дороги нельзя считать единственной причиной ликвидации Козинской сторожи. Задача сторожевой службы сводилась не к прекращению татарских набегов, а

в своевременном сборе информации и оповещении полков о военной опасности со стороны Поля.

В апреле 1579 г. боярин Н. Р. Юрьев и дьяк В. Щелкалов провели опрос рязанских, путивльских и тульских станичных голов и станичников «про новую дорогу, что от Колмиюса» [1, с. 51]. Станичные головы заявили, что тульские и рязанские станицы не могут перекрыть новую татарскую дорогу и просили «в прибавку б к ним из городов детей боярских и казаков из городов по 40 человек, всего будет с головою по 50 человек» [1, с. 51]. В результате было решено усилить отряды запрашиваемым количеством служилых людей, а разъезды направить «налево мимо Котельские верхи до верх Волуйки» [1, с. 51]. В этом месте станицы встречались с отрядами, которые досматривали эту местность, выезжая от рязанских стоялых голов на Дону с Богатого Затона. С верховой р. Валуя станица возвращалась «на право подле Сосну, да Сосна перелезти в Каменной брод, да ехати вверх по Усерду да к Осколу к усть Убли» [1, с. 52].

Следствием изменения и обострения военно-политической ситуации на юге государства, правительство делает шаг для укрепления порубежья. На это время приходится основание ряда городов, которые не только выдвинулись далеко в степь, но и стали центрами реорганизованной станичной и сторожевой службы, посольской размены и дальнейшего продвижения государства вглубь Поля. С марта 1584 г. ликвидировалась сторожа «на Осколе усть Убли» и на дону «усть Богатого Затону» [1, с. 60]⁴⁵. Взамен в 1585/86 г. возводятся города Ливны и Воронеж [313, с. 197]⁴⁶. Воеводам этих городов посылались росписи, в которых предусматривались посылки сторожей и станиц в Поле, как это было с прежними общероссийскими сторожами. Территория Среднего Поосколья подпадала под контроль 9-й и 10-й воронежских сторож. Девятая сторожа стояла за Доном на Крымской стороне на р. Тихой Сосне «против Вязова броду под Терновским лесом». Свои разъезды она отправляла «на право по Тихой Сосне через Калмиюскую дорогу которые люди лязят в Вязов и в Каменной брод и до Усерда» и «на лево

... переезжают вниз по Тихой Сосне до царевой пасеки, которые люди лязят Сосну ниже Ольшаница» [1, с. 61]. Сторожа состояла из шести человек и контролировала северо-восточную часть Среднего Поосколья. Десятая воронежская сторожа состояла из 8 человек и посылала разъезды «вверх по Тихой Сосне усть Усерда против Каменово броду, а на лево переезжают Калмиюскую дорогу до Иловсково лесу верст с шесть, а на право переезжают верх по Тихой Сосне до верх Волуйки...» [1, с. 61]. Контролируя северную и северо-восточную часть рассматриваемого региона, воронежские сторожи частично перекрывали продвижения татарских отрядов по Изюмской и Калмиусской сакмам и, тем самым, контролировали участок Поля, который в дальнейшем войдет под охрану Валуек.

Основание новых городов, выдвигавшихся вглубь Поля на значительное расстояние, большинство исследователей связывают с деятельностью правительства по охране порубежья от внешних врагов путем планомерного продвижение границ гсударства к югу. Действительно, новопостроенные города позволили в некоторой степени улучшить ситуацию с разведывательной деятельностью сторож и станичных разъездов, улучшить снабжение станичных голов, ускорить сбор информации о продвижении неприятеля. Однако, строительство одного города, пусть и укрепленного, со значительным гарнизоном на одном из основных татарских путей вторжения в центральные уезды государства не являлось сколь-нибудь серьезной преградой для нападавших. Татары, в своем большинстве использовавшие тактику нападения небольшими отрядами, редко подвергали города разграблению. Обычно, пока один из отрядов блокировал город, остальные беспрепятственно проходили вглубь территории к «заоцким» городам.

М. Ю. Зенченко, исследовавший политику Российского государства по обороне южного порубежья, обозначил ряд функций, которые выполняли новопостроенные города: посольская размена (Ливны), связь с донским казачеством, административно–полицейские функции (Воронеж) и т.д. [313. с. 65-66] Часть этих функций в дальнейшем приняли на себя построенные в

1599–1600 гг. Царьборисов и Валуйки, которые, впрочем, в результате Смуты начала XVII в. на некоторое время утратили эту роль в политической и военной жизни государства.

В марте 1595 г. ливенский воевода И. О. Полев из Разрядного приказа получил грамоту, которая частично дополняет боярский приговор 1571 г. и проливает свет на расположение сторож и пролегание станичных маршрутов по территории Среднего Поосколья. Стоялый голова ливенской сторожи, заменивший дедиловского, вновь размещался «в Козиной поляне ниже Холка и Холани» [19, с. 181]. Стоялые головы должны по новой росписи не только стоять на одном месте, но и контролировать маршруты, расширенные по сравнению с 1571 г. Стоялые головы посылали разъезды на две стороны: в направлении по р. Волчьи Воды до устья Донца и затем, переправившись через Донец, вверх по р. Топлинке и к верховьям рр. Везаницы и Гостиницы к Муравскому шляху. Второй разъезд - за Северский Донец к устью р. Боровой [19, с. 181]. Станичники первого маршрута должны были «бежать с вестьми на Ливны, или в Навасиль, или на Орел» [19, с. 181]. Проезжая по второму маршруту, станица контролировала Святогорский, Большой и Малый переходы и направлялась к Бахмуту и к Черному Жеребцу [19, с. 181]. Книга Большому Чертежу (КБЧ) сообщает, что «...от усть реки Оскола от Царева города, пал в Донец колодезь Святой, а Нетригус он же, верст с 15 выше Малого перевозу. А ниже Малого перевозу, на Донце, Большой перевоз, ниже усть реки Тору, от Малого перевозу верст с 10. А ниже Большого перевозу, верст с 12, пала в Донец речка Черной Жеребец». В другой редакции КБЧ видим: «...на Малом перевозе ниже Оскола верст с 20 лязят татаровя» [34, с. 76]. О Святогорском перевозе КБЧ не сообщает, однако из росписи донецким сторожам видим, что одна из них находилась примерно в этом же месте⁶. Усиленное внимание сторож и станиц к этому месту можно объяснить мелководностью притоков Северского Донца – рр. Белой, Красной, Черного Жеребца, которые неоднократно использовались татарскими отрядами для переправы.

Обращают на себя внимания названия рассматриваемой местности – «перевозы». Исследователь В. Б. Звагельский считает, что досмотрщики местности или чиновники, которые неоднократно переписывали описания-досмотры «поля», не различали понятия «перевоз», «перелаз» и «лаз» [317, с. 227]. Однако, расположение «перевозов» в месте слияния Оскола с Северским Донцом кажется не случайным. Топоним «Святогорский перевоз», вероятнее всего, указывает на место, где находился паром или пристань, для переправы через реку [405, с. 222]. Весной 1486 г. татары «стерegli» московских послов на переправах через Северский Донец, Оскол и Мерлу [76. вып. 41, с. 52]. В 1489 г. на переправе через Северский Донец, недалеко от устья Оскола, были ограблены московские купцы [76. вып.41, с. 79]. В этом же месте татары отпускали московских послов, возвращавшихся из Крыма [76. вып. 41, с. 362]. Об этой переправе в 1525 г. говорит и С. Герберштейн, называя ее «Великий Перевоз» [24, с. 48]. По всей видимости, Святогорский перевоз использовался не только русскими, но и татарами круглогодично. В XV–XVI вв. татарские и ногайские орды не только кочевали в междуречье Северского Донца и Оскола, но и занимались земледелием на этих территориях. Продвижение Российского государства вглубь Поля заставило татар отвести свои кочевья за Северский Донец, однако Святогорский перевоз, как один из важных, если не единственный, и удобных путей «в Русь» использовался ими еще не одно десятилетие. Отсюда и повышенное внимание к данной местности со стороны московского правительства. Именно поэтому перевозки на Северском Донце в XVI–XVII вв. контролировались не только общероссийскими сторожами, но и разъездными белгородских и валуйских станиц.

Из рассматриваемого документа следует, что отряд, патрулировавший указанную территорию, увеличивался со 100 до 300 человек [19, с. 181]. В их число входили выборные дворяне и дети боярские из Калуги, Алексина, Козельска, Серпейска, Болхова, Черни, Орла, Воротынска, Мещовска, ливенские казаки, станичники и стрельцы [19. с. 181]. При появлении

небольших татарских и черкасских отрядов стоялые головы должны были обезвреживать их самостоятельно и, захватив языков, отправлять их в Ливны «к роспросу» [68. т.4, с. 89]. Разрядная запись за 1595 г., содержащая текст рассматриваемой нами грамоты, дополняет последнюю и рисует отдельные приемы своеобразной информационной войны, проводимой московским правительством в отношении внешних врагов⁷. Здесь можно провести параллель с демонстрацией крымским послам русского войска и оборонительных сооружений Борисом Годуновым в Серпухове в июне 1598 г. В своих записках француз Ж. Маржерет, бывший в то время в Серпухове, сделал следующую запись: «Россия никогда не была сильнее, чем тогда» [39, с. 153]. Благодаря во многом именно этой демонстрации силы, Борису Годунову удалось избежать очередной большой войны с Крымским ханством.

Козинская сторожа находилась в тесном взаимодействии с соседней сторожей на Тихой Сосне⁸. Тем самым, создавалась достаточно плотная разведывательная сеть, охватывающая территорию по течению Оскола до впадения его в Северский Донец, левые притоки последнего – Красную и Айдар, и обеспечивающая своевременное оповещение о продвижении татарских и черкасских отрядов вглубь государства. Расположение стоялых голов «на Осколе», т.е. на его правом «русском» берегу, превращало эту реку в своеобразную и постоянную природную границу со степью. Отсюда не случайно и стремление правительства в будущие годы укрепиться на этом рубеже при помощи строительства ряда городов-крепостей, стоялых острожков и засек. Разряд разрешал стоялым головам создавать новые сторожи в тех местах, которые, по их мнению, будут наиболее благоприятствовать дозорному делу [19, с. 92].

Причины повторного выдвижение сторожи на территорию Среднего Поосколья следует искать в общем контексте политики правительства на южном порубежье. Возвращение стоялых голов на Козину поляну не рассматривалось исследователями вовсе, либо упоминалось как второстепенное событие, явившееся результатом успешных

внешнеполитических действий государства на данном направлении. Укрепление позиций России в Подонцовье, строительство в 1596 г. Курска, Оскола и Белгорода, В. П. Загоровский считал следствием временного прекращения набегов татар большими отрядами [313, с. 218]. Автор опирается на многочисленные факты подготовки дальнейшего продвижения на юг - анализирует «Опись польским дорогам», говорит о ремонте в 1594 г. защитных сооружений Тулы, Дедилова, Данкова, Венева, однако не сводит все эти события к общему знаменателю. Все отмеченные выше мероприятия являлись не причиной, а следствием развития нового этапа закрепления ранее освоенных участков Поля.

Упомянутая «Опись польским дорогам», составленная не позже 1595 г., является, на наш взгляд, не очередным географическим описанием южнорусских территорий, а подробной и четкой инструкцией по подготовке и выбору места для возведения новых защитных сооружений. Этим событиям предшествовала тщательная подготовка, связанная с изменением в сторожевой службе. Из документа видим, что по указу Федора Иоанновича на р. Ворскла, на Карповом сторожевье, одном из наиболее выдвинутых к югу, ставится «город» [13, с. 3]. Здесь мы имеем дело не с постройкой города как административного центра, а с превращением рядовой сторожи в один из центров сторожевой службы. В Карповское сторожевье переводятся путивльские станицы. Их маршрут прокладывается следующим образом: «... к Донцу же к Северскому к Чугуеву городищу и через Донец и через Изюмскую дорогу к старому урочищу к усть же Айдару, а проезд из Карпова сторожевья через Муравскую дорогу до Донца до Чугуева городища, а от Чугуева городища за Донец до Изюмской дороги и до Оскола, а от Оскола до усть Боровой, а от усть Боровой до усть Айдара...» [13, с. 3]. Кроме того, карповские станицы контролировали территорию «большую Муравскую дорогою до верх Мжа и Коломок и до речек до Орели и до Самари...» [13, с. 3]. Роспись маршрута карповских станиц заканчивается распоряжением о строительстве городов на Северском Донце и Чугуевском городище.

В 1596 г. головы И. Лодыженский, Т. Якушкин и подьячий Н. Спиридонов снова досматривали урочища по Северскому Донцу и «наехали место на Поле ... словет Белогородье, и ... мочно на том месте городу быть. А в другом месте нашли на поле на реке Осколе усть Оскольца место крепко и угодно, мочно на том месте городу быть, а Чугуево городище ... некрепко и неудобно» [69, с. 501]. Перед нами – масштабный правительственный проект создания оборонительной линии, которая должна была обезопасить южнорусские уезды, перекрыв основные маршруты татарских вторжений. Однако данный замысел не был полностью реализован. Чугуевское городище признали негодным для строительства крепости и города возвели только на Северском Донце (г. Белгород) и на Осколе (г. Оскол).

Таким образом, Козинская сторожа на территории Среднего Поосколья, а вместе с ней и Карповское сторожевое на Ворскле выдвинулись на юг в качестве аванпостов в одном и том же 1595 г. Совпадение этих событий по времени со строительством новых городов позволяет сделать вывод о том, что своими станичными разъездами они должны были обеспечивать безопасность строительства оборонительных сооружений по Северскому Донцу и Осколу.

Проводя политику продвижения границ на юг, правительство, несомненно, сталкивалось и вынуждено было считаться с интересами местного или пришлого населения. До нас не дошло ни единого документа, который бы либо прямо показывал наличие постоянных поселений на территории Среднего Поосколья, либо приводил доказательства административного подчинения региона близлежащему «польскому» городу. Напротив, косвенные свидетельства присутствия населения в среднем течении Оскола в источниках встречаются довольно часто. До реорганизации сторожевой службы в 1571 г. Поосколье, кроме станичников из «польских» городов, «досматривалось» оскольскими и донецкими казаками, которые,

вероятнее всего, имели в этих краях юрты [330, с. 82] и выполняли некоторые функции пограничной службы на южном порубежье.

Начиная с Д. И. Багалея практически ни одно исследование проблем колонизации южных окраин государства не обходилось без использования документов т.н. «Зиновьевского архива». Документы фамильного собрания Зиновьевых, найденные Н. А. Полевым в архиве Тульского дворянского депутатского собрания и опубликованные им в 1833 г., проливают свет не только на один из этапов функционирования сторожевой и станичной службы, взаимодействие правительства и черкасских отрядов, но и позволяет делать выводы о присутствии в регионе отдельных групп различного по социальному и этническому составу населения.

Оскольские казаки, живущие «житьем по Осколу и Семи...», упоминаются в наказе А. Зиновьеву в 1589 г. [273, с. 58] В том же году на Северский Донец пришел из Запорожья отряд черкас под предводительством атамана М. Федорова [63, с. 261]. Учитывая то обстоятельство, что А. Зиновьев свои действия должен был координировать («обсылаясь с черкасы» [63, с. 261]) с М. Федоровым, напрашивается вывод о, если не постоянном, то достаточно частом сотрудничестве правительства с черкасами в сфере патрулирования южного порубежья. При этом следует помнить, что в это время станичная и сторожевая служба Российского государства находилась в наиболее боеспособном состоянии. В случае если черкасский отряд принял бы предложение правительства, ему разрешалось «поставить кош» на Северском Донце или Осколе «в котором месте пригоже» [63, с. 263]. В данном случае, речь идет о черкасском коше как о временной летней стоянке кочевников. Такое временное поселение черкас могло располагаться возле одного из многочисленных бродов и перелазов на упоминаемых реках. Запорожские черкасы, создававшие подобного рода стоянки, по всей видимости, и получали название оскольских и донецких казаков по названию рек, на которых вели хозяйство и принимали участие в правительственных мероприятиях по охране южного порубежья.

В наказе А. Зиновьеву от мая 1589 г. говорится о черкасских старожилах на Осколе [63, с. 274]. В этом же документе прямо перечисляются категории служилых и вольных людей, находящихся в Поосколье как на государевой службе, так и, по всей видимости, на отхожих промыслах: «А буде те Черкасы, Матвей Федоров с товарищи, учнут, пришед на Донец, наших *станичников* и *сторожей* и *севрюков* громити и грабити, и *козаков Донских* учнут с Донца сбивати...» [63, с. 276]. Как видим, на Донце, помимо донецких и оскольских, также находились донские казаки и севрюки.

Участие черкасских отрядов в охране южных рубежей достаточно полно описано у Д. И. Багалея [265] и А. И. Папкина [387]. Однако авторы не обратили внимания на то обстоятельство, что черкасские отряды, жившие или кочевавшие по Северскому Донцу и Осколу, находившиеся на жаловании у московского правительства, в источниках не всегда отождествляются с оскольскими и донецкими казаками. Последние, по всей видимости, представляли собой группы людей, среди которых находились как черкасы, так и выходцы из польских городов, занимавшиеся хозяйственной деятельностью, прекрасно знавшие территорию Поосколья и имеюшие достаточно сил для несения караульной службы. В различных источниках «воровские» черкасские отряды, хотя и косвенно, но противопоставляются оскольским и донецким казакам. В наказе А. Зиновьеву такое противопоставление видим в следующей формулировке: «проведать черкасские правды: как стоят и как промышляти хотят государевым делом? И станичников и сторожей Путивльских берегут ли? И козаков и севрюков государевых, которые по Донцу стоят, берегут-ли? А которые воры черкасские ходили прежде сего летом и сея весны, а житьем живут по Осколу и по Сети, и что на Дон ходит Мишак с товарищи, и с ним они вместе не пойдут ли воровать?» [63, с. 269].

Наше предположение о казацком населении региона согласуется с высказыванием М. Ю. Зенченко, который говорит о том, что «социальный и этнический состав казачьих станиц был достаточно пестрым» [319, с. 59], и

до конца XVI в. казаки не обособились по типу «заяицких», запорожских» и т.п. [319, с. 59] Смешанный состав казацкого населения территории Центрального Черноземья автор подтверждает документом 1538 г.: «на поле ходят казаки многие – казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись ходят» [319, с. 59]. Исследователь А. В. Сопов [418], вслед за Ю. А. Кизиловым [330], также отмечает пестрый этнический состав казачьих отрядов и относит оскольских и донецких казаков к вольным казакам-промысловикам. Таким образом, говоря о наличии на территории Среднего Поосколья оскольских и донецких казаков, принимавших участие в обороне южных рубежей государства, мы имеем дело, прежде всего, не с черкасскими отрядами, которые упоминал Д. И. Багалей, а с разнородными по своей этнической структуре группами «гулящих» людей, в дальнейшем сыгравших важную роль в заселении и освоении региона.

Таким образом, территория Среднего Поосколья во второй половине XVI в. рассматривалась правительством не только как регион постоянного взаимодействия с казачеством и татарами, но и как важный военно-стратегический рубеж строительства всей оборонной политики Российского государства. Наличие значительного количества бродов и перелазов вдоль всего течения Оскола уже по умолчанию делали эту реку своеобразной границей между степью и южнорусскими уездами. Огромные расстояния, особенности ландшафта и незначительная плотность населения делали этот регион уязвимым со стороны Крымского ханства, запорожских и донских казаков, рассматривавших Поосколье как «ничейную» территорию, удобную для занятия промыслами и откровенно разбойнической деятельностью. Мнения исследователей о стремлении со стороны различных государств включить граничивший с Полем регион в свой состав, не выдерживают критики. В XVI в. Среднее Поосколье, с одной стороны, оставалось в большинстве случаев нейтральной территорией, а с другой - в регионе пересекались взаимовыгодные интересы соседних государств,

прослеживается явная заинтересованность каждой из сторон использовать территорию для своих военно-политических маневров.

2.2. Заселение пооскольских городов-крепостей и особенности формирования их уездов.

Изучение проблем освоения южнорусского порубежья в конце XVI-XVII вв. невозможно без рассмотрения путей заселения и формирования новых административно-территориальных единиц. Основным элементом последней являлся город-крепость или город-уезд, выступавший в качестве сосредоточения административной, военной и финансовой сферы областного самоуправления⁹.

Заселение городов и острогов в Среднем Поосколье проходило по трем основным схемам:

1) заселение по смешанному типу – сведенцы из центральных регионов государства доукомплектовывались местным населением.

2) город заселялся исключительно сведенцами;

3) основание и заселение населенных пунктов происходило исключительно по частной инициативе переселенцев, поддержанной правительством;

Первый путь заселение новопостроенного города, являлся характерным для центральной части региона на ранних этапах освоения южнорусского пограничья, когда правительственная колонизация, представленная стремлением закрепиться на основных сакмах и водных объектах, была вынуждена считаться с туземным населением. По такому типу заселялись Валуйки и возводимый примерно в одно время с ними Цареборисов. Заселение Валуек проходило не единовременно. Не имея достаточного количества материалов по ранней истории рассматриваемого региона, мы можем использовать исключительно примеры заселения соседних городов и комплекс генеалогических источников для выявления отдельных переселенческих потоков.

Первый гарнизон составляли строители города и высланные для их охраны служилые люди. По «Строельной книге» можем установить их

состав: 100 детей боярских из Новосия, 150 конных стрельцов, «литва», «немцы» и черкасы из Дедилова, 50 конных казаков из Оскола, 50 конных стрельцов из разных украинских городов, 12 пушкарей, 20 плотников, кузнец, 2 священника, дьяк и дьячок, пономарь, просвирница. После окончания строительных работ тем же указом на зиму в городе оставалось 20 новосильских детей боярских, 100 дедиловских казаков, 50 стрельцов, 12 пушкарей, кузнец и плотник [14, с. 1].

Зная примерный состав строителей, мы не имеем представления о формировании первого гарнизона города, оборонявшего регион в годы Смуты начала XVII в. Первые точные сведения о населении города датируются 1613/14 г. и связаны с переписью воеводы Г. К. Челюсткина, направленного в порубежный город для пересмотра размеров поместий служилых людей. Сама перепись до нас не дошла, а состав населения известен по выписи из данного документа, помещенной в книге письма и меры М. Хлопова и подьячего Л. Недовескова 1626 г.: конных казаков 270 человек, конных стрельцов 154 человека, пеших стрельцов 100 человек, пушкарей и затынщиков 100 человек и 20 ямщиков [41, с. 143-185]. По состоянию на 1616 г. разрядная книга сообщает примерно такой же состав жителей: «На Валуйке казаков валуйских и царегородских 270 человек, стрельцов конных 150 человек, пеших 100 человек, пушкарей и затынщиков 100 человек, и всего всяких людей 620 человек» [37, с. 194]. Такой же состав гарнизона был и в последующем 1617 г. [75, с. 133]

Обращает на себя внимание именование отдельного отряда конных казаков – царегородские, т.е. выходцы из уничтоженного в 1612 г. Цареборисова¹⁰. Служилые люди последнего, после разрушения города, расселились отдельными слободами в Валуйках и Белгороде. Отдельные служилые люди встречаются в Осколе: станичный ездок П. Котельников в 1614/15 г. держал на р. Оскол оброчные рыбные ловли, а через 10 лет он уже записан жителем валуйской Черной слободы. Выходцы из Цареборисова (казаков конных — 68 человек, стрельцов конных — 60 человек, пушкарей —

12 человек, 2 попа, 2 дьячка, 2 просвирницы, 2 пономаря, всего — 148 человек) отдельной слободой в Валуйках прожили до 1621 г.¹¹, а после смешались с жителями города [183, лл. 35-36].

В целом, заселение крепости не было единовременным явлением и оказалось растянутым на несколько десятилетий. О недостаточном количестве служилых людей для обороны и полноценного хозяйственного развития города в первые годы его существования говорит «сказка» валуйского ямщика И. И. Ефанова: «в прошлом де во 110 (1601/02 г. — *С.К.*) году устроил их на яму воевода князь Ф. А. Звенигородский 20 человек, а землю они пахали в те поры где только захотели, потому что в те поры было на Валуйке нелюдно» [366, с. 90]. Для усиления обороноспособности пооскольского участка порубежья, правительство использовало «годовальщиков» – служилых людей центральных городов, несших службу в пограничных городах и сменявшихся через определенное время (обычно в течении одного года) [412, с. 24-26]. В Среднем Поосколье «годовальщики», служащие в станичной службе, встречаются вплоть до 1625 г.¹²

Вместе с тем, нельзя исключать наличие в составе жителей города местного населения, использовавшего Среднее Поосколье для промыслов, сельского хозяйства и выпаса скота. К ним мы можем отнести часть конных казаков¹³, жильцов и гулящих людей¹⁴. В пользу данной версии служит наказ Бориса Годунова строителям Цареборисова по заселению города: «... и как они на том месте укрепятся и город почнут делать и воеводам тотчас послати на Донец и на Оскол и по иным речкам и велети со всех рек атаманом и козакам лутчим быти к себе в город да тем атаманом и козакам государево жалованье сказать что им государь пожаловал теми реками Донцом и Осколом и со всеми речками которые впали в Донец и в Оскол велел дать им донецким и оскольским атаманы с козаками безданно и безоброшно и атаманы б и козаки по Донцу и Осколу по своим юртам жить и угодыя всякими владеть ..., а государю те донецкие и оскольские атаманы и козаки служили и вестей проведывали. А для приходу атаманов и козаков и всяких

людей поставить им за городом в остроге изба да сени да клетки...» [13, с. 10-11].

Заселение города путем переселения сведенцев являлся характерным исключительно для северной части Среднего Поосколья. Таким образом заселялись Усерд, Верхососенск, Ольшанск и соседний с ними Новый Царев-Алексеев (Новый Оскол).

В Ольшанск, строительство которого проходило в 1644 г., из разных городов направлялись 100 стрельцов для «городового дела». Они же составили и первое население городка. О месте «выхода» стрельцов говорят названия улиц Стрелецкой слободы – «улица Калужских сведенцев», «улица Белёвских сведенцев», «улица Мценских сведенцев» и т.д. [45, с. 1609] Несколько позже, ввиду нехватки служилых людей для несения городской службы, в Ольшанск прибрали «из вольных охочих людей» 60 конных казаков и 17 черкас [311, с. 111].

Наиболее показателен в данном ключе процесс заселения Верхососенска. Перевод служилых людей планировался из Ельца, Ливен, Оскола, Черни, Новосили, Чернавска, Талецкого, Ефремова, Данкова, Лебедяни, Переяславля-Рязанского, Дедилова, Зарайска и Гремячего. При этом для переселения должны были отобрать семьи, в которых большинство составляли взрослые и молодые мужчины [152, лл. 52-60]. Осенью 1647 г. из 395 человек, поселенных в городе, осталось только 54 [152, с. 59]. Ввиду массового бегства служилых людей обратно к своим семьям и хозяйству, правительство решает «сводить» только старших сыновей и племянников из семей упомянутых городов.

Третий путь заселения новых городов и слобод, путем принятия на службу отдельных групп переселенцев, практиковался правительством на южном участке рассматриваемого региона. Так заселялась Двуречная слобода, Купянск, Каменка, Гороховатка и т.д.

Отдельно необходимо затронуть вопрос формирования уездов в Среднем Поосколье. Данная тема неоднократно интересовала исследователей, однако рассматриваемые нами города обычно выпадают из

поля зрения историков ввиду «особенности положения и формирования» [282, с. 139].

Города Среднего Поосколья, имевшие общее географическое положение, представили два различных типа эволюции, напрямую связанные с временем и целью их основания, уровнем хозяйственного развития.

Исходя из особенности заселения тех или иных городов региона, нами предложена схема формирования уездов вокруг городов двух типов: «старых» и «новых». К первым относятся Валуйки, ко вторым – города по Белгородской черте в северной части региона. Черкасские городки, слободы и острожки своих уездов не сформировали и административно подчинялись Белгородскому разряду, входя в состав Изюмского слободского полка.

Начало формирования Валуйской округи (уезда), в качестве самостоятельной административной единицы, приходится на период ослабления центральной власти в годы Смуты. При этом, ввиду постоянной военной угрозы, воеводская администрация пыталась найти поддержку у лидирующих служилых корпораций города (стрельцы и казаки). По мнению исследователя М. Ю. Зенченко, условием совместного выживания становился именно компромисс воеводы и служилого населения города-крепости [319, с. 164]. Именно отсюда, на наш взгляд, следует искать истоки особенности развития Среднего Поосколья в XVII в.

Необходимо отметить, что наличие в Валуйках значительного контингента конных казаков, прибранных большей частью из местного населения, непосредственным образом повлияло на выбор населением формы общественной организации. Именно это обстоятельство сделало решающий вклад в направление дальнейшего хода развития региона, поскольку роль казачества в событиях Смуты на южном порубежье вызвала соответственное отношение к ним центральной власти. Отсюда – слабые позиции в экономической жизни округи, где основной формой хозяйственной деятельности являлось оброчное хозяйство, отсутствие десятинной пашни и помещичьего землевладения. Экономическая слабость региона, обусловленная, помимо прочего, еще и постоянными набегами татар и черкас

на центральный город региона, имела двойственное влияние. Уже в 1620-х гг. Валуйская крепость представляла собой сформировавшийся город. По переписи 1626 г. мы видим дворы приборных служилых людей, наличие маргинальных групп населения, торг и ремесленное производство. В той или иной степени своеобразной формой «посада» выступала Черная (тяглая) ремесленная слобода [43].

Временем появления определяющей составной в складывании специфики рассматриваемого города-уезда можно считать 1620-30 гг., когда в регионе устраивается станичная служба, прибранная из местных служилых корпораций. Станичники при этом занимают место служилых людей «по отечеству». В результате происходит становление особой формы поместного землевладения, когда приборные чины перенимают на себя функции уездного дворянства. Одновременно с этим укрепляется воеводская власть. В результате – возросшее противостояние воеводской администрации с местными служилыми корпорациями.

Особенности процесса складывания уездов вокруг городов мы видим в непосредственной связи со временем основания населенного пункта и характера испомещения местных служилых корпораций. Возведенные на значительном расстоянии от «украинных» городов Валуйки своего полноценного уезда не сформировали вплоть до конца XVII в., поскольку длительное время являлись единственным поселением на территории, применение термина «уезд» к которой возможно только с определенными оговорками. При этом необходимо отметить, что уезд XVII в., как основная административно-территориальная единица, имел свои особенности. Одна из них заключается в том, что на правах уезда существовал город, который являлся центром округа и объединял пригородные слободы, населенные местности, пустоши, пчельники и т.п. [319. с. 28]¹⁸ Подобное устройство города-уезда рисует уже упоминаемая книга письма, меры и раздела 1626 г. Однако, принимая во внимание содержание наказа валуйским писцам 1625/26 г., можно прийти к выводу, что данный документ фактически

является окладной книгой подгородных слобод служилых людей. Это позволило М. Ю. Зенченко сделать вывод о том, что уезд, в виде административного округа вокруг Валук в центральной части Поосколья, не сложился вплоть до начала XVIII в. [319, с. 28-30]

Все служилые люди округи имели свои земельные наделы, отмерянные при закладке города, при испомещении и увеличении размеров дач воеводой Г. К. Челюсткиным в 1613/14 г., а также в 1626 г. писцами во время устройства в городе станичной службы. Земельные участки каждая служилая группа получала отдельно на своем поле, которое отмечалось межевыми знаками. Казакам, стрельцам, затынщикам и пушкарям изначально отмерялись наделы на пригородных полях вокруг слобод. Станичники, которые в Валуйках занимали место городских детей боярских – низшей категории «служилых по отечеству», земельные наделы получили за пригородными слободами, т.е. фактически на уездных землях. Отказ дополнительных наделов станищикам и приборным служилым людям имел различные формы. Во второй половине XVII в. валуйчанами для получения уездной земли, находившейся к тому времени в их пользовании, активно применялось испомещение «по заимке».

Наличие значительного количества свободной земли позволяло служилым людям занимать участки, которые являлись более удобными для ведения хозяйства и граничили с их угодьями. Служилый человек оседал на «порозжей» земле и владел починком «не справя за собою» [138, л. 488]. Распространение данной практики объясняется тем, что поместный оклад являлся номинальным числом, определяющим то количество земли, которое служилый человек мог получить за службу. На практике размеры дач значительно уступали величине окладов.

Таким образом, формирование Валуйской округи, а позднее и уезда, происходило от границ¹⁵ к центру, т.е. к городу. При этом слободы служилых людей устраивались вокруг основного поселения, как и в других регионах. В значительной степени этому способствовало наличие огромной территории, не введенной в хозяйственный оборот и особенности рельефа – наличие

лесов, болотистых рек и меловых гор. Все это влияло на вытягивание границ округа к северо-востоку, северу и западу. Восточные границы, наиболее уязвимые для татарских набегов, не менялись на протяжении полутора веков.

Один из примеров внутренней колонизации уездных земель «по заимке» силами валуйских служилых людей связан с фамилией Посоховых, которые, начиная с середины XVII в., служили станичными атаманами и ездоками. Самая ранняя сохранившаяся челобитная на сыск дикого поля относится к 1693 г. Из нее следует, что в 1683 г. Кузьма, Савелий, Ларион и Герасим Посоховы получили на уездных землях «выше города за рекой Осколом с крымской стороны от Черного лесу на Колтаков Рог...» по 37 четей¹⁶ с осьминою в поле на человека [45, с. 1705]. В 1684 г. Посоховы по челобитной снова получили в поместье «к старым их дачам... в уезде за лесом за рекой Осколом по Мокрой Казинке с потеклями и с лушками... и по Бирючий лог...» 150 десятин дикого поля и сенокосу на 1500 копен¹⁷. В 1694 г. упоминаемые служилые получают поместья в придачу к имеющимся дачам в размере по 12 четей с осьминою в поле, а их родственники, по всей видимости верстанные в новики, Тимофей, Иван и Василий Посоховы получают по 50 четей в поле на человека [45, с. 1706]. Таким образом, наличие заимочной земли у старшего поколения служилого рода позволило им не только увеличить собственные земельные наделы, но и обеспечить поместьями младшее поколение и ближайших родственников, по всей видимости, поступивших в это время на службу¹⁸. Подобная практика земельных отказов в начале 70-х гг. XVII в. была закреплена законодательно: дети получали дачи «в межах и гранях» своих отцов и дедов [180, лл. 2, 5].

В 1701 г. дети и племянники упоминаемых выше Посоховых подали в Разряд челобитную на отказ им лишней пахотной земли и сенокосов сверх дач их родителей [43, с. 911]. Лишняя пахотная земля появилась, по всей видимости, в результате новой заимки старшего поколения Посоховых. В результате на группу из 8 служилых людей было отказано угодий по 14 четей в поле и по 50 копен сенокоса на человека. В этом случае мы также видим

пример придачи к поместной даче с испомещением новоприбранных станичников за счет заимочных земель их старших родственников. Осуществление придачи не на полный контингент служилой группы, а на указанную группу из 8 человек в данном случае отличает станичников от остальных приборных чинов. Последние получали землю «в оклады сполна» и практика индивидуальных придач для них была невозможной [272, с. 144].

Пример отказа уездных земель Посоховым является иллюстрацией процессов, которые происходили в структуре землевладения южнорусского города в конце XVII в. Количество служилых людей в семье увеличивалось, а размеры земельных дач оставались на прежнем уровне. Происходило дробление жеребьев при наследовании, что являлось угрозой принципу соответствия размера наделов объему службы. Примечательно, что межевание земель Посоховым, как и другим станичникам, проводилось по грамоте из Поместного приказа. Последний, в отличие от Разрядного приказа, занимавшегося раздачей земли приборным чинам, регулировал дворянское землевладение [272, с. 107]. Это еще раз подтверждает особое положение станичников в социальном составе южнорусского города, где все служилые люди были включены в строгую иерархию. Те служилые люди, которые занимали более высокое положение, не только получали поместные оклады больших размеров и в лучшей степени обеспечивались земельными дачами, но и могли быть пожалованными индивидуальными поместьями на уездных землях, что видно на данном примере. Подобное испомещение служилых людей является иллюстрацией одного из этапов формирования однодворческой общины и, как следствие, нового витка заселения формирующегося уезда. Получая общие земельные наделы, они не только защищали их сообща от внешних врагов, но и обрабатывали собственными силами. Необходимость работать на землях, отдаленных от города, являлась стимулом к основанию новых населенных пунктов, которые в первоначальном виде представляли собой пчельники, починки или небольшие стоялые острожки.

Еще один из примеров заселения Среднего Поосколья «по заимке» связан с отмежеванием земельных участков полковому казаку Л. Косякину «с товарищи». В октябре 1697 г. валуйский воевода С. Жданов по царскому указу отказал челобитчикам надель по обоим берегам р. Оскол и вниз по р. Уразовой к Долгому липягу и Двучной луке. Оказалось, что казаки распахали дикого поля 100 четей в поле и «раскосили» сенокосы на 1000 копен. В результате каждый челобитчик¹⁹ получил в отказ по 20 четь в поле «а дву по тому ж» [43, с. 928-933]. Получение придачи приборным человеком на уездных землях В. М. Важинский объясняет его состоятельностью и возможностью получить земельный надел при помощи взятки [272, с. 118]³¹. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по соседству с отказными землями полковых казаков находятся надель станичников В. Борисова, И. Лемзякова и сына боярского Я. Сафонова. В данном случае мы видим, что полковые казаки получили угодья «по службе», т.е. землю отказали на группу приборных служилых людей, в то время как станичники и сын боярский владели поместьями, отмежеванными им по окладу или являвшимися индивидуальными придачами к основным наделям. Подобный пример придачи станичникам мы видели в случае с поместьями Посоховых. Это еще раз указывает на различие в сфере землевладения различных групп служилых людей внутри одного уезда, которые к концу XVII в. постепенно стираются в силу различных причин социально-экономического характера.

В 1684 г. группа служилых людей, среди которых мы видим станичников, пеших стрельцов, пушкарей и затинщиков, била челом на отказ им за Осолом распашной земли в диком поле, которую они в «давние годы распахали для убежищ и оберегательства от приходу воинских людей...» [44, с. 915-916]. В результате отказных мероприятий им было отведено 58 десятин «со всеми угодьями, и под дворы, и под усадьбы, и на выгон и под селище» по соседству с поместьями Посоховых в вершине речки Мокрой Козинки от Котлубацкого колодезя до Черного леса [43, с. 916]³³. Помимо того, что документы об отводе дикого поля под основание села на уездных землях для

Среднего Поосколья само по себе явление довольно нечастое, обращает на себя внимание формулировка – «58 десятин ... под селище», т.е. земля не была положена в служилую четверть. Здесь мы видим отказ участка не в поместье или придачу к окладу, а отвод дикого поля для группы из различных категорий служилых людей именно под строительство нового населенного пункта²⁰.

Одна из особенностей заселения Среднего Поосколья в к. XVII в. связана с испомещением на рассматриваемой территории детей боярских из соседнего Полатовского уезда. Наличие значительного количества свободной земли в северной части Валуйской округи вдоль рр. Валуй, Полатовка, Мосей, Сенная, в окрестностях Большого Валуйского и Полатовского леса позволяло валуйским служилым людям обрабатывать наиболее удобные участки «сверх дач наездом» и без оформления необходимых «крепостей». Отсутствие фиксированных административных границ уезда также способствовало практически беспрепятственному проникновению заимочного землевладения на значительное расстояние от города. С постройкой в 1671 г. на р. Сенной города Полатова [178, лл. 157-157об.] происходит оттеснение валуйских служилых людей с их заимочных угодий. В январе 1681 г. полатовские дети боярские О. Капустин «стоварищи 36 человек» били челом на отказ им в поместье угодий «...по левую сторону от Сенной Яруги, через Третий Созон к Хмелевому Колодезю... вниз по валуйские ездовые дачи» [222, л. 1]. Помимо пашни и сенокосов полатовцы просили разрешения «строить дворами» на речке Нагольной Россоши [222, л. 1]. В сентябре 1685 г. полатовской приказной избы подьячий Ф. Фролов отказал детям боярским в поместья, помимо запрашиваемых угодий, Сторожевую поляну в Большом Валуйском лесу [230, лл. 3,3об,4,4об.]. Отказ Сторожевой поляны, по всей видимости, был связан с невозможностью отказа «селитебных» мест по Нагольной Россоши ввиду того, что угодьями по этой речке были пожалованы черкасы воеводой М. Дмитриевым по грамоте из Стрелецкого приказа еще в 1651 г. [43, с. 884-885] В начале 1690-

х гг. на упоминаемой поляне мы видим деревню Сторожевую, заселенную полатовскими детьми боярскими [224, лл. 1-10].

В ноябре 1693 г. полатовец сын боярский М. Самарянин «с товарищи 40 человек» получил на р. Полатовке²¹, при впадении в нее рр. Живой Воды, Копанной и Нагольной Россошей, пашни и сенных покосов 300 четь в поле и места под постройку дворов [233, лл. 2-2об.]. Не совсем понятно в данном случае положение валуйских черкас, владевших угодьями по Полатовке и Россошам на основе упоминаемого выше пожалованья 1651 г. Месяцем ранее, в октябре 1693 г., валуйчанам И. Безготкову и А. Чепухину с товарищами были отказаны поместья в тех же местах по р. Полатовке²². Получение в 1694 г. И. Безготковым и А. Чепухиным усадебных мест на отказанных годом ранее поместьях позволяет предположить, что вероятный спор был разрешен мирно. Обращает на себя внимание тот факт, что граница между поместьями полатовцев и валуйчан прошла примерно по речке Нагольной Россоши [89, лл. 358-366] (Приложение М). По всей видимости, здесь мы наблюдаем пример маркировки границы между соседними уездами, т.к. о каких-либо точных административных границах даже в конце XVII в. говорить не приходится.

Иначе происходило оформление административных и хозяйственных границ уездов «новых» городов. Усерд, Верхососенск, Полатов и др. возводились на территориях, в определенной степени уже освоенных валуйскими и оскольскими служилыми людьми. Здесь территория изначально оказывалась ограниченной сферами хозяйственных интересов различных служилых корпораций соседних городов. Заселение уезда происходило от города к границам. Сначала возводился «город» и слободы, затем отказывалась земля вдоль рек, в непосредственной близости от поселений. С ростом населения пашенные участки и сенокосы расширялись к границам соседних уездов и округа. При этом следует учитывать, что в социальной структуре «новых» городов не было таких особенностей, как нами показано выше на примере Валук.

Ярким примером формирования уезда «нового» города может служить основание Усерда в 1637 г. Одновременно со строительством детинца застраивались пригородные слободы, отдельно для каждой служилой группы – Стрелецкая, Пушкарская, Казачья.

Казачья слобода «устроена за городом за усердские ворота вниз по реке Сосне к устью реки Усерда» [14, с. 23]. В ней отмерялась земля для дворовых усадеб конных казаков: пятидесятника М. Уколова, И. Селищева, Ф. Мишукова, П. Севрюкова и 229 рядовых. Рядом со слободой отмеряли усадьбы для 500 человек, которые в будущем могли быть прибранными в службу [14, с. 23-24]. Пашня и сенные покосы отмерялись «вверх по реке Усерду по левую сторону реки Усерда к верхнему Усердскому городищу, по речке Малому Усердцу по правую сторону и у речки Усердца в правотью...» [14, с. 24]. Усердским станичникам и вожам дворовые места отводились за Казацкой слободой «за старою перекопью» [14, с. 25].

Стрелецкая слобода располагалась за Московскими воротами (западная сторона города) вверх по течению р. Сосна. По обе стороны Московской дороги вдоль берега речки Сосны отмерялись, как и в предыдущем случае, дополнительные усадьбы. Стрелецкие угодья и земля слободской Никольской церкви отказывались от р. Сосна до Гридякина колодезя до полевых укреплений усердской военной зоны [14, с. 25].

Пушкарская слобода застраивалась «за сосенскими воротами вниз по реке Сосне». Пушкарские наделы получили «вверх по речке Сосне от надолоб меж Сосенского лесу и стрелецких полей по правую сторону верхняя дороги, что ездят с Усерда к Раздорскому острогу да по речке по Малому Усердцу вверх по левую сторону за надолобами от городища до острогу» [14, с. 25].

В целом, расселение усердских служилых людей начиналось от городских укреплений, направлялось вдоль рек и завершалось не далее полевых укреплений. Подобным образом заселялся и полатовский уезд, о чем было сказано выше.

Таким образом, изучаемый регион имел особенности как в проведении правительственной политики заселения новых городов служилыми людьми,

включении местного населения в состав гарнизонов порубежных крепостей, так и в формировании уездов. Последнее обуславливалось спецификой геополитического положения и социального состава населения региона. Это, в свою очередь, повлияло на процесс складывания отдельных участков порубежья в административно-территориальном отношении.

2.3. Служилая и социальная структура населения Среднего Поосколья.

Структура населения южнорусских регионов в конце XVI–XVII вв. представлена служилыми людьми по отечеству (кроме Валоек), служилыми людьми по прибору и различными категориями тяглого, нетяглого и вольного населения (Приложение А).

Социальный состав рассматриваемого региона относится к числу основных показателей, которые характеризуют значение и роль служилых корпораций южнорусского города в процессе обороны и освоения территории Поля в XVII в. Служилые люди, связанные со своим городом в хозяйственном и служебном отношении, оказывали значительное влияние на экономическую и культурно-бытовую жизнь пограничного города и формировавшегося вокруг него уезда. В Среднем Поосколье традиционная для других регионов служилая иерархия получила своеобразное оформление, связанное с особенностью географического положения, постоянными татарскими и черкасскими набегами.

Наибольшая по численности категория приборных людей в Среднем Поосколье представлена стрельцами и полковыми (конными) казаками, имевших свои корпорации во всех городах региона. Численность пооскольской приборной служилой корпорации людей «пушкарского чина» определялась наличием и размером артиллерии в каждом конкретном городе и значением региона в общем построении обороны порубежья. В Валуйках, где наряд по составу и объему традиционно был вторым в государстве, количество пушкарей обычно не превышало 100 человек (см. Приложение А). В Усерде, Верхососенске, Полатове и др. численный состав корпорации колебался в пределах 5-20 человек [80]. Станичники, как особая корпорация

приборных служилых людей, в Среднем Поосколье были представлены только в Валуйках и Усерде²³.

Социальный состав валуйских станиц формировался на основе указов из Разрядного приказа. Так, в грамоте валуйскому воеводе Ф. Сухотину от 17 февраля 1625 г., присланной в связи с набором в станицы, было сказано: «Велено... прибрати в станичную службу от отцов детей, от братьев братью, и от дядей племянников, и сусед, и подсудеков, и всяких вольных людей» [255, л. 1-2]. В январе 1626 г. в станичники было выбрано «в атаманы из служилых казаков, а в ездоки изо всяких служилых людей» [113, л. 56]. В справке из Разряда 1627 г. сказано, что атаманов «взято из жилых казаков и стрельцов, а ездоков ... из пушкарей и гулящих людей» [113, л. 57]. В указе 1630 г. говорится: «...вместо старых и увечных и в полон взятых велено на Валуйку набирать ис полковых казаков и стрельцов и ис пушкарей самых добрых и конных людей» [113, л. 9]. Станичные атаманы, исходя из оброчной книги, были набраны из пушкарей, гулящих людей и пеших стрельцов. Из Оброчной книги 1621-23 г. также следует, что ездоки прибирались из пушкарей, затинщиков, казаков, гулящих людей и ремесленников из Черной слободы [108, лл. 56об.-57]. В результате в Валуйках набрали 24 «проезжие» станицы, каждая из которых состояла из атамана и пяти ездоков. В 1629 г., после конфликта стрелецкого головы Ю. Чуфаровского с Разрядным приказом ввиду отбора последним в станичники лучших служилых людей из стрельцов, набор регулировался указной грамотой: «Да будет, которые станичные атаманы и ездоки и вожи побиты и померли и в полон поиманы, или будет, которые станичные атаманы и ездоки и вожи стары и увечны или хто беден или худ и с государеву станичную службу не будет, и в тех побитых и в старых и взятых и в увечных и в худы место велено на Валуйке выбирать ис полковых казаков и ис стрельцов и ис пушкарей самых добрых и конных людей, которых бы станичную службу стало и полевое дело было за обычей, чтоб станичная служба была сполна. А худых и бедных и старых

станичников, будет которой еще службы не отбыл, велено им служить полковая служба» [113, л. 9].

Часто служба в станичниках становилась родовой. Так, в 1627 г. станичный атаман Кузьма Васильев Косков «за старостью» был отставлен от службы, а на атаманское место прибран его сын Филимон. В 1628 г. Ф. Косков попал в плен во время разъезда, а на его место записан брат одного из атаманов Е. Рябинин. После смерти в 1633 г. Кузьмы Коскова, его поместье и двор перешли младшему сыну Марку, служившему в ездоках. Подав челобитную в Разрядный приказ, М. Косков добился пожалованья атаманской службой «за отцову службу и полонное терпение брата» [148, лл. 100-101]. За 1631 г. сохранилось несколько челобитных на запись в станичники младшего поколения служилых родов: увечные после боя с татарами ездов О. Созыкин просил записать вместо себя своего шурина Р. Антонова, И. Русанов бил челом на место умершего тестя ездова А. Русанова, ездов С. Жерлицын просил отставку «за старостью и увечьем» и о назначении на его место сына Амоса [114, лл. 345-350].

Анализ содержащихся в Оброчной книге 1625/26 г. чернослободских фамилий, имеющих в большинстве случаев происхождение от названий профессий, и фамилий станичных ездовых по прибору 1626 г., позволяет определить выходцами из ремесленных кругов В. Золотарева (Серебрянника), М. Кожевникова, П. Котельникова, П. Чеботова, Г. Овчинникова²⁴ и нескольких ездовых с фамилией Кузнец. Станичные атаманы в рассматриваемый период с подобными фамилиями не встречаются. Среди ездовых также видим С. Веневского – пасынка пушкаря П. Шацкого, бывшего в 1619 г. кабацким и таможенным целовальником [67, с. 169-170], а в 1625 г. – держащим лавку в городе [108, л. 55об.].

Таким образом, социальное происхождение валуйских станичных атаманов и ездовых было достаточно разнородным. С одной стороны, важность станичной службы в системе обороны южного порубежья Российского государства требовала привлечения к ней наиболее опытных и зажиточных служилых людей. Если в Белгороде, Осколе и других

пограничных городах станичными атаманами становились дети боярские, то в Валуйках на их место верстались наиболее зажиточные люди из различных служилых групп, в том числе и гулящие люди. Значительная их часть была выходцами из торгово-ремесленных кругов. Усердские станичники прибирались на службу путем сведения из других городов. Имущественное положение станичников создавалось хлебным жалованием, денежным жалованием по окладу и поместным окладом, которые зачастую приравнивались к окладам детей боярских других пограничных городов. Это еще раз указывает на особое положение станичников и важность их службы на южном порубежье государства в первой половине XVII в.

Образование стрелецкой служилой корпорации в Среднем Поосколье²⁵ непосредственным образом связано с правительственной колонизацией региона. Стрельцы присутствовали при строительстве всех без исключения городов. При возведении Валук конные стрельцы присылались из Деделова [14, с. 1]. После Смуты и до 1630-х гг. правительство, стараясь восстановить и усилить оборону границ, проводило набор в стрелецкие гарнизоны городов из местного служилого и несслужилого населения, преимущественно из казаков и черкас. Воеводы по указным грамотам обязывались «в торговые дни кликать, которые охочие люди от отцов дети, от дядь племянники, от братья братья и всякие вольные люди похотят итить в стрельцы... в городовую службу» [139, л. 338], «а которые из них в службу успели, лет по 15 и более, и государево жалованье, отцовские земли за ними есть, и в доспех их брата по 2 и по 3, и из тех из семьянистых по одному человеку, которые в службу годятся, написать в службу; а которые малы, в службу не успели и которые не одиноки живут в доспех по одному человеку, и тех в службу не писать, для того, чтоб им домов своих и пашен не отбыть» [3, с. 183]. Исследователь В. А. Александров, рассматривая этот вопрос, отмечал, что в стрельцы прибирались абсолютно все категории населения, иногда без ведома воеводы, а с подачи стрелецкого головы [259, с. 239].

Документов, подтверждающих переход в валуйскую стрелецкую корпорацию служилых и гулящих людей из других городов, нами не выявлено. В качестве единственного возможного способа установления источников пополнения стрелецкого гарнизона служит изучение биографий конкретных лиц. Из всего персонального состава валуйских стрельцов (конных и пеших) нами рассмотрены служилые фамилии: Акиншины, Безготковы, Волконитиновы, Герасимовы, Горбачевы, Давыдовы, Дуткины, и др. (всего 56 фамилий). В первую очередь для изучения брались фамилии, чьи представители жили в городе и округе не одно поколение. Так, например: 1) Яков и Кузьма Акиншины, сыновья казацкого пятидесятника Матвея Акиншина, служившего в полковых казаках в 1640-53 гг., в 1670-73 гг. прибраны в конные стрельцы, где прослужили вплоть до первого десятилетия XVIII в.; 2) Семен Безготков, сын полкового казака Фотей Безготкова, служившего с 1626 г.²⁶ по 1653 г., на место отца прибран в 1653 г., а в 1654/55 г. мы его видим уже в конных стрельцах. Там же в дальнейшем служили его дети и внуки; 3) Василий Афанасьев Волконитинов в конные стрельцы записан из «детей гулящих»; 4) Служилый род черкас Дуткиных со второй половины 1650-х гг. числится в пеших, а затем и в конных стрельцах [101, лл. 190].

В результате, из 56 рассмотренных служилых родов представители 38 в стрелецкую службу попали из полковых казаков, черкас, гулящих людей. Для Поосколья также был характерным обратный процесс – значительное количество стрельцов прибиралось в станичные ездоки и атаманы. При этом перехода из станичной службы обратно в стрельцы зафиксировано не было.

Вопрос о социальном составе полковых казаков является одним из наиболее сложных в изучении социальной структуры региона, поскольку данная группа появляется на порубежье с началом возведения городов и проследить родственные связи первых представителей служилый группы практически невозможно. Изучение персонального состава валуйских и усердских казаков показывает, что данная служилая категория являлась одной

из наиболее замкнутых. На протяжении всего XVII в. нам не удалось обнаружить ни одного примера перехода в полковые казаки из другой корпорации. В то же время, полковые казаки являлись источником пополнения стрельцов, пушкарей, станичников.

Набор в пушкарскую службу в первой половине XVII в., в условиях нехватки кадров в пограничных уездах, проводился из «вольных и охочих людей». В таких условиях прибор на службу сопровождался подачей воеводе поручной записи от всей служилой корпорации: «чтоб служил исправно, чтоб ни в Крым, ни в Ногаи, ни в Литву, ни в немцы, ни в которое государство не отъехать, ... ни в зернь не играть, ни корчмы ни блядни не держать и с воры не знаться ни над государевою казною хитрости ни в чем не учинить» [2, с. 306]. За нарушение поручной записи надлежало взимать пеню с поручителей и наказывать смертью подписавших документ [2, с. 306-307].

Подобная практика прибора в службу продолжалась примерно до середины XVII в. В ходе Смоленской войны и последующего разорения Поосколья татарами, количество пушкарей и затинщиков в одних только Валуйках сократился более чем в 2 раза (см. Приложение А). Острая нехватка кадров подтолкнула правительство на прибор на службу детей и племянников служащих артиллеристов. Таким образом, каждый пушкарь за годы своей службы подготавливал себе замену из числа родственников. При этом служба становилась пожизненной, а отставка давалась только старым и увечным. С 1679 г. в пушкари начали возвращать служилых людей, прибранных в другие службы после 1663 г. [126, л. 567] Таким образом, к началу 1680-х гг. пушкари становятся относительно замкнутой служилой группой, что определялось спецификой их службы, требовавшей специальных технических знаний.

В целом, для рассматриваемого региона характерной являлась достаточно высокая социальная мобильность, выраженная, как видим, в переходе пушкарей и затинщиков в другие службы и наоборот. В связи с организацией в Валуйках станичной службы в 1625 г., в ездоки записались пушкари К. Бибиков, Л. Серин, И. Посохов и др. Подобная практика

переходов встречается и во второй половине XVII в. Так, например, сын станичного ездока Алексей Сидоров Зиборов был прибран в станичную службу весной 1673 г. [101, л. 199], а в 1688 г. мы его видим уже пушкарем с поместным пушкарским окладом на уездных землях. Брат Алексея, Иван Сидоров Зиборов, службу начал с 1679 г. в рейтарах [126, лл. 15-18] и в 1680 г. уже заступил на место перешедшего в пушкари брата. Дети прибранного в 1626 г. из казаков в пушкари И. Конищева служили уже в полковых казаках, т.е. на прежнем месте отца [126, л. 65]. Подобные переходы, на наш взгляд, можно связать с ростом населения города, когда многодетные отцы записывали старших сыновей на свое место, а младших продвигали по другим службам. Возвращение служилых людей на прежнее место службы в пушкари и наоборот, связывается нами с возможной потерей здоровья служилым человеком, поскольку полковая служба являлась более тяжелой, требовавшей частых походов и т.п.

За свою службу служилые люди получали поместные оклады, денежное и хлебное жалование. Размеры жалованья разнились не только в связи с местом расположения служилой группы в социальной иерархии города, но и варьировались в зависимости от различных факторов – засухи и недорода, внешнеполитической ситуации и т.д.

Первые составы валуйских станиц из годовальщиков центральных городов оклады получали в соответствии с царским указом по десятиям: «А преже, государь, сево, дворяня служили тебе, государю, станишную службу, и у них, государь, были вотчины и поместья, шло им твое царское полное жалованье. И после, государь, тех дворян, нынеча служим станишную службу в их места мы, холопи твои, а идет нам, холопом твоим, твое царское денежное жалованье в полы: атаманом по пять рублей, а ездоком по четыре рубли» [113, д. 25]. О величине поместных окладов станичников из валуйчан сказано в царской грамоте воронежским воеводам И. Волынскому и С. Усову от 17 февраля 1625 г.: «а оклады станичникам указали... учинить: атаманам поместья по 100 чети в поле, ездокам – по 50 чети в поле, а в дву по тому ж»

[255, лл. 2-2об.]. Интересно, что оклады белгородских станичных атаманов в это же время делились на 7 статей от 100 до 450 четь каждая [121, лл. 215-216]. Та или иная статья устанавливалась во время смотра и зависела от социального происхождения, личных заслуг, снаряжения, физических данных и т.п. [272, с. 110-111] Валуйские атаманы и ездоки имели фиксированные оклады.

Испомещение станичников связано с единственным валовым описанием Валуйской округи в 1625/26 г. Создание станиц и прибор в атаманы и ездоки служилых людей различных корпораций вызвало необходимость уравнивать земельные дачи с окладами. Записавшись в станичники и получив возможность получить большой надел, служилые люди били челом государю на присылку в Валуйки писцов. По указной грамоте от 1625 г. «Государь указал на Волуйке земли всякие дозрити и измерити и описати, и за валуйскими станичники, и за стрельцы, и за затинщики ..., и за плотники, и за кузнецом Государева жалованья, дворовыя усады в городе и в остроге и в слободах, и за городом, и за острогом огородныя места и пашню паханую и переложную и луга и всякие угодыя в подгородных и в дальних местах учинити, разверстав против их окладов» [41, с. 89]. Описание округи проводилось путем сопоставления различных валовых документов – справки из Разрядного приказа о размерах поместных дач служилых людей, выписи из приправочных книг воеводы Г. К. Челюскина 1614 г., выписи В. Сараева о испомещении в регионе конных стрельцов [41, с. 90].

Помимо пашни и сенокосов, писцы перемеряли дворовые и огородные места: «атаманы и ездоки под дворы и под огороды места ... за Черной слободой к Пристанскому монастырю и около тех мест порозжия земли, которыя не в горотьбе, атаманам по 8 десятин, а ездокам 25 десятин и им те усады разделены» [41, с. 91-92].

В Усерде станичники получали под дворовые усадьбы от 150 до 195 кв. сажень. На пашню им отмеряли по 25-30 четей в поле и по 90 копен сенокоса на человека [152, л. 537; 112, л. 436; 130, л. 218-220].

Обеспечение поместными дачами полковых казаков выглядело следующим образом: усадебное место составляло примерно 600 квадратных сажень, распашная земля на человека – 15,7 четей в поле (до 1626 г. – 23,3 чети), сенных угодий – 31, 2 чети в поле при окладе в 50 четей [41, с. 91].

Конных и пеших стрельцов испомещали более равномерно. Под усадебные места им отводилось до 400 квадратных сажень, под пашню – 11,5 четей в поле, сенокосов – 78, 4 чети в поле [41, с. 91].

Люди «пушкарского чина», по размерам поместных окладов, нередко приравнивались к рядовым стрельцам. Так, в 1626 г. валуйские пушкарки получили по 10 четей в поле пашни и по 30 четей в поле сенных покосов [41, с. 92].

Денежный оклад служилым людям должен был выдаваться в пропорции, которую Г. Котошихин определял следующим образом: за 5 четей поместного оклада назначался денежный оклад в 1 руб. [338, с. 196] Однако денежные дачи, как и поместные, не всегда соответствовали окладу. В некоторых случаях жалованье выдавалось в урезанном виде или с одноразовой прибавкой по указу царя и справки из Разряда. Так, станичники денежное жалованье получали на основании десятен денежных раздач²⁷.

Десятни денежных раздач составлялись ежегодно во время войскового смотра в конце марта – начале апреля [125, л. 33]. Если при этом самих раздачи не производилось, то жалованье выдавалось по предыдущему списку в прежних размерах. В десятню вносились данные о персональном составе каждой из 24 валуйских станиц с указанием «кто взят на новое место» [98, л. 87об.].

Необходимо отметить, что валуйские десятни денежной раздачи составлялись не для служилых детей «по отечеству» (дворян и детей боярских) как в других городах, а для станичных атаманов и ездоков, то есть для служилых людей «по прибору». Интересно, что в разрядных справках первой половины XVII в. и росписном списке города 1681/82 г. встречается следующая формулировка: «а на Волуйке вместо детей боярских станичники...» [43, с. 934]. Причисление станичников (атаманов, ездоков и

вожей) к детям боярским было, скорее всего, данью традиции, которая брала свое начало с боярского приговора 1580 г. [1, с. 52] Однако наличие отдельных десятен денежных раздач для станичников показывает, что данная категория служилых людей была отделена от дворянства. Включение станичников в корпорацию «служилых по отечеству» можно наблюдать в Воронеже и Белгороде [319, с. 183]. Однако на Валуйке, ввиду полного отсутствия дворян, станичники «писались в десятни» вместо детей боярских и имели несколько особое положение, нежели станичники Белгорода и Оскола²⁸. Это в определенной мере подтверждает высказывание Г. Н. Шмелева о том, что в южных уездах термин «дети боярские» обозначал скорее не социальное происхождение, а только род воинской службы [441, с. 14]. На особое положение станичников указывает и размер жалованья. Атаманы станиц, набранные из валуйских служилых людей, после 1624 г. [216, л. 507-508] получали деньги на одном уровне с белгородскими и оскольскими детьми боярскими [125, л. 322-323]. По раздаточным книгам воеводы Н. Чоглокова 1629 г. валуйские атаманы получили жалованья по 10 руб., а станичные ездоки и вожи – по 6 руб. [113, л. 58-62] В это же время белгородские и оскольские дети боярские получили денежное жалованье наравне с валуйскими станичными атаманами. В Белгороде и Осколе станичные атаманы получали жалованье по 8 руб. [113, лл. 62-64]

Натуральная часть жалования валуйских станичников в 1620-30-х гг. XVII в. колебалась от 2 четей овса и 2 четей ржи до 6 четей ржи и овса соответственно [120, л. 236]. В денежном выражении эта часть жалования соотносилась примерно так: по 30 копеек за четь овса и четь ржи в 1633 г. и 16 копеек за четь ржи, 21 копейку за четь овса в 1634 г. [120, лл. 236-237] При этом в 1634 г. станичники хлебное жалование получили «сполна» [120, л. 237]. Таким образом, станичники к денежному окладу получали выплаты за натуральную часть жалования в разное время от 74 коп до 7 руб. 20 коп.

Необходимо отметить, что особая ситуация, характерная в основном для городов Белгородского разряда, сложилась с обеспечением поместными

окладами, хлебным и денежным жалованьем стрельцов и казаков. После Смуты стрельцы и казаки не получали денег и хлеба, а служили исключительно «с земли». Первые денежные выплаты из Разряда валуйским стрельцам зафиксированы только в 1628/29 г. как ответ на челобитные всей служилой корпорации [100, л. 104-163]. Таким образом, в Валуйках, а позднее и в других городах Среднего Поосколья, сложилась смешанная система обеспечения, что обуславливалось спецификой геополитического положения региона, часто подвергавшегося татарским нападениям, однако располагавшим значительными территориями «дикого поля». Формы обеспечения разнились в зависимости от каждого конкретного случая – пожара, падежа скота или чумы, неурожая или татарского «прихода». Жалованье (хлебное и денежное) валуйчанам в 1628 г. выдавалось в следующих объемах: конным стрельцам — по 4 руб., по 6 четей ржи и овса, полковым казакам — по 6 руб. и по 6 четей ржи и овса, пешим стрельцам — по 2,5 руб. и по 4 чети ржи и овса.

Интересно сравнение жалований станичников и валуйских конных и пеших стрельцов, поскольку последние были одним из важнейших составных элементов русской военной организации XVI–XVII вв. Так, поместный оклад конных стрельцов в 1626 г. равнялся 30 четям в поле. Реальный размер «пашни паханой» на одного конного стрельца составлял 11,5 четь в поле. Пешие стрельцы были на окладе в 20 четей в поле при реальном размере запашки в 8,2 чети в поле. При этом валуйские стрельцы, по переписи 1626 г., землю получили вместе с затинщиками: «А делить пешим стрельцам с затинщиками землю самим меж себя, как хлеб с полей сойдет» [366, с. 88].

Размеры стрелецкого жалования колеблются в незначительных пределах, в зависимости от времени и места [282, с. 65]. Чаще всего стрельцы получали оклад от 3 до 3,5 рублей и от 6 до 6,5 четей ржи «и овса по тому ж». При этом хлебное жалование им зачастую выдавали деньгами по «указной» или по местной «торговой» цене из городских таможенных и кабацких доходов [163, л. 170-171]. Стоимость натуральной части жалования рядовых

стрельцов к середине XVII в. равнялась 4 руб. 07 коп и 4 руб. 63 коп у пятидесятников [331, с. 170]. Таким образом, стрелецкие пятидесятники получали денежное жалование почти в 2 раза ниже жалования атамана валуйской станицы.

Представление о жаловании служилых людей было бы неполным без учета различных экстраординарных и единовременных выдач. Можно выделить основные виды таких выдач: 1) за посылку с вестями и отписками; 2) за полонное терпение и раны; 3) за «царское провожание»; 4) за сеунч; 5) за донские посылки; 6) за пожар, недород и пр. Подобные выдачи в различных источниках встречаются очень часто, а их размеры различны в зависимости от рода службы. Так, за сеунч станичники обычно получали сукно и денежное вознаграждение в пределах 1–10 руб. [1, с. 495] (Приложение К). Например, в 1637 г. по челобитью валуйчан в Разрядный приказ о пожаловании их за сеунч, казной выплачено, в дополнение к основному окладу, по 1 руб. ездокам станиц атаманов С. Подшивалова и С. Бобырева [125, лл. 60-62]. В отдельных случаях за сеунч могли пожаловать, кроме денег и сукна, серебряную посуду, куньи сорока, камку. За «полонное терпение» также выплачивали деньгами и сукном [1, 511, 631]. Денежную компенсацию давали за ранение. Так, например, в 1648 г. станичный атаман Дм. Бабенков, получил 3 руб. компенсации после специального осмотра дьяками Разрядного приказа: «Раны на голове выше лба спереди и на запястье правой руки больны, не зажили» [148, лл. 446-450].

По челобитной могли выдать деньги из Разряда или городских доходов на обустройство дворов после пожара, а в 1630 г. валуйские ездоки и атаманы получили дополнительное хлебное жалование ввиду недорода из-за засушливого лета и ранних морозов [114, лл.349-351 об.]. Размеры подобных выдач составляли около 5 руб. деньгами и 2–4 четей ржи и овса на человека [114, л. 350].

Убытки, которые могли понести служилые станичной корпорации во время разъездов, покрывались особым государевым жалованьем «за службу, и за изрон, и за полон». Эта мера была введена указом Федора Иоанновича в

октябре 1594 г. и предполагала выплату денежной компенсации в размере 4 руб. за коня и 3 руб. за мерина. В некоторых случаях станичники вместо денег получали лошадей [133, лл. 404-405]. Если станичник погибал, получал ранение или попадал в плен во время разъезда, то его семья получала единовременную компенсацию в размере 4 руб. из городских кабацких или таможенных доходов [133, лл. 406-407].

За службу люди «пушкарского чина получали земельные и денежные оклады, хлебное и солевое жалованье. Денежное жалованье, составлявшее в середине XVI в. 2 руб. в год, в XVII в. зависело от города, в котором пушкар проходил службу и жили. Наибольшее жалованье в 4 руб. 50 коп получали валуйские пушкар, что уравнивало их с пушкарями Москвы [185, лл. 125-125об.]. Пушкар из других порубежных городов, где жалованье было на порядок выше, чем в центральных регионах, получали несколько меньше: в Короче – 3 руб. 2 деньги, Севске, Путивле и Рыльске – 3 руб., Болхове – 2 руб. 50 коп. Жалованье валуйских затынщиков, плотников и кузнецов составляло 4 руб. в год [185, л. 125]. Сопоставимость размеров жалованья валуйских пушкар с московскими можно объяснить исключительно важностью участка порубежья и сложностью в обеспечении округи хлебом.

Кроме постоянного жалованья назначались выплаты единовременные и экстраординарные» за «полонное терпение» и «осадное сидение», за посылки по вестям, на обзаведение хозяйством после пожаров или набегов татар и т.п. Такие выплаты обычно превышали размер жалованья в 2 раза. Особой статьей дохода считались деньги, выданные «на селитьбу и обзаведение животиной». В 1637 г., при строительстве Усерда, люди «пушкарского чина» получили в единовременную помощь по 5 руб., что сопоставимо с годовым жалованьем конных казаков.

Выплата денежного жалованья иногда чередовалась с земельными придачами к окладу. К примеру, в Путивле, в 1620-40-е гг. пушкар поочередно получали 3 руб. жалованья или 10 четей в поле к помещному кладу [347, с. 179].

Хлебное и соляное жалованье зависело от семейного положения пушкаря²⁹: оклад хлебом для женатого составлял «четверик ржи и овса потомуж», холостым – «по полуосьмине с четвериком». Женатые получали полпуда соли, холостые – четверть пуда в месяц [155, л. 256].

Служилые люди принимали активное участие в торговой и ремесленной жизни городов. Так, в Валуйках из 10 кузниц 4 принадлежало станичным ездокам [108, лл. 57-57об.]. В 1626 г. 11 ездовых было прибрано из жителей ремесленной Черной слободы (29% всех чернослободских дворов). Двое из них, И. Котыганов и М. Чеботар, имели свои лавки, с которых платили по 6 коп оброку [108, лл. 56об.-57]. Всего среди станичников, в первый год существования станиц, было 12 владельцев лавок, что составляло 40% от всех торговых заведений в городе, а ездок А. Зернов купил лавку у полкового казака П. Моисеева в первый год своей службы в станичниках [108, лл. 56 об.]. С каждой лавки в казну взимался оброк размером от 12 до 20 коп. [108, лл. 55-57] В приходных разделах приходо-расходных таможенных книг Курска встречаются валуйские станичные ездоки, торговавшие в городе в разное время: А. Некрылов (в 1628/29 г. торговал лошадьми [337, с. 169, 171]), А. Ребинин (в 1626/27 и 1646/47 гг. торговал лошадьми [337, 153, 158]) и К. Голев [337, 189]. Последний в 1628/29 г. торговал еще и в Белгороде [394, с. 68]. При этом в самих Валуйках своих лавок они не имели и их торговля валуйскими источниками не фиксируется. Два станичника, атаман Я. Корякин и ездок Г. Торопов, торговали в лавках гулящего человека И. Карпова и затинщика С. Насонова соответственно [108, л. 60] Г. Торопов в 1620/21 г. также торговал в Воронеже воском и лосиными шкурами, платя оброк в 30 коп. [337, с. 23] По государевой грамоте 1625 г. ездоки и атаманы освобождались от уплаты оброка с ремесленных и торговых заведений «пока их устроят дворовую усадьбою и землею»³⁰.

Нередко промыслами и мелкой торговлей занимались и люди «пушкарского чина» [187, л. 36]. Во второй половине XVII в. в Валуйках из 31 лавочного места 12 принадлежало пушкарям и затинщикам³¹. Усердские

пушкари занимались сбором мостовых пошлин при переправе через реки уезда, держали на откупе городские бани [271, с. 52].

Все приборные служилые корпорации имели свою внутреннюю структурную организацию. Изучение устройства стрелецких служилых групп в рассматриваемом регионе на протяжении всего XVII в. показывает ее сложность и многоплановость. Традиционно данная служилая категория во внутренней иерархии использовала десятичную систему: стрелецкая сотня состояла из 2 пятидесятников, 8 десятников и 90 рядовых стрельцов. Руководство всей корпорацией осуществлял стрелецкий голова, назначаемый из московских приказов. Стрельцы порубежных городов после окончания Смуты и вплоть до 1658 г. находились под юрисдикцией Стрелецкого приказа [37, стб. 1128-1129; 115, лл. 43-44].

По памяти из Стрелецкого приказа в Разряд от 1 июля 1632 г. валуйские стрельцы «в Стрелецком приказе ведомы службою, и судом, и землями, а государево денежное жалованье стрельцам и казакам посылают из Разряда, и ныне государь указал тех стрельцов и казаков ведать во всем и свое государево жалованье посылать из Стрелецкого приказу, а Разряде их ведать ни в чем не велел» [126, лл. 406]. При этом стрельцы и казаки продолжали запрашивать Разрядный приказ по земельным вопросам и в дальнейшем [291, с. 10]. Построенный в 1637 г. Усерд и другие города по Белгородской черте изначально ведались Разрядным приказом, поскольку последний руководил оборонительным строительством. Передача стрельцов новопостроенных городов по черте из Разряда в Стрелецкий приказ произошла только в 1643 г. [147, лл. 831-833] В феврале 1658 г. усердские стрельцы снова были переведены под управление Разрядного приказа [162, лл. 160-162].

Основной формой организации пооскольских стрельцов являлись слободы. Они закладывались одновременно с городами и в непосредственной близости от городских укреплений. Слободы делились на сотни и десятки с определенным количеством дворов во главе с пятидесятником или десятником. Как и другим служилым категориям, стрельцам выдавалась земля внутри крепостей «для осадного строительства».

Пушкари, как и стрельцы, состояли в сотенной службе, делясь внутри своей корпорации на сотни и десятки. На время осады города их расписывали «по наряду» по стенам и башням. Устройство пушкарей «на житье» также происходило одновременно с закладкой города. Для Среднего Поосколья традиционным являлся вынос пушкарской слободы на расстояние 2-3 км от города [14]. Размеры дворовых усадеб колебались от 140 кв. саженей в Усерде до 350 кв. саженей в Валуках. При этом в Усерде сразу отводилась земля для будущих приборов [14].

Люди «пушкарского чина» и их родственники находились в подчинении Пушкарского приказа (при этом «наряд» подчинялся Разрядному приказу). Через Пушкарский приказ проходил прибор на службу, назначались денежные и натуральные оклады (поместными окладами пушкарей ведал Разрядный приказ), производились судебные разбирательства и т.п. [291, с. 12] Обеспечение городов порохом, свинцом и вестовыми колоколами также находилось в ведении Пушкарского приказа [291, с. 12].

В городах, в том числе и по южному пограничью, пушкари и затынщики непосредственно подчинялись осадным головам. В Валуях осадной голова встречается только в первой половине XVII в. В дальнейшем городской артиллерией и людьми «пушкарского чина» ведал воевода. В остальных городах Среднего Поосколья, где артиллерия была малочисленной, осадной голова вообще не назначался.

Служебные обязанности пооскольских служилых людей можно разделить на военные (участие в боевых действиях на территории округа своего города или в соседних уездах) и невоенные (обеспечение порядка в городах, строительство укреплений и т.п.).

Городовую службу стрельцы несли вместе с полковыми казаками. Расписанные в сотни, они стояли в западной части округа, по Московской дороге – за р. Валуй в 3 верстах от города и в 6 верстах на р. Сазон. После возведения в 1640-х гг. полевых укреплений вокруг города, стрельцы и казаки (10 человек) караулили в полевых башнях. 30 стрельцов и казаков ежедневно дежурили на 11 ближних и дальних сторожах.

Днем и ночью конные стрельцы и казаки несли караул у острожных (с 1647 г. - у городских) башен: на воротных по 10 человек, на глухих по 5 человек. Ночью на башнях, вместе с казаками и стрельцами, у пушек дежурили по пушкарю и затинцику. На «сторожах» они стояли с ранней весны до начала зимы, переменяясь понедельно. Кроме того, по 2 человека несли караул у житниц, до 12 человек служили целовальниками в кабаках. По сотне и более приборных служилых людей посылали на посольский размен, отрядами по 20–70 человек они провожали государевых посланников и крымских гонцов до рр. Донца, Тора, Косой и Конских вод, по 50–100 служилых выделялось для сопровождения донских казаков и толмачей из Посольского приказа на Дон [126, лл. 15-59; 117, лл. 249-256].

Ежедневной службой пушкарей была охрана съезжей избы, тюрьмы, зелейного погреба. В Валуйках и Усерде пушкари выполняли функции вестовщиков при переписке воевод с центральными органами управления. С Усерда пушкарские чины отправлялись «на караулы» в стоялые остроги [266. с. 46].

Особое место в служилой иерархии южнорусского порубежья занимали черкасы - переселенцы из Речи Посполитой, Запорожья, Литвы и Левобережной Украины. Со второй половины XVII в. они служили источником наполнения приборных служилых корпораций, сохраняя при этом особенности своей внутренней организации. Специфика данной социальной группы обусловлена источниками наполнения, характером службы и взаимоотношением с местной русской администрацией региона.

На протяжении всего XVI и XVII в. черкаское население в округе было представлено как отдельными отрядами промысловиков, так и более значительными группами семейных казаков, искавших место для поселения. Черкасы, по всей видимости, из-за исключительного знания местности, использовались правительством для возведения городов – Валук и Цареборисова. Царские указы среди строителей называют: «С Дедилова голова Семен Лодыженский, а с ним ... и литвы и немец и черкас лучших 150 конных и с пищалями» [14. с. 1]. Поскольку документы, которые бы

свидетельствовали об этапах и направлениях заселения новопостроенных городов служилыми людьми, к настоящему времени не сохранились, мы можем только предположить, что население Поосколья в определенной степени формировалось за счет включения представителей местных этнических групп, со временем слившихся с пришлыми служилыми людьми из центральных регионов государства.

Наличие на территории Поля значительного количества казацких отрядов, занимавшихся как хозяйственной деятельностью, так и откровенным грабежом приграничных уездов, подтверждается комплексом источников. Российское правительство не могло не обращать на них внимание и во второй половине XVI в. попыталось не только привлечь лояльных черкас к караульной службе, но и бороться с нежелательными переселенцами с помощью тех же казаков.

По всей видимости, сдерживать украинских переселенцев, желающих осесть на порубежье, Российское государство оказалось не в силах. Компромиссным решением стало столкновение двух колонизационных потоков (российского и украинского). При переходе в московское подданство и выполнения различных военных обязанностей, черкасам разрешалось селиться на границах государства. В последнее десятилетие XVI в. Москва начинает активно принимать переселенцев на службу [389].

В начале XVII в. ситуация в регионе несколько изменилась. Источники периода Смуты не фиксируют фактов принятия черкас на государеву службу. Первое упоминание о казацко-черкасском отряде в Среднем Поосколье приходится на 1620-е гг. Оброчная книга Валук 1621-26 гг. зафиксировала выдачу жалованья «черкасам Чедрану с товарищи на два дня меда ведро да тридцать и две рюмки вина» [108, л. 52]. Дальнейшая судьба атамана и его казаков нам не известна.

Украинская колонизация Поля активизировалась после Смоленской войны. Причины данного явления, в первую очередь, следует искать в действиях Речи Посполитой. Правительство Владислава IV попыталось сократить численность казачества на своей территории. Количество

последних заметно увеличилось в начале 1630-х гг., когда варшавский двор использовал их для рейдов на территорию Российского государства. Поскольку казаки сыграли весьма значительную роль в боевых действиях, они стали претендовать на получение особого сословного статуса. Противная сторона не хотела признавать такое желание законным. После заключения мира с восточным соседом польское правительство, местные власти и шляхта стремились как можно больше украинских казаков превратить в крестьян и мещан – людей, подчиненных или государству, или отдельным феодалам. Конфликт между основной массой населения украинских земель Речи Посполитой и государством не исчерпывался только социальным противостоянием. Недовольство вызвали попытки распространения на православных власти униатской церкви [431, с. 36-46]. Эти два конфликта, социальный и религиозный, спровоцировали не только ряд казацких восстаний в Речи Посполитой, но и стимулировали отток населения за ее пределы [387. с. 196]. Значительная масса казацкого населения направлялась в южные уезды Российского государства.

В июле 1639 г. в Валуйскую округу «на вечное житье и государеву службу» из Тамбова прибыло 75 украинских казаков во главе с атаманом Василием Марковым, вышедших из Польского Заднепровья в 1638 г. [12, л. 37] Свою просьбу царю о переводе из Тамбова на Валуйки черкасы мотивировали тем, что караульная («береговая») служба на одном месте, на которую они были назначены тамбовским воеводой, для них необычная и что они хотели бы «служит государеву службу», связанную со степными разъездами [12, л. 37; 23. т.1, с. 285].

Казаки атамана В. Маркова стали первыми черкасами Среднего Поосколья, которые получили официальное разрешение на «осаждения» слобод. Валуйский воевода М. Квашнин в своем письме в Москву от 20 июля 1639 г. писал: «... по твоему указу ... как черкасы атаман Марков с товарищи 74 человека, с женами и детьми прибыли из Тамбова на вечное житье, временно поставил их на дворах Валуйский служилых людей за острогом,

под городом, в Царегородской слободе. А под дворы им и под огороды места измерил на другой стороне вала в старой Царегородской слободе ... А на тех огородах служилые люди весной посадили капусту и посеялы коноплю ... И по твоему государеву указу я селится атаману Маркову с товарищи на указанных местах не велел, докуда валуйские служилые люди с тех Огородов капусту и коноплю поупрячут ... » [12, л. 37-38]. Далее воевода писал, что наделил переселенцев пашней и сенокосами наравне с приборным чинами. Однако по своей бедности черкасы не могли приступить к немедленному занятию сельским хозяйством, потому что не было ни лошадей, ни инвентаря, ни семян для посева [12, л. 38]. Учитывая обстоятельства, М. Квашнин подал в Разрядный приказ челобитную, в которой просил объяснить как ему поступить. В ответ, в царском указе, предписывалось выдать всем казакам жалованье вперед по 9 руб. рядовым и 10 руб. атаманам. Кроме того, предлагалось выплатить каждому из вновь прибывших поселенцев по 4 руб. на обзаведение хозяйством и выдать им на семена по 3 четверти проса и по столько же овса [186, л. 208; 134, лл. 188-188об.].

Новоприбывшие черкасы традиционно составляли поручные записи, основное содержание которых было следующим: «... им государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси служба служить: в Крым, и в Литву, и к Турский Салтан, и на Поле к вором-Черкассах не отъехать, и жить на Волуйки, и дворами строитца, и указные свои земли похать и хлеб сеять» [12, л. 38]. В случае, если черкасы «место не устроят и землю не распашут и хлеб не сеют, и которые нищие и бражничают и жалованье пропивают и в зернь проигрывают» воевода должен был составить списки и уставить постоянных надзор, вплоть до помещения отдельных «блудней» в тюрьму [12, л. 39].

Украинцы несли караульную службу по городу и «в ближних крепостях». По 10 человек стояло на башнях пригородных укреплений и объезжало надолбы у Черкаской слободы. Кроме того, отряды из 20-30 казаков сопровождали российские и крымские посольства, проезжавшие

через Поосколье. Как и русские приборные служилые люди, черкасы расписывались в сотни, сменяясь на службе «понеделно».

Кроме караульной службы, переселенцы использовались воеводами для дозора степи «от воров черкас». Так, например, летом 1639 г. на р. Полатовке усердские черкасы вступили в бой с «воровскими» и потерпели поражение. На запрос в Разрядный приказ о приборе в службу новых переселенцев, воевода получил указную грамоту: «а ты б тех черкасс, которые на бою погибли и после них остались дети их и братья и племянники и в нашу служб поспели, и ты б их в черкаскую службу вместо побитых вписал» [144, лл. 22-25].

Практика переселения отдельных черкасских групп не являлась необычной для южнорусских уездов. Вполне обычным явлением было также противостояние переселенцев с местными служилыми корпорациями и воеводами. Последние, путем жесткого контроля, пытались предотвратить индивидуальные и массовые побег и конфликты на бытовом уровне. Однако переходы черкас к «воровским черкасам» в Поле являлись довольно частыми. Так, например, осенью 1640 г. пятеро черкас бежало из Валук в Курск якобы с намерением купить хлеба [144, л. 225]. В следующем году черкасский отряд из Усерда, получив разрешение воеводы на занятия рыбным промыслом на Северском Донце, бежал в Литву [12, лл. 39-40].

В определенной степени такому поведению переселенцев способствовала политика Речи Посполитой. До 1640-х гг. польские власти, чтобы не допустить дальнейшего переселения украинцев на российское порубежье, доводили до их сведения, что они могут вернуться назад. В результате значительное количество черкас, несших службу в Чугуеве и других городах, в апреле 1641 г. «ушли в Литву» [389, с. 220-221]. В связи с чугуевскими событиями Разрядный приказ принял меры для успокоения служилых черкас, оставшихся в России. Так, 14 мая 1641 г., в Валуйки направлена грамота, объявлявшая царскую милость городovým черкасам и гарантировала, что бегство чугуевских служилых людей никак не скажется на отношении к верным присяге. В ответ на зачитанное воеводой грамоту,

черкасы заверили в своей преданности и сообщили, что ничего не знают о письмах и людях, призывавших бежать за границу. От имени всей черкасской служилой корпорации атаман В. Марков подал воеводе Ф. Голенищеву-Кутузову челобитную. В ней изложили просьбу освободить их от поручительства по черкасам И. Павлову с 18 товарищами, переведенными в Валуйки из Тамбова. Челобитная оказалась востребованной, поскольку упомянутый атаман «с товарищи» не были женатыми и, следовательно, не обзаводились хазяйством³². Воевода удовлетворил просьбу челобитчиков, освободил их от ответственности за действия нерадивых товарищей. При этом последних поместил в тюрьму, их оружие определив в казну, а лошадей - отряду В. Маркова «на прокорм» [12, лл. 40-41].

Российское правительство и в дальнейшем разрешало принимать на службу украинских переселенцев. Воеводам предписывалось вести постоянное наблюдение за поведением казаков и пресекать всякие попытки «измены». Благодаря проводимой политике, случаев ухода черкас целыми селениями или служилыми корпорациями из пооскольских городов больше не было. Однако побеги небольшими группами и уход отдельных черкас продолжались и в дальнейшем. Так, например, в 1644 г. атаман С. Волошенин подал челобитную царю для прошения о выплате годового и сверхгодового жалованья «для бедности», подписанную 71-м черкашенином [23. т.1, с. 394]. В 1641 г. с атаманом значился 101 переселенец-черкашенин. За три года из Валоек только с одной группы переселенцев сбежало «в Литву» либо в другие польские города 30 человек.

Несколько иначе проходил прием черкас на службу, обустройство их дворами и землей на южном участке Среднего Поосколья. Заселение нижнего течения Оскола, как показано в предыдущих главах, происходило исключительно силами переселенцев. Большинство слобод и стоялых острогов вообще не имели русского населения и воеводской администрации. Подчиняясь непосредственно Разряду или позднее белгородскому воеводе,

черкаские корпорации южного Поосколья сохраняли свое войсковое устройство, принесенное с территории Гетьманщины и Запорожья.

Земельная политика правительства по отношению к черкасам прошла два этапа, отражавших особенности колонизации региона. Вся масса украинского населения Среднего Поосколья делилась на черкас старого и нового выезда. К первым относились переселенцы, попавшие в регион в первой половине XVII в., ко вторым – переселенцы времен образования слободских казачьих полков. Черкасы первой категории получали земельные участки на служило-надельном праве на одних условиях с русскими служилыми людьми [272. с. 148]. Поместные оклады второй половины XVII в. были несколько меньше, однако черкасам разрешалось производить увеличение своих дач путем заимок. Под последнюю использовались всевозможные земли: дикое поле под пашню, колодези «с верховья и до устья с отвершки и со всеми угоды», луга, берега рек и т.п. [176, л. 269 и др.]

Рядовых черкас индивидуальными дачами не жаловали. Поместные дачи получали только атаманы. Последним пашня отказывалась в четях, а сенные угоды – «по тем же поместным землям в их межах и гранях по урочищам» [182, лл. 150-151]. Расположение полей в округе, нормировка дач, соотношение видов угодий полностью повторяли формы землевладения русских приборных чинов. Пашня отмерялась черкасам на группу «сряду, с одного, не через межу и не через землю», т.е. практиковался отвод черкасских угодий отдельно от участков других служилых людей [131, лл. 405-406]. В Валуйской округе черкаские наделы группировались в западной части уезда и вдоль рр. Полатовка и Нагольная Россошь. На наш взгляд, это можно объяснить наличием в этом месте свободной земли. Черкасам, оказавшимся в составе Острогожского слободского полка, земли наделялись по рр. Тихой Сосне, Потудани, Лубянках, Черной Калитве и др. [155, лл. 70-71]

Таким образом, черкаское население Среднего Поосколья являлось специфической социальной группой, привлекавшейся воеводами для выполнения караульной службы. При этом их жалованье являлось одним из самых больших, что можно объяснить опасением правительства ввиду

постоянных «измен» и перехода на службу в Речь Посполитую. С 1680-х гг. часть городских черкасс Среднего Поосколья была включена на службу в Изюмский слободской казачий полк. В XVIII в. большинство городских черкасс, традиционно расселяясь по уезду хуторами, попали в зависимое положение к собственной старшине и русским дворянам, выходцам из однодворческих слоев.

Особую прослойку в социальной структуре Среднего Поосколья составляло нетяглое и неслужилое население – гулящие люди, бобыли, соседи и подсосудники, жилецкие люди. Несмотря на то, что в историографии, касаясь данного вопроса, накоплен значительный материал, южнорусские регионы рассмотрены не были. Вместе с тем, изучаемый регион имел свои особенности и требует специального изучения.

Трудности в изучении нетяглое и неслужилое населения Поосколья заключаются в отсутствии достаточного количества массовых источников³³, которые бы показывали данную категорию в комплексе и в динамике.

Соседи и подсосудники на материалах рассматриваемого региона упоминаются только один раз. В наказах окольничего И. Головина и дьяка И. Михайлова валуйскому воеводе М. Лодыженскому за 1621 г. дан план организации жителей города на случай осады: «Да наряд по городу и по острогу по всем местам устроить и пушкарей к наряду и на поворот черных людей и сосед и подсосудников и совсем осад устроить накрепко...» [12, л. 27]. Как видим, черные люди (жители ремесленной слободы) с соседями и подсосудниками использовались для обслуживания артиллерии во время боя.

Н. П. Павлов-Сильванский считал, что соседи и подсосудники являлись различным наименованием одного явления - захребетников, т.е. людей, не имевших своего имущества и живших в чужом дворе в качестве родственников, приемышей или наемных рабочих [380, с. 48]. М. А. Дьяконов, напротив, считал соседей и подсосудников жильцами чужих дворов, захребетников – жильцами своих [305, с. 182]. А. С. Лаппо-Данилевский эти категории рассматривал с экономической точки зрения как лиц, в силу своего положения избегающих тягла [345, с. 146, 150].

В целом, устоявшееся в историографии применение данных терминов для обозначения разорившихся посадских и безземельных крестьян, живущих в чужом дворе, не подходит к условиям рассматриваемого региона. Отсутствие посадского и крестьянского населения в Поосколье позволяет трактовать данные термины несколько иначе. На наш взгляд, необходимо сделать отсылку к более позднему, активно использовавшемуся во второй половине XVII в. слову «сябр». Так называли члена однодворческой общины, связанного с другими соседями «сябрами» (в том числе и служилыми людьми) родством и общностью хозяйственных интересов [272, с. 170]. Таким образом, соседи и подсосудники Среднего Поосколья начала XVII в. это родственники служилых людей (возможно более дальние, чем дети, дяди и племянники), живущие с ними одним двором или в близком соседстве, не положенные в тягло и не прибранные на службу, но выполнявшие определенную работу «по городу» и занимавшиеся сельским хозяйством.

Своеобразным смыслом наполнен и термин «гулящие люди», встречающийся в материалах рассматриваемого региона на протяжении всего XVII в. Применительно к Зауралью, где процессы колонизации имели сходные черты с южнорусским направлением, гулящими людьми назывались выбывшие или не включенные в тягло крестьяне и посадские, не имевшие привязки к общине. Таким образом, основным их занятием являлся наемный труд, иногда ремесло и мелкая торговля.

В Среднем Поосколье гулящие люди впервые фиксируются в оброчной книге 1621-23 гг. Гулящие Т. Бобырев, И. Карпов (Приложение Й) и А. Обакумов имели свои торговые места в городе и платили с них двугривенный оброк [108, лл. 55об.-56]. В книге письма и меры М. Хлопова и подьячего Л. Недовескова 1626 г. гулящие люди записаны в Царегородской слобое (3 двора), Черной слободе (23 двора) и на церковной земле (10 дворов) [41, с. 85]. Царегородских гулящих мы можем соотносить с вышеупомянутыми владельцами лавок, поскольку чернослободцы в оброчной

книге прописаны отдельно. Более того, царегородские гулящие люди с организацией станичной службы в Валуйках оказались прибранными на службу в атаманы и ездоки.

Наибольшее количество дворов гулящих людей в Черной (ремесленной) слободе конкретно указывает род их деятельности. Определение происхождения гулящих людей, посаженных дворами на церковной земле, вызывает определенные трудности. Во-первых, не совсем понятно, принадлежат они причту валуйских церквей в качестве крепостных либо заложились как бобыли за монастырь. Во-вторых, для гулящих людей южного порубежья занятие сельским хозяйством не было характерным, поскольку ввиду постоянной татарской угрозы более выгодным оказывалось занятие бортничеством либо рыбной ловлей. Здесь же мы видим людей, посаженных дворами на земле, т.е. обрабатывающих пашню. Принадлежала ли эта земля приходским церквям города либо Валуйскому Николопристанскому монастырю – неизвестно, поскольку писцовые книги последнего не сохранились. Очевидным является одно, что «церковные» гулящие люди из книги письма и меры 1626 г. по своему социальному статусу соответствуют крестьянам. В дальнейшем их фамилии среди служилых людей округа не упоминаются.

Отсутствие крестьян в регионе во многом определяло сферу занятости гулящих людей: выступая в центральных областях и в Сибири в качестве батраков в крестьянских хозяйствах, гулящие Среднего Поосколья занимались преимущественно торговлей или промыслами. Если юридический статус гулящих людей названных регионов по Соборному уложению 1649 г. соответствовал крестьянскому³⁴, то в Среднем Поосколье они оказались близки к беломестным казакам или служилым приборным чинам (полковым казакам, станичникам и т.п.)

Социальная близость гулящих людей и крестьян в первой четверти XVII в. обуславливалась в первую очередь тем, что в первые годы существования Валуек округу и сам город населяла значительная прослойка местного населения, заселявшая регион до возведения города и не записанная

в городскую службу до определенного времени (например, до организации станичной службы). В качестве местного населения мы можем считать упоминаемых в ранних источниках оскольских и донецких казаков, которые в качестве гулящих людей могли заниматься как промыслами, так и торговлей. При этом в любое время они могли быть прибранными в службу. Так, например, трое гулящих цареслободцев записались в организованную в 1624/25 г. станичную службу в качестве атаманов и ездоков, считавшихся в регионе близкими по положению к детям боярским. Прибор в станичную службу был возможным исключительно при определенном материальном положении (наличие коня «доброе», справки и оружия) и хорошей репутации. Таким образом, на начальном этапе формирования Валуйской округи социальный статус гулящих не был понижен.

В росписном списке Валоек 1679/80 г. помещен список гулящих людей записанных в солдаты по разбору Римского-Корсакова (Приложение Б). Анализ приведенных в документе фамилий позволяет сделать интересные выводы. Из 80 гулящих 43 в разное время служили в приборных чинах. Таким образом, для второй половины XVII в. гулящих людей Среднего Поосколья можно охарактеризовать как неприбранного в службу либо не испомещенного землей. В любом случае, гулящий человек 1680-х гг. по своему социальному положению значительно отличается от гулящего начала XVII в. и, тем более, от батрака Сибири и центральных регионов государства. По всей видимости, в гулящие люди записывали младшее поколение представителей служилых родов, которым не хватало земли для несения службы. На это указывает и то, что многие гулящие записаны с братьями погодками.

В пользу предложенной нами версии о гулящем человеке, как о не прибранном в службу, может служить факт наличия у них собственного оружия (пищали и рогатины) (Приложение В). Не получая денежного и поместного оклада, гулящий человек все равно рассматривался государством

как потенциальный защитник рубежей, он вносился в сметные списки, а занчит выступал в качестве боеспособной единицы.

Высказанная исследователем В. Е. Борисовым мысль о невысокой социальной мобильности данной группы населения³⁵ не находит подтверждения на материалах Среднего Поосколья. Напротив, ряд примеров на протяжении всего XVII в. позволяют говорить о достаточно высоком проценте служилых людей, изменивших свой социальный статус путем прибора в службу.

Таким образом, гулящий человек южного порубежья изначально являлся представителем туземного населения региона не приборанный в службу, но живущий в городе, занимающийся торговлей или промыслами. В дальнейшем гулящими становятся представители служилых родов, не приборанных в службу за неимением достаточного количества поместной земли в округе. Еще одна составляющая данной категории населения мало чем отличалась от гулящих людей других регионов: отсутствие собственного хозяйства, близость к крестьянству или посадским. В Среднем Поосколье они представлены чернослободцами и гулящими, жившими на церковной земле.

Отдельного рассмотрения требуют жилецкие люди или жильцы, упомянутые в различных документах рассматриваемого периода. В наиболее распространенном варианте данный термин имеет значение – «неслужилые люди». Однако, когда он использовался в словосочетании «жилецкий казак», его значение явно было иным.

Исходя из контекста, в котором жильцы упоминаются в документах, они не несли крестьянского тягла и на момент фиксации в источнике не являлись приборанными в службу. Анализ персонального состава валуйских жильцов дает следующие результаты: 1) Жилецкий казак Емельян Демидов в документах встречается только раз в 1601 г. в связи с делом о подводе под город татарского отряда [85, с. 7-9]. Единожды встречается и жилец Тимка Мигулин; 2) жилец Филька Данилов впервые упоминается в 1619 г. в связи с уплатой им оброка за баню [67, с. 68]. По оброчной книге 1621-23 г. банным откупом занимался его сын Савка, записанный «стрелецким сыном» [108, л.

62]. Савелий Данилов встречается в дальнейшем лишь в 1653 г., когда он уже служил в полковых казаках [157, л. 286-300]; 3) Жилец Иван Сал впервые фигурирует в документах с 1634 г. сначала в качестве жильца, затем вожа и ездока. Его сын Федор Иванов Салов в 1665 г. числился перешедшим из полковых казаков в гулящие люди [117, лл. 241-288]; 4) Жилец Федос Костенников в 1640 г. служил в затынщиках [129, лл. 198-271], а его дети Мишка и Сережка в 1665 г. служили в рейтарах и пушкарях соответственно [117, лл. 241-288]; 5) Жилец Матвей Кузнец, по переписи 1626 г., жил своим двором в Черной слободе, затем поступил в станичную службу ездоком; 6) Жилец (до 1637 г.) Меркул Пригарин в 1640 г. уже показан ездоком шестнадцатой валуйской станицы. Там же в дальнейшем служили и его дети.

Таким образом, большинство встречающихся жильцов служили либо в станичниках, либо не служили по прибору вовсе. С большой долей вероятности мы их можем отнести к представителям местного населения, жившего в Поосколье до строительства Валук. На это указывает и род службы – в станичники в первую очередь набирали людей, знающих местность, ориентирующихся в степи.

В источниках жильцы обычно противопоставляются служилым людям. Так, например, в статье «Нового летописца» о строительстве городов на Поле сказано следующее: «Они же, шедшее, поставиша на степи города: Белгород, Оскол, Валуйку и иные города; и насади ратными людьми, казаками и стрельцами и жилецкими людьми» [65. т. 14, с. 44-45]. В наказе о возведении Царьборисова в 1600 г. среди строителей названы жилецкие казаки, также четко отмежеванные от служилых людей: «100 стрельцов пеши с сотником с украинских городов, 18 московских пушкарей и жилецких 300 конных казаков да 200 конных стрельцов с пищалями» [13, с. 6]. В данном ключе трудно согласиться с высказыванием краеведа А. Г. Чепухина о том, что термины «жилец» и «жилецкий казак» имели различное значение, указывая на тяглое население города и «вольное» казачество соответственно [434, с. 180]. На наш взгляд, жильцами называли местное неслужилое население,

занимавшееся промыслами, а жилецкими казаками – служилое по собственной инициативе местное население, использовавшееся правительством для усиления гарнизонов порубежных городов. Отсюда – достаточно высокая социальная мобильность данной категории населения.

Различие жильцов и гулящих людей, имевших сходные черты в сфере занятости и высокую социальную мобильность, следует искать, прежде всего, в происхождении, месте «выхода». Жильцы представляются исключительно местным населением, привлекавшимся в городскую службу, гулящие люди – местными и пришлыми, прибранными в службу и служащие за оклад, либо со своего промысла.

Таким образом, социальная структура Среднего Поосколья на протяжении всего XVII в. была представлена людьми старых служб – станичниками, полковыми казаками, пешими и конными стрельцами, людьми «пушкарского чина» и городскими черкасами. Исключением являлись только города, возведенные на Белгородской черте – в них мы видим детей боярских, сведенных туда из других городов. Отдельную категорию составляла прослойка маргинальных групп, имевших свои особенности как в источниках наполнения, так и в формах хозяйствования.

В силу того, что рассматриваемый регион имел пограничное положение, наибольший контингент приборных служилых людей представлен полковыми казаками и стрельцами. Еще одной особенностью социальной структуры Среднего Поосколья являлось наличие станичников, являвшихся, с одной стороны, приборными служилыми людьми, а с другой – занимавшими место детей боярских, т.е. служилых «по отечеству». Отсутствие мелких дворян и их замещение приборными чинами повлияло не только на развитие социального устройства региона, но и на процессы внутренней колонизации, характер землевладения и землепользования.

Последние десятилетия XVI в. в истории освоения южнорусского порубежья можно охарактеризовать как период целенаправленного поступательного движения государства на юг. Продолжавшийся на

протяжении всего XVI в. процесс заселения лесостепной зоны вдоль Заокской и Тульской засечных черт к середине века завершился выходом населения к непосредственным границам Поля. Дальнейшее продвижение в степь оказалось невозможным без радикального пересмотра сложившейся к тому времени оборонительной концепции. «Старая» засечная черта объективно не справлялась с возникшими угрозами и не могла ни защитить центральные регионы от набегов кочевников, ни сдержать население в границах замосковных уездов. Начало включения территории Среднего Поосколья в общегосударственные границы началось в один из наиболее сложных периодов истории России – время опричнины и Смуты. Земское руководство, состоящее в первую очередь из владельцев крупных вотчин центральных уездов, менее всего было заинтересовано в защите и освоении далеких и не нужных им территорий. Возникший кризис Иван IV решил путем организации обособленной военно-территориальной структуры – Украинного разряда. Одновременно происходит реформирование станичной и сторожевой службы, оказавшейся наиболее эффективной в условиях огромных незаселенных территорий.

Необходимость в размещении стоялых сторож, выдвинутых далеко за пределы границ государства, привела к решению о включении Среднего Поосколья, имевшего уникальные природно-географические условия, в систему оборонительных рубежей. В 1580-90-е гг. рассматриваемый регион использовался исключительно в качестве плацдарма для выдвижения станичных разъездов к устью р. Оскол. В дальнейшем эта территория оказалась востребованной не только в военно-стратегическом, но и в хозяйственно-экономическом плане.

Города Среднего Поосколья, возведенные в конце XVI–XVII вв., на протяжении всего своего существования и развития являлись «государевыми крепостями», основу населения которых составляли служилые люди по прибору, служилые люди по отечеству, монастырские крестьяне, тяглые ремесленники и маргинальные прослойки из нетяглового населения и гулящих

людей. Особенности географического положения региона, постоянные угрозы татарских нападений и значительная отдаленность от руководящего центра, повлияли на формирование социальной структуры, меняющейся в зависимости от времени основания города и методов его заселения. Отсутствие в центральной части Поосколья служилых людей по отечеству и замещение их приборными чинами оказало непосредственное влияние на формирование уездов и направление внешних и внутренних колонизационных потоков.

Различная вовлеченность населения в хозяйственную жизнь региона и оценка степени привлекательности городской службы непосредственным образом сказывались на развитии населенных пунктов. Большая их часть развивалась медленно и неравномерно.

Формирование округ и уездов вокруг городов-крепостей началось с момента их заселения проходило в непосредственной связи с социальным составом населения, имело тесную связь с формами землевладения и землепользования.

ГЛАВА 3. ГОРОДА-КРЕПОСТИ КАК ОСНОВА ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПООСКОЛЬЯ.

3.1. Возведение первых городов-крепостей в Среднем Поосколье: проблемы датировки.

Продвижение Российского государства вглубь территории Поля в последние годы XVI в. связано с началом городского строительства. Среднее Поосколье, контролируемое исключительно при помощи сторож и станичных разъездов, нуждалось в стационарном укрепленном пункте, который можно было бы использовать не только как базу для постоянного гарнизона служилых людей, но и как контрольный пункт на пути продвижения населения к югу и казачьих отрядов в центральные регионы государства. Таким городом в изучаемом регионе стали Валуйки. При этом вопрос о времени его основания остается до сих пор открытым.

В историографии фигурирует несколько дат основания города Валуйки. Две из них, 1593 и 1599 гг., наиболее отстаиваемые и аргументируемые исследователями. Исходя из свидетельства «Нового летописца, город возводился в годы правления царя Федора Иоанновича: «Того же году (7101/1593 г. - С.К.) царь Федор Иванович, виде от Крымских людей своему государству войны многие и помысля поставити по сакмам Татарским города, и посла воевод своих со многими ратными людми. Они же, шедше, поставиша на степи города: Белгород, Оскол, Валуйку, и иные города; а до тех городов поставиша на Украине города: Воронеж, Ливну, Куреск, Кромы. И насади ратными людми, казаками, и стрелцами, и жилецкими людми; те же города ево праведною молитвою укрепишася и ныне стоят» [65. т. 14, с. 44-45].

Вторая дата, 1599 г., появилась после опубликования Д. И. Багалеем документа, которому историк дал название «Строельная книга г. Валуек». В источнике видим: «В 107 (1599 г. - С. К.) году, августа 8 царь Борис указал поставить город Вилуйку на поле на Осколе усть реки Вилуйки воеводе князю Володимеру Васильеву сыну Кольцову Мосальскому, да голове Судоку

Мясному» [14, с. 1]. Обращает на себя внимание внутренняя форма документа. А именно, подобная формулировка схожа со статьей из разрядных записей. К сожалению, документ, обнаруженный Д.И. Багалеем, всего лишь список с утраченного оригинала. По всей видимости, мы имеем дело не со строильной книгой, а со справой из Разряда по поводу более позднего ремонта Валуйской крепости. В подтверждение данной версии служит отсутствие в публикации традиционных для такого вида делопроизводственных документов составных: информации о первом гарнизоне, земельной разверстке и отказе поместий, выделении денежных сумм и готовой сметы строительства. Также мы не видим отсылок к традиционной процедуре, предшествовавшей закладке любого города в тот период времени – досмотра местности московскими чиновниками и сбора ими информации о географических особенностях территории, близости сакм и т.п.

Летописную статью о возведении города-крепости, помещенную в «Новый летописец, по всей видимости, поздними переписчиками, подтверждает челобитная монаха Кирилла о возобновлении Валуйского Успенского Николопристанского монастыря, разоренного и литовцами и черкасами в годы Смоленской войны: «В челобитной и в росписи Валуйского города Николы Пристанского монастыря строителя Кирила с братиею написано, да у выписи сказал, что, при государе, царе и великом князе Федоре Ивановиче ..., Валуйской город поставлен, и монастырь Николы Чудотворца устроен на реке на Осколе, усть реки Валуя, на пристани; а строенье ... было все блаженныя же памяти государя, царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Руси». В Разряде в связи с присылкой челобитной, выдали справу: «...в котором году Валуйской город поставлен и монастырь Николы Чудотворца на пристани устроен ... выписати не из чего - Валуйския строельныя книги в московской в большой пожар в 134 г. в Розряде сгорели» [1, 643-644]. Примечательно, что историк начала XIX в., митрополит Е. Болховитинов, изучая монастырские архивы, временем основания

Валуйского Успенского Николопристанского монастыря назвал 1613 г. – год воцарения Михаила Федоровича³⁶.

Точная хронологизация строительства города возможно, на наш взгляд, путем тщательного анализа и сопоставления источников, дающих даты основания порубежных крепостей, возведенных с разницей в несколько лет – Белгорода, Оскола и Валуек. Сходными методами пытался решить проблему В. П. Загоровский. Однако актуализировав вопрос о новой дате основания Белгорода и Оскола, в качестве своих аргументов он использовал исключительно данные официальных разрядных записей 1475-1598 гг. [311, с. 43-45] В одной из своих более поздних работ, затрагивавшей тему основания городов, он анализирует челобитные курян, подтверждающие 1596 г. в качестве даты строительства названных крепостей [313, с. 218-219]. При этом были обойдены вниманием ряд источников, в частности, челобитная оскольских станичников 1628 г. Данный документ, на наш взгляд, можно считать дополнительным аргументом в пользу переноса даты основания Оскола на более раннее время, нежели принято считать в историографии. Примечательно, что исследователь Я. Г. Солодкин эти сведения осколян ставит под сомнения. Так, например, автор считает невозможным присутствие на Осколе в 7100-м году в качестве воеводы С. Данилова [414, с. 94-103].

Тщательный анализ изучаемого документа позволил сделать ряд интересных выводов. Так, в 1628 г. оскольские станичники писали в Разрядный приказ: « ... в прошлом в сотом (1591/92 г. – С.К.) году сведены отцы наши и мы в Оскольский город и велено нас устроить дворами и усадями воеводе Степану Данилову» [1, с. 237-239]. При этом обычно не учитывается один интересный момент: в своих прошениях осколяне, кроме указания на поселение в 1591/92 г., называли еще один эпизод из жизни города – устройство ямщиков. И здесь, в двух челобитных, разные группы станичников сообщают различное время основания ямской службы. Станичный вож Б. Кондратьев «с товарищи» сообщал, что устройства

ямщиков состоялось в 1599/1600 г., а станичные атаманы М. Тарасов и П. Брянчанин – 1598/99 г., Если предположить, что осколяне путали год возникновения яма, то они вполне могли ошибиться и в еще более ранней дате основания станичной службы.

При этом следует отметить, что в Осколе до января 1598 г. собственных станичников не было. В дворцовые разряды 1626/27 г. включена грамота 1598 г., посланная в Рязань к Ю. Чевкину и к осадному голове М. Солнцову от царицы Ирины Годуновой с указанием выслать станичных голов и станичников в Оскол к воеводе князю И. Солнцову [27, с. 894]. Таким образом, мы видим, что станичную службу в Осколе служили дети боярские из других городов Российского государства. Подтверждение отсутствия собственной станичной службы в период правления Федора Ивановича зафиксировано и в челобитной оскольских станичников 1628/29 г.³⁷ Таким образом, станичная служба в городе основана не при Федоре Иоанновиче, а годами позже, при царе Борисе Годунове.

В рассматриваемых документах мы также видим несоответствие должностей и времени службы оскольских воевод и голов, упоминаемых челобитчиками. Станичники называют воеводой, наделавших их землями в сотом году, С. Данилова. Однако, изучив его послужной список, мы можем сделать интересные наблюдения. Тульский сын боярский, находившийся в 1595 г. в Орле в должности головы, вряд ли мог до 1595 г. занимать более высокую должность воеводы [68. т.3, с. 100]. Такое понижение сразу бы вызвало местническую тяжбу с орловским воеводой. Более того, в своем родословце Даниловы факт воеводства в Осколе в 1593 г. не отмечают.

Примечательно, что в разрядной книге 1475-1605 гг. в качестве провожатых хлеба для служилых людей Цареборисова записаны: оскольский воевода И. Жировой-Засекин, головы Ю. Кобяков и С. Данилов [68. т.4, с. 125]. Данные разрядов подтверждает роспись служилых людей, посланных в Цареборисов: «...в провожанье в конной рати с воеводою со князем Иваном Засекиным с Оскола и с Волуйки до Борисова города ... в судовой рати с

Оскола итти на судех до Волуйки - головы Юрий Кобяков, Степан Данилов. А с Волуйсково города с хлебными запасы итти головам в судовой рати: князь Семен Коркодинов, Семен Остяев, Семен Самарин, Юрий Кобяков, Степан Данилов, Яков Змеев, Третьяк Нащокин ...» [109, лл. 102-103].

Несоответствия видим и в случае с другим оскольским воеводой – Б. Сабуровым³⁸. Разрядная книга 1475-1605 гг. показывает Б. Сабурова оскольским воеводой не ранее 1604 г.³⁹ Таким образом, можно сделать вывод о том, что челобитные оскольских станичников неточны, содержат ряд фактологических ошибок и не могут служить основанием для принятия 1593 г. в качестве даты возведения Оскола. Таким образом, эта дата не может быть принята и в качестве времени строительства Валук

Еще одним косвенным подтверждением основания Валук ранее 1599 г. служит разрядная книга 1559-1604 гг. Под 1598 г. находим в ней следующую запись: «На Волуйке: князь Володимер Васильевич Кольцов Мосальской, да голова Судок Мясной» [78, с. 238-239]. Следовательно, в 1598 г. крепость не только существовала, но здесь на службе уже находились воевода и голова. Однако это единственное упоминание в разрядных книгах Валук ранее 1599 г. Однако, эта же разрядная книга говорит о посылке В. В. Кольцова-Мосальского в Новосиль в 1599 г., а затем, в 1600 г., он оказывается уже в Валуйках в качестве воеводы. При этом в один и тот же город воевод дважды не назначали.

Об основании Белгорода, Оскола и Валук в 1593 г. говорит еще один источник - «Летопись о многих мятежах», составленная около 1658 г. в Москве на основе «Нового летописца» и официальных разрядных записей. В главе «О поставлении на Украине городов» видим следующее: «Того же году (7101/1593 г. - С.К.) царь Федор Иоаннович, видя от Крымских людей своему государству войны многия, и помысля поставити по Сакмам Татарским города, и посла воевод своих со многими ратными людьми, Они же шедше поставиша на степи города: Белгород, Оскол, Валуйки и иные города: от тех городов поставиша на Украине города Воронеж, Ливну, Курск, Кромы, и насади ратными людьми козаками и стрельцами, и жилецкими людьми. Те же

города его праведнаго молитвою укрепишася и ныне стоят» [38, с. 33-34]. Последняя приведенная фраза схожа с текстом «Нового Летописца», вследствие чего дублирование этих строк в разных летописях не может служить аргументом их достоверности. При этом, указанные города, согласно источнику, были поставлены после Воронежа, Ливен, Курска и Кром⁴⁰.

В статье «Пискаревского летописца» отмечается: «Того же 7092 году (1584 г. – С.К.) великий государь Федор Иванович приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичу Годунову, да дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову ставити на Поле, и в Севере, и к Астрахани, которья за много лет запустеша от безбожных агарян и от междоусобной брани: елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория и Самара, Кромы, Моностырев ...» [65, т. 34, с. 195]. Здесь мы видим отнесение строительства нескольких городов к одному 1584 г., хотя известно, что эти крепости имеют различные даты основания (например, Ливны - 1586 г., Кромы - 1594 г.)

Интересный материал для обоснования выбора времени основания городов на Поле предоставляет опубликованная Д. И. Багалеем «Роспись польским дорогам (времени Федора Ивановича)», рассматриваемая нами подробно выше [13, с. 1-4]. В документе, помимо прочего, речь идет о расписании различных путей и о «досмотре» территории Поля, ввиду возможного строительства новых городов. В отношении каждой местности давалась характеристика, содержащая описание как дорог и времени в пути до ближайших городов, так и естественных природных укреплений, а также наличие строительного материала и пашенной земли для будущего города. Район устья р. Везеницы, упоминаемой в росписи, можно отождествлять с теперешним местонахождением города Белгорода, т. е. на момент составления документа его попросту еще не существовало. Следующие два урочища, неоднократно фиксируемые в документе, - Яголдаево городище и район р. Сейм. Отсутствие указания на города в этих местностях дают право

утверждать, что города Оскол и Курск⁴¹ на момент обследования также не существовали.

Точно датировать документ затруднительно. Однако, поскольку в «Росписи...» упоминается Елец (работы по возведению которого до конца 1592 г. не были завершены [25, с. 9]), можно полагать, что она составлена не ранее 1593 г. На основании этого делаем вывод об отсутствии в начале 1593 г. Белгорода, Курска и Оскола и, следовательно, в 1591/92 г. не могло быть никаких поселенных оскольских станичников. Наиболее вероятной, на наш взгляд, датой появления этого документа является лето 1596 г. Разрядная книга 1475-1598 гг. содержит следующее сообщение, во многом сопоставимое с текстом «Росписи»: «...того же лета (7104/1596 г. - С.К.) июня в 16 день государь царь и великий князь Федор Иванович ... посылал на Поле на Донец на Северской Чугуева городища и иных городовых мест по Донцу и по иным рекам смотреть, где государю города поставить, голов ..., да ... подъячево. И, приехав с Поля, ... сказали государю ... Федору Ивановичю ..., что наехали место на Поле на Донце на Северском, словет Белогородье, и то место крепко, гора велика, и леса пришли великие и земля добра, мочно быть на том месте городу. А в другом месте нашли на Поле на реке на Осколе усть Оскольца место крепко и угодно, мочно на том месте городу быть, а Чюгуево городище сказали некрепко и негодно» [69, с. 500].

Рассмотренный также выше наказ И. О. Полеву от 20 марта 1595 г. о высылке с Ливен стоялых голов на р. Оскол на Козину поляну, также может служить опровержением версии о 1593 г., как времени основания города. Впервые документ к исследованию привлек Я. Г. Солодкин [414, с. 94-103]. Однако историк не обратил внимания на два важных момента. Во-первых: местоположение Козиной поляны, которое очень легко привязывается к современной местности благодаря ряду картографических материалов XVII–XVIII вв. и Книге Большому чертежу: «... речка Козинка, а пала в Оскол ниже Валуики города в Козиной поляне» [34, с. 66]. Таким образом, в 1595 г. укрепленного населенного пункта на месте Валуек не было, иначе не

возникла бы необходимость посылать вестовщиков с Козиной поляны, находящейся в нескольких километрах от Валук, в Ливны, находящиеся в сотнях километров от рассматриваемого региона. Во-вторых, упоминание в этом же указе р. Везеницы, при описании района движения станичников, означает отсутствие, на момент составления документа, Белгорода, построенного при впадении Везеницы в Северский Донец. К сожалению, неизвестно, когда сторожа на Козиной поляне прекратила свое существование.

Существует еще несколько документов, в которых 1599 г. фигурирует как время закладки Валуйской крепости. Так, в разрядной книге 1598-1638 гг. видим: « ... 107-го (1599 г. - *С.К.*) ... на Волуйке указал государь поставить новой Волуйской город воеводе князю Володимеру Кольцову-Мосалскому да голове Судоку Мясному...» [11, с. 85]. В разрядных записях 1475–1605 гг. видим также: «Тово же году (7107/1599 г. - *С.К.*) июля ... прислана государева грамота ... ко князю Володимеру Васильевичу Кольцову Мосальскому, а велено итти на Поле князю Володимеру Мосальскому усть реки Волуйки города ставить; а с людьми велено збиратися на Осколе князю Володимеру Мосальскому, а срок на Семен день 108-го году. А со князем Володимером товарищ город ставил голова Судок Мясной. А пришли на усть Валуйки сентября в 13 день, и место заняли, и острог поставили, и на весну город и всякие городовые крепости поделали, и государеву пашню завели, и жилецких людей дворами и пашнею устроили» [68, т.4, с. 61-62]. Редакция разрядных книг 1598–1602 гг. сообщает: «Того же году (7107/1599 г. - *С.К.*) июля в ... день послал государь воеводу своего князя Володимера Васильевича Кольцова Мосальского, да голову Судака Мяснова, а велел ити поставить город на Поле на реке Волуйке» [11, с. 376].

Еще один интересный источник, имеющий непосредственное отношение к затрагиваемым вопросам, – записки иностранцев о России конца XVI – начала XVII в. Так, Мартин Бер сообщает о возведении царем Борисом Годуновым на южной границе государства для защиты от татарских

набегов двух городов: Борисограда и Царевагорода [16, с. 28]. Первый из них отождествляется с Цареборисовым. В примечаниях к заметкам М. Бера авторы публикации сказано, что Царевгород – это город, построенный на р. Протва⁴².

В записках Жака Маржерета также сообщается о двух городах: Борисовграде и Царевегороде [39, с. 145]. Под последним мы также видим Цареборисов. Можно предположить, что вторым городом являются Валуйки.

Таким образом, практически все документы официального происхождения (например, разрядные книги, за исключением 1559–1604 гг.), фиксируют 1599 г. как дату основания Валуйской крепости. При этом в двух разрядных записях указ воеводе В. В. Кольцову-Мосальскому помещен в июле, что полностью согласуется с информацией из багалеевской «Строильной книги ...».

Определение точной даты возведения первого города Среднего Поосколья позволяет говорить о конкретных этапах продвижения государства в сторону Поля. Беря за дату основания 1599 г. мы можем говорить об особых планах правительства относительно заселения и хозяйственного освоения рассматриваемого региона. Возведение Валуек и Цареборисова в одно время и практически на одной территории в годы наибольшего влияния России на южном направлении говорит о целенаправленном движении в сторону включения Поосколья в сферу не только хозяйственных, но и стратегических интересов государства. Успешная оборона всего южного порубежья являлась возможной исключительно с учетом установления контроля над путями продвижения татар, развертывания станичной и сторожевой службы, приближенной уже к местным условиям. События Смутного времени не позволили завершить начатое правительством Бориса Годунова. Уничтожение Цареборисова в 1612 г. оказало решающее влияние на превращение Валуек и, следовательно, всего Среднего Поосколья в передовой регион на пути продвижения кочевников.

3.2. Городские и полевые укрепления Среднего Поосколья как составная часть оборонительного комплекса южного порубежья.

Государственная политика по обороне и освоению южнорусского порубежья проявлялась, в первую очередь, в строительстве стационарных фортификационных сооружений. Среднее Поосколье, ввиду особенностей расположения и вхождения в сферы различного административного подчинения, оказалось неравномерно включенным в мероприятия по строительству укреплений.

В комплексе оборонительных сооружений Среднего Поосколья можно выделить ряд участков, имевших свои отличительные черты в методах постройки и функционировании. Центральный участок рассматриваемого региона – Валуйская округа. Она включала в себя город Валуйки с пригородными слободами, Николопристанский Успенский монастырь и пригородные поля, не выходившие обычно за рр. Мосей и Полатовку на севере, рр. Казинку и Ураеву на юге, Проломного лога на востоке и р. Березового Созона на западе. Ее особенностью являлось достаточно раннее хозяйственное освоение служилыми людьми и, как следствие, возведение оборонительных рубежей на тех участках, которые наиболее сильно страдали от татарских и черкасских набегов.

Северо-восточный участок региона – территория военных зон Усерда, Верхососенска, Ольшанска. Строительство городов здесь происходило в связи с возведением Белгородской черты. Основные задачи новых городов сводились к перекрытию Кальмиусской сакмы и ее ответвлений.

Южный участок – военная зона Валуйской крепости вниз по течению Оскола – наименее укрепленный участок Поосколья, начавший заселяться лишь во второй половине XVII в. Строительство фортификационных сооружений выполнялось за счет переселенцев-черкас и было направлено на перекрытие основных татарских перелазов и бродов через р Оскол.

Методы строительства и типы оборонительных сооружений на каждом выделенном нами участке имели сходные черты и отличительные особенности. Первой крепостью в рассматриваемом регионе стали Валуйки,

возведенные в 1599 г. Примерно за год до начала строительства, на предполагаемое место постройки нового города, Разрядный приказ отправил служилых голов во главе с С. Мясным [14, с. 1]. Кроме военного сопровождения, Разрядный приказ снабдил экспедицию географическими картами и примерными вариантами строительства укреплений, составленных на основании опроса станичных сторож и жителей близлежащих городов – Белгорода, Оскола, Курска. Экспедиция вернулась в Москву с чертежами, подробными описаниями местности, планом строительства укреплений и сметой. В отчете участников экспедиции отмечалось, что выбранная ими местность в будущем должна способствовать укреплению Валуйки, чтобы «городу от того места порух не чаяли» [14, с. 1]. Город, по их определению, должен был иметь такие размеры, чтобы в случае необходимости вместить всех жителей окрестных слобод [261, с. 114].

Руководить строительством нового города Борис Годунов поручил воеводе князю В. В. Кольцову-Мосальскому [см.: 413] и голове С. Мясному. Государев указ о строительстве города был дан воеводе 8 августа 1599 г., а уже 1 сентября того же года назначенные для работы и обороны люди должны были собраться на р. Оскол [14, с. 1]. Для снабжения строительства использовались главным образом водные пути – р. Оскол и, возможно, Валуй и Северский Донец.

Воеводы, придя на место, должны были еще раз по чертежу и росписи увязать пересеченный рельеф местности с крепостными укреплениями, стенами и башнями, проезжими местами и дорогами. Осматривая выбранное место под город, воеводы должны были не только оценить все его достоинства и недостатки с позиции обороны, но и улучшить в военном отношении существующий рельеф.

Первую Валуйскую крепость строили 20 плотников, присланных по государеву указу из разных городов. Непосредственным руководителем строительных работ был городской мастер Я. Долматов [14, с. 1]. Служилых людей для строительства Валуйки выделяли польские города. Так, из Новосили вместе с головой О. Жилиным под руководство князя

В. В. Кольцова-Мосальского определялось 100 человек. Из Дедилова – «голова Семен Лодыженский, а с ним 2 сотника да стрельцов и литвы и немец и черкас лутчих 150 конных с пищалями». Кроме того из других полевых городов «взято стрельцов и казаков конных 98 человек» [14, с. 1].

Первоначальный облик Валуйской крепости нам не известен. Из описания укреплений, составленного окольниковым С. Головиным и дьяком И. Михайловым в августе 1621 г., следует, что к крепости относились, помимо городских оборонительных сооружений, большой и малый остроги, острог на левом берегу реки Валуй, слободы служилых людей (Приложение Н) и различные оборонительные сооружения на подступах к городу (засеки, надолбы и т. д.) [12, л. 12].

Большой валуйский острог располагался на правом берегу Валуй и «обходил» город вместе с малым острогом и слободами служилых людей. Острог состоял из трех стен (четвертую стену заменяла р. Валуй) общей протяженностью более двух километров. После ремонта площадь острога была несколько уменьшена, а со стороны валуйского берега была возведена еще одна стена. На стенах острога возвышались 12 башен⁴³ высотой до 6 м., расположенные на расстоянии примерно 116 м. друг от друга. В семи башнях имелись проездные ворота. В остроге предполагалось соорудить на стенах и башнях абламы, отремонтировать лубяную кровлю, мосты для верхнего боя и тарасы. С трех сторон острога намечалось выкопать ров и поставить тройные надолбы с наметами. На территории острога размещался Посольский двор [183, лл. 4-8].

Малый острог служил дополнительным укреплением города, огораживающем его с трех сторон, кроме восточной. Стены малого острога находились на расстоянии 20 м от городских стен. Острог окружал ров, тройные надолбы и полоса вбитых в землю кольев с заостренными концами (частик) [183, л. 11].

Валуйский детинец (Приложение Г) представлял собой рубленый городок, расположенный на обрывистом правом берегу реки Валуй. В плане городские укрепления имели форму трапеции с протяженностью крепостных

стен около 540 м. По углам города и на серединах стен располагались 7 башен высотой от 7 до 8 м. [183, л. 7] Верх башен венчала лубяная шатровая крыша [183, л. 6].

На левом берегу Валуя находился Завалуйский острог. С внешней стороны острога был насыпан земляной вал, выкопан ров и установлены надолбы [183, 6-8]. Размеры этого острога документы не указывают.

Первая валуйская крепость просуществовала до 1632 г. и была уничтожена польско-казацким отрядом под руководством Я. Остряницы. Восстановлением города занялся назначенный в октябре 1633 г. воевода И. П. Байков⁴⁴. Для облегчения работы строителям и в связи с экономией времени и средств, воевода предложил вместо рубленного города («детинца») и острога ставить только большой острог⁴⁵ «по старому городовому месту, что был город, две стены к тому ж острогу» [128, л. 197]. В плане он представлял собой неправильный четырехугольник с длинной стен 100/100/100/129 сажень. Восемь башен (4 угловых и по башне на каждом прясле стен), без шатровых перекрытий⁴⁶, возвели из липового леса. Две башни имели проездные ворота⁴⁷. Никаких дополнительных оборонительных сооружений предусмотрено в остроге не предусматривалось [128, лл.121-123] (Приложение 3).

Изменение типа укреплений Валуйской крепости приходится на 1647 г. Восстановлением города после пожара, что не было характерным для других регионов южного пограничья, руководил не валуйский воевода, а присланный из Царева-Алексеева города стольник И. В. Алферьев. Прибывший в Поосколье 15 июля, он наделялся широкими полномочиями, определявшимися царским наказом: «А делал бы сам Волуйской острог и всякие крепости с великим раденьем неоплошно» [149, лл. 141-148].

В обязанности И. В. Алферьеву вменялся выбор типов возводимых на месте пожарища оборонительных сооружений: «тыновой острог или земляной город». Ввиду экономии средств, нехватки людских ресурсов и, несмотря на заверение местного населения о невозможности возводить стены в виде земляных насыпей из-за непрочности песчаной почвы, И.В. Алферьев

25 июня 1647 г. «обложил» ворота и башни земляного города: «на Волуйке городу земляному быть мочно и дерн в дело пригодитца» [149, лл. 203-205]. Длина возводимых стен (без учета башен) составляла по плану⁴⁹ 540 саженей [12, л. 47]. По сравнению с разрушенным огнем острогом, земляной город имел значительно большую площадь и отстоял на 150 м от берега Валуя [12, л. 46]. Земляной город просуществовал без серьезных перестроек вплоть до XVIII в.

Строительству городских укреплений по рр. Тихая Сосна и Усерд (северный участок региона) также предшествовал традиционный досмотр местности [311, с. 91-93]. Посланные под Белгород и Оскол Ф. Сухотин и Е. Юрьев, получив подробнейшую информацию от местных служилых людей, отвергли предложение правительства о перекрытии Кальмиусской сакмы от Верхней Сосны до Оскола [124, л. 8], поскольку «лесов там нет и река Белый Колодязь не крепка» [124, лл. 16-17]. В качестве опорного пункта и отправной точки строительства досмотрщики выбрали Большой Валуйский лес, от которого предполагалось насыпать вал до р. Усерд. При этом возможность прорыва черты татарами путем перехода оскольскими бродами, «перекрывалась» планами на строительство укреплений вдоль р. Оскол (от Валуек до Оскола), центром которых должен был стать стоялый острог у Жестовых гор [124, лл. 17-18].

Возведение города Усерда в 1637 г. происходило по традиционной схеме, которую мы видим и при строительстве Валуек⁵⁰. Царским указом руководителями строительства назначались стольник И. И. Бутурлин и воевода С. П. Нарбеков⁵¹. Фортификационные сооружения Усерда, построенные в конце 1630 –х гг., представляли собой рубленный из дубового леса «город» с девятью стенными (в т.ч. 3 проездные) и наугольными башнями, крытых тесом. В каждой башне устраивались верхние, средние и поземные «бои с абламами» и караульные чердаки. «Город»⁵² окружал ров, отрытый на две косых сажени в глубину и ширину⁵³. Для наблюдения за окрестностями на возвышенности был сооружен «караульный чердак», на

котором находился вестовой колокол [14, с. 23] и вестовая пищаль («медная полуторная, а к ней штигривеночных 181 ядро») [77, с. 221].

Одним из городов, перебивавших ответвление Кальмиусской сакмы к северу (по правому берегу) от Тихой Сосны, стал Верхососенск. Одновременно со строительством Усерда в 1637 г. закладывались стоялые остроги: Раздорский, Осиновый (в Осиновых Колках) и в «Верхососне»⁵⁴, в 10 верстах от Усердского городища. Строительство «жилого города» на месте стоялого острога приходится уже на один из этапов возведения оборонительных сооружений от р. Оскол (г. Новый Царев-Алексеев) до р. Тихая Сосна. Верхососенск был заложен 15 августа 1647 г. воеводой В. П. Львовым на окончании т.н. новооскольского вала у Верхососенского леса. Новооскольский вал на участке черты новый Царев-Алексеев город-Верхососенск представлял собой насыпь в высоту «2 сажени без чети» и шириной у основания 3 сажени. Напольная сторона вала ослонялась дубовыми бревнами [29, т. 9. с. 277]. Сам Верхососенск, возведенный за валом на возвышенности, представлял в плане неправильный четырехугольник. Городская стена, срубленная на 231 сажени «по-острожному», дополнялась 5 башнями (2 проездные) [29, т. 9, с. 277-278].

Отдельного внимания заслуживает южный участок Поосколья. Особенностью заселения и, как следствие, включения рассматриваемой территории в единую линию обороны порубежья, являлось активное переселение черкас и координация их действий с воеводами Белгорода, Курска и Валук. В южной части Поосколья, в отличие от Валук, Усерда, Верхососенска, мы не видим значительных по масштабу городов-крепостей и больших по протяженности линий пригородных укреплений. Основные опорные пункты возводились, как и в примере с Усердом, в местах переправ татар через Оскол. Построение обороны Поосколья шло в непрерывной связи с обороной перелазов и бродов.

Во второй половине XVII в. правительство неоднократно проводило географические описания р. Оскол и его притоков с целью выявления таких мест и укрепления их с помощью городков и стоялых острожков.

«Роспись оскольским перелазам и бродам» в 1676 г. составлялась валуйским воеводой Е. Зиновьевым [171, лл. 460-461]. Описывая Топольской перелаз, находившийся южнее Лысых гор, воевода отмечал, что в этом месте берега Оскола свободны от леса. Ниже Топольских перелазов на левом берегу р. Каменки находился Каменский перелаз. С крымской стороны Оскола тянулись меловые горы, лога и небольшие лески, а с ногайской – степь и заросли лозняка [171, л. 462]. В «Экстракте о слободских полках» 1734 г. датой основания Каменского городка на этом месте назван 1675 г. [13, с. 148] Однако упомянутая роспись никаких укреплений в это время на перелазе не отмечает. На наш взгляд, основание Каменского городка можно отнести к 1679 г. В. П. Загоровский осадчим городка называет И. Данилова [311, с. 184]. Острог изначально возводился из «разного лесу», имел одни проезжие ворота, калитку к реке и проездную башню, которая не имела верха [13, с. 126]. Никаких дополнительных оборонительных сооружений в остроге предусмотрено не было: «тарасов и кроватей и обلامов и котков и рву нет». Не было в Каменском городке ни колодца, ни тайного выхода к реке на случай осады. В 1683 г. в Каменской слободе находилось 32 человека [13, с. 126].

Ниже по течению Оскола в устье р. Двуречной, напротив большого леса, одной из первых в регионе, была «осажена» Двуречная слобода. Ее основание связано с именем новооскольского [100, л. 5об.] «черкашенина старого выезду» В. Бакаринского, который в 1667 г. в своем письме в Белгород к воеводе боярину Б. А. Репнину просил разрешения поселиться между рр. Осколом и Двуречными с татарской стороны и «построить город и осадить слободы дворов с 1000»⁵⁵ [160, л. 661]. Укрепления Двуречного городка представляли собой острог с пятью башнями и одними проезжими воротами со стороны рр. Двуречных. Вокруг острога выкопан и обставлен дубовыми кольями ров, а со стороны Купянска построена стена «новым всяким лесом» [181, л. 96].

Осиновский перелаз, располагавшийся ниже Двуречной по Осколу, обращал на себя внимание досмотрщиков тем обстоятельством, что с крымской стороны реки находилась гора и Осиновый лог. На горе предполагалось сделать караульный острожек, а на самом перелазе «пристойно быть городу жилому». Несмотря на то, что к обеим берегам Оскола прилегала безлесная степь, досмотренное место признано пригодным для поселения ввиду того, что вокруг находились «привольные уголья» [181, л. 96].

В том же 1675/76 г., когда Е. Зиновьев досматривал местность по р. Оскол, черкашенин И. Трофимов получил распоряжение из Курска от боярина Г. Г. Ромодановского на строительство слободы на Осиновом перелазе и призыв в нее жителей из малороссийских городов. Однако указанное место оказалось неудобным для поселения ввиду частых татарских нападений. В следующем, 1677 г., И. Трофимов в своем письме к А. С. Апухтину⁵⁶ просил разрешить построить слободу выше по течению Оскола возле устья р. Купинки [181, л. 96]. Новопостроенный городок⁵⁷, который в ранних документах именуется то Купецким, то Чудным, располагался на правом берегу Оскола между Осиновым и Калиновым бродом на горе над озером [107, л. 1047]. Укрепления городка в 1683/84 г. состояли из острога с одними проездными воротами. Протяженность острожных стен достигала приблизительно 175 м. С правой стороны р. Оскола располагался посад и 420 м надолбов. В остроге не было ни тайника, ни колодца, а вокруг него даже не был выкопан ров [106, л. 973]. Несколько позже Купецкий перестраивался и укреплялся дополнительными полевыми сооружениями. По переписной книге харьковского полковника Г. Донца 1686/87 г., протяженность острожных стен городка равнялась всего 137 м.⁵⁸ Ров, глубиной 4 м и шириной 3 м, вокруг острога выкопан только в 1690-е гг. [105, л. 1047] В городке имелись три наугольных и одна проездная башня, а около посада отмечены «заборы в столбы разного лесу», т.е.

надолбы, общей протяженностью 1040 м. В полевых крепостях было сооружено двое проездных ворот шириной по 4,5 м.⁵⁹

Таким образом, городские фортификационные сооружения северного и центрального участков, не смотря на то, что возводились с разницей в несколько десятилетий, в первоначальном варианте повторяли традиционные для русского военного зодчества черты – детинец, окруженный острогом и укрепленными по периметру слободами (своеобразным посадом). В дальнейшем подобная практика в рассматриваемом регионе повторяться не будет, а городские фортификации приобретут иные формы, подобранные с учетом местной специфики. Это мы видим на примере Валуйского «земляного города» и черкасских слобод южного Поосколья.

На подступах к городу-крепости традиционно устраивались т.н. «полевые крепости» - система оборонительных сооружений, включающих в себя надолбы, частик, засеки, полевые башни и т.д. Центральная часть Поосколья укреплялась, по всей видимости, еще в начале XVII в. В 1620-е гг. валуйские «полевые крепости» были разрозненными, обветшалыми и не являлись серьезной преградой для татар. Полевые укрепления в данное время, по всей видимости, не носили широкого распространения, ввиду слабой освоенности округа в хозяйственном плане.

Возведение первых комплексов полевых оборонительных сооружений в Валуйской округе приходится на 1640-е гг. Заосколье. В своем большинстве они представлены надолбами, караульными башнями и засеками (Приложение Д, Ж). Устройство надолбных конструкций рассматривалось в работах Ф. Ласковского и В. П. Загоровского. В свою очередь, мы попытались реконструировать их устройство по архивным материалам, относящимся к территории Среднего Поосколья.

На строительство шли дубовые бревна длиной 6,5 м. В бревне делалась выемка, в которую вставлялось другое бревно с такой же выемкой. Между собой они сбивались гвоздями или скобами. Одно звено надолб состояло из двух вкопанных на расстоянии около 2,5–3 м столбов, соединенных между собой четырьмя поперечными бревнами длиной 6–6,5 м. Таким образом, из

заготовленного одним человеком леса (4 бревна и 2 столба) получалось одно звено такой ограды. Надолбы ставились рядами, от одного до четырех. Самыми простыми и легко проходимыми являлись однорядные или одиночные надолбы.

«Сшитые» наметами или переметинами ряды надолб имели единую жесткую конструкцию, которую повалить или сломать было практически невозможно. Высота конструкций выбиралась такой, чтобы их не смогла преодолеть на скаку лошадь (около 2 м.). В рядах надолб устраивались башни, где находились караульщики [149, л. 1-9]. Броды и перелазы на реках также «заслонялись» надолбами и частиком, ямами с кольями и дубовыми бревнами с набитыми в них острыми шипами, которые укрепляли на дне реки в месте переправы.

Засека представляла собой срубленные сваленные деревья, завал, для затруднения прохода неприятеля. Устраивались они на опушках леса, по берегам рек в местах бродов, вдоль дорог. На территории Среднего Поосколья устройство засек носило частный характер и являлось, скорее, дополнением к основному виду укреплений – надолбам.

Впервые надолбы в Валуйской округе упоминаются в окладной книге 1626 г. на Московской дороге и за Осколом (левый берег). По всей видимости, они возводились одновременно с первой валуйской крепостью либо в 1618 г., во время подготовки к нападению запорожских казаков во главе с гетманом П. Сагайдачным. Целенаправленно пригородные поля и слободы стали укрепляться с середины 1640-х гг. В 1645 г. воевода П. Колтовский, ввиду частых татарских «приходов» на городские поля, предложил Разрядному приказу возвести оборонительные сооружения в наиболее опасных участках округи⁶⁰. В начале сентября к строительству линий обороны были привлечены служилые люди и крестьяне из Яблонова, села Голубина, Халани, Корочи и Оскола (всего 205 человек)⁶¹.

За июль-август 1645 г. установили 2 версты четырехрядных надолб по Московской дороге, от р. Оскол и Мухина озера до Большого Валуйского леса, т.е. в тех местах, где татары переходили с сакмы на сакму. В 1646 г. на

Первом Созоне (на ранее устроенных линиях надолб) и на Усердской дороге под Большим Валуйским лесом валуйчане срубили две караульные башни [149, лл. 189-192].

Таким образом, к середине 1640-х гг. Среднее Поосколье, несмотря на старание обезопасить население региона, не являлось серьезной преградой на пути татарских вторжений в пограничные и центральные уезды. Укрепление Поосколья продолжилось в последующие годы в связи с началом строительства отдельных участков Белгородской засечной черты.

Новый этап в строительстве «полевых крепостей» приходится на восстановление Валуек после пожара 1647 г. Проведя досмотр «крепостей» в округе и определив слабые участки в обороне, стольник И. В. Алферьев попросил Разрядный приказ дать разрешение на установку надолб, постройку башен и устройство засек за р. Валуй до р. Оскол и в оскольском праворотье. Надолбы у Московской дороги (на Березовом Созоне) планировалось довести до караульной Горней башни на казацких полях [149, лл. 206-225].

Возведенные в течении лета 1647 г. полевые укрепления можно разделить по участкам. В южной части Валуйской округи надолбы «со связями» протянули на 4 версты за р. Валуем от Изрога. От изрожных укреплений до р. Оскол 1200 саженой надолбов дополнялись засекой. Засака и надолбы набивались за Осколом в праворотье от Большого Праворотского леса до р. Казинки (Приложение 3). На переправе через речку возводилась караульная башня. Несколько южнее от Козиной и Храповой полян, на левом болотистом берегу р. Козинки, 500 саженой надолб сочетались с засеками в ивовых кустах.

Северный участок укреплялся преимущественно за счет засек: от Мосеевского леса и от р. Мосей к Полатовской дороге 2 ряда надолб тянулись на 1 версту. Мосеевские броды, использовавшиеся татарами для перехода с Изюмской сакмы на Кальмиусскую, «заставлялись» надолбами и засеками на 1,5 верстах.

Западный участок со стороны польских городов, наименее укрепленный, перекрывался надолбами и башнями. К уже существующей

линии добавили 30 сажений дубовых надолб, перекрыв Московскую дорогу и соединив Караульную и Горнюю башни.

Наиболее укрепленным оставался восточный участок округа, обращенный к Полю. От Проломного лога, возведенные в надолбах башни, перекрывали Посольскую дорогу. Завалуйские поля, расположенные в этой части, оказались в полукольце укреплений: двухметровые надолбы, вкопанные в 4 ряда и заполненные землей и хворостом, проходили по дуге в 2–2,5 версты и опирались южным фасом на левый берег Оскола (в месте впадения в него р. Ураевой), северный – в левый берег Валуга (в месте впадения в него р. Полатовки) [162, лл. 156].

Полевые «крепости» во второй половине XVII в. достраивались и обновлялись несколько раз. В 1651/52 г. ремонт укреплений проводился воеводой М. Дмитриевым. В сметном списке 1652 г. они упоминаются в следующем виде: «Да за рекой Валугем, от реки Валуга до реки Оскола полевые крепости – надалабы в 3 ряда на 4395 саженьях»⁶². В 1652 г. валуйский воевода Д. Яковлев старые линии надолб укрепил дополнительными рядами [162, лл. 37-38]. По состоянию на 1665 г. мы видим незначительные дополнения к уже существующей системе – завалены засекой верховья р. Мосей (в месте ответвления Кальмиусской сакмы) и надолбами и засеками укреплена дорога к монастырской деревне Яблоновой [14, с. 26].

С началом строительства Новой (Изюмской) засечной черты и с вхождением Валуг в состав ее укреплений, полевые «крепости» в округе достраивались с напольной стороны – от Валуга до Черкасской слободы, от Царегородской слободы до Валуйского Большого леса (Горнего). Выбор направления новых линий надолб, на наш взгляд, связан с ослаблением татарской угрозы со стороны Кальмиусской сакмы, перекрытой городами и участками Новой (Изюмской) черты. В целом, к началу XVIII в. общая протяженность надолб в центральной части Среднего Поосколья составляла 8853 сажени (19 122 м).

Усердские пригородные укрепления закладывались одновременно с возведением города и учитывали наличие «крепостей» в соседней Валуйской округе. Вокруг Усерда, для охраны слобод, пашен и пастбищ, устраивались три ряда дубовых надолб. Проходя от речки Усерд к Большому Сосенскому лесу, они поворачивали к р. Сосна [14, с. 26] и, тем самым, замыкали напольную сторону округи в полукольцо. Большой Сосенский лес со строительством города объявлялся заповедным, так как использовался для строительства засеки [266, с. 48]. В 1641/42 г. пригородные укрепления Усерда достраивались стольником И. И. Бутурлиным. На участке вала от Иловского леса достроили 5 земляных башен и одну деревянную «дубового лесу». Последняя, т.н. «Нижняя», расположенная на высоком кургане, была срублена в 8 стен высотой в 6 сажень и имела проездные ворота [46, с. 1634]. От «Нижней» башни достраивались надолбы «в две кобылины с наметками», проходившие вдоль р. Сосны до Усердских болот на 1000 саженей. От болота, выступавшего в роли естественной преграды, надолбы продолжались вверх по течению Большого Усерда на 1200 саженей и заканчивались, замыкая полукруг, возле Усерда [99, л. 84]. От башни до линии надолб отходила острожная дубовая стена высотой в 3,5 сажени [46, с. 1634-1635].

Обновлением обветшалых полевых и городских укреплений в 1652/53 г. занимался усердский воевода К. Ю. Арсеньев [46, с. 1634]. Для сохранения вала от разрушения при ремонте и досыпке использовались дубовые бревна, выставившиеся в качестве облицовки. Служилые люди «ослонили» 11 саженей вала у Подлесной башни и возвели на валу еще одну проездную башню. Для ее охраны дополнительно выделялось 10 детей боярских и казаков [46, с. 1635]. Также на 200 саженях «сделан весь совсем в отделку лесом ослонен» вал от р. Сосны до Московского леса «в праворотье». Усердские служилые люди совместно с чернянскими нетчиками в том же году насыпали вал от Тихой Сосны до Подлесной башни и облицевали его дубовым лесом на 100 саженях⁶³.

К началу сооружения Новой (Изюмской) засечной черты усердские пригородные укрепления исправно функционировали и представляли собой комплекс земляных валов, линий надолб и засек.

В целом, по своей оборонительной способности Усерд значительно уступал соседним Валуйкам и Цареву-Алексееву (построен в 1647 г.). По всей видимости, основной упор строители делали на естественные преграды, использовавшиеся в качестве рубежей обороны. Вплоть до начала XVIII в., значительных перестроек города не осуществлялось. С постройкой Изюмской черты, часть усердских укреплений вошла в ее состав.

«Полевые крепости» Верхососенска, в отличие от Валуек, возводились одновременно и представляли собой сложные фортификационные сооружения, состоящие из земляных валов, земляных городков и сторожевых башен. Пригородные слободы и огороды служилых людей традиционно укреплялись надолбами (272 сажени). В Верхососенском лесу на 3 верстах устраивалась засека. Валовые «крепости», возведенные на рассматриваемом участке, тянулись на 14 км: 7 км земляного вала с 13 земляными городками и 2 деревянными башнями. В долине р. Сосенка, на заболоченном участке, вместо вала сооружались «тарасы клетками косые» длиной в 21 сажень. Для их забутовки использовалась земля, южная сторона дополнительно укреплялась дубовым ослоном. Таким образом, военная зона Верхососенска оказалась весьма незначительной: начинаясь западнее р. Сосенки она заканчивалась у Раздорского острога, контролируемого усердским гарнизоном. Расположение Верхососенска за укреплениями Усерда предопределило особенности заселения округа и формирования уезда⁶⁴.

Особым видом стационарных укреплений являлись стоялые остроги⁶⁵, получившие распространение на северном и южном участках Поосколья. Возведение первых стоялых острогов в регионе началось со строительством Белгородской черты. Одновременно с возведением Усерда в 15 верстах от города, «в Сосенских раздорах»⁶⁶, закладывался так называемый Раздорский острог. Длина его стены по окружности равнялась 60 сажням. Стену окружал ров шириной в 2 сажени и двойные дубовые надолбы с наметами

[266, с. 46]. В остроге дежурили, сменяясь каждую неделю, 15 усердских черкас и один пушкарь. Рядом с острогом была построена наблюдательная площадка («чердак») – конструкция на четырех дубовых столбах, использовавшаяся служилыми людьми для досмотра Кальмиусской сакмы [14, с. 26]. К 1678 г. Раздорский острог укреплялся дополнительным рядом надолб (4 ряд на 110 сажень). От острожка к р. Сосне было возведено 330 сажень надолб (в 4 ряда), к Сосенскому лесу – 440 сажень. Надолбы заканчивались пятиверстовыми засеками [29, т. 9, с. 278].

Стоялый острог возводился и под Осиновым лесом. Осиновый острог являлся, на наш взгляд, ключевым звеном в построении новым городом стационарной системы досмотра Поля в округе: расстояние от него до Раздорского острога равнялось 9-ти верстам, до Усерда – 24-м верстам, до р. Оскол (до Жестовых гор и Афонькина плеса) – 6-ю верстам. Острог контролировал часть Кальмиусской сакмы «верх Сосенских раздоров и созонов» [14, с. 26], а также ответвления от основной сакмы, по которой татары переходили с Изюмской на Кальмиусскую дорогу, переправляясь через Оскол под Жестовыми горами.

Осиновый острог был больше Раздорского – длина стены по окружности равнялась 63 саженьям, а ров отрыт на 1,5 сажени в глубину и на 3 в ширину. За рвом шел ряд дубовых надолб с наметами. Острожная сторожа набиралась из 20 детей боярских, 20 полковых казаков из Оскола во главе с усердским головой и пушкаря. Для наблюдения за степью из острога к опушке Осинового леса высылались группа служилых людей, располагавшихся «на дубе на кровати» [14, с. 26]. Еще одна «отхожая сторожа» находилась с противоположной стороны леса «на изроге», оберегая сакму, проходившую по старой посольской гати [14, с. 46].

Еще один стоялый острог (Каменный) мы видим в 1643 г. по течению р. Сосны ниже города Усерда в 3 верстах от Кальмиусской сакмы на Каменном броду [14, с. 47]. Время его возведения приходится на период уже после насыпки вала на усердском участке Белгородской черты. Каменный острог представлял собой четырехугольник в 73 сажени по периметру. С трех

сторон его окружал ров в ширину и глубину по 1,5 сажени. Четвертая стена дополнительно защищалась обрывистым берегом Сосны [46, с. 47]. Охрану этого участка вала и сакмы вели 15 усурдских казаков, еще 20 – разъезжали «по вестям» [311, с. 102].

По мнению В. П. Загоровского, рассматриваемые выше стоялые остроги не могли перекрыть сакмы и, тем самым, помешать продвижению татар в Русь и обратно [311, с. 2]. На наш взгляд, подобного рода укрепления строились не в качестве элемента «засечной черты», а лишь для защиты сторожей и служилых людей, досматривавших Поле. В данном случае Раздорский и Осиновый остроги представляются нам расширенной и хорошо укрепленной дальней сторожей. Об этом говорит и характер сооружений, возведенных в острогах.

Стационарные оборонительные сооружения острожного типа возводились и в нижнем течении Оскола, однако в своем большинстве на данном участке преобладали укрепленные слободы или небольшие городки. В Валуйской округе стоялые остроги не получили распространения, поскольку, на наш взгляд, на данном участке существовала сложная и разветвленная система полевых крепостей.

Важной составной оборонительного потенциала городов-крепостей Среднего Поосколья являлась артиллерия (т.н. наряд). В интересующий нас период роль мощного артиллерийского щита, перекрывавшего пути продвижения татар, являлась Валуйская крепость, по количеству орудий уступавшая только Москве. Первоначальное вооружение крепости доставлялось из польских городов одновременно с закладкой города: «с воеводою на поле наряду и зелья и всяких пушечных запасов. С Оскола пищаль 9-типядная с станом и с колесами, ... а к ней 200 ядер, с Ливен 20 пищалей затинных, а к ней по 500 ядер к пищали свинчатных; из Серпухова 5 пищалей полковых с станы и с колесы, а к ним по 500 ядер к пищали железных, 5 пищалей скорострельных, а к ним по 500 ядер свинчатых, 30 пуд зелья, 15 пуд свинцу да к наряду и к острожному делу к воротам и к башням» [29, т. 9. с. 174-175]. В 1640 г. артиллерия Валуек состояла из медного и

железного «наряда»: 2 пушки полуторные медные, 7 пищалей железных скорострельных, 2 волконейки железные, 6 тюфяков медных дробовых, 18 затинных пищалей. В 1641 г. из Москвы прислали медную полуторную пищаль, боевой комплект которой включал 276 железных ядер весом по 6 золотников и 1000 железных ядер по 5 гривенок каждое. В 1681 г. наряд состоял из 11 железных затинных пищалей и 1 железная волконейка. Ко всем орудиям прилагался достаточный запас ядер и пороха.

Второе место в регионе, по оснащению артиллерийскими орудиями и боеприпасами, выступал Усерд. При этом его наряд, в отличие от валуйского, имел исключительно оборонительное значение от кратковременных татарских и черкасских набегов. Основной наряд размещался на башенных «боях»: «4 пищали медная полуторная⁶⁷, а к ним 4-хгривеночных⁶⁸ по сту по двадцати по пяти ядер. 5 пищалей медные ж, а к ним трехгривеночных⁶⁹ 974 ядра. 6 пищалей медных ж, а к ним двугривеночных⁷⁰ 650 ядер. 4 пищали медных ж, а к ним одногривеночных 576 ядер» [77, с. 221]. В 1678 г. усердский наряд был представлен следующими орудиями (без указания калибра): 3 медных пищали (к ним 339 ядер), 2 железных пищали (к ним 209 ядер) и затинная пищаль («а к ней ядер нет»)⁷¹. Учитывая, что городская артиллерия в летнее время распределялась по стоялым острогам, можно сделать вывод, что наряд Усерда рассматривался исключительно с точки зрения обороны от кратковременных татарских и черкасских «приходов». Однако, учитывая стратегически важное расположение города на пересечении основных сакм, в запасе ядер и пороха («зелья») из расчета на одно орудие Усерд уступал только Валуйкам.

В стоялые остроги артиллерия доставлялась из Усерда на время активизации татарских нападений. На вооружении служилых людей в острогах состояло по 2 медных пищали, и по 1 трех- и одногривеночной пищали. К каждому орудию в деревянном срубе хранилось по 25 ядер и два пуда пороха [266, с. 46]. На зиму артиллерия перевозилась в Усерд [29, с.

277]. Городской наряд Верхососенска также был незначительным и состоял из 5 железных и 3 медных пищалей⁷².

Особняком стоят городки и слободы южного течения Оскола. Так, в Двуречной слободе в 1680 г. имелась всего одна пушка и две затинные пищали, в Купянске в 1683 г. - 2 затинные железные пищали без ядер и пороха [106, л. 973-973об.].

В целом, рассматриваемый регион вполне соответствует представлениям правительства о важности данного участка порубежья. Артиллерия сосредотачивалась в центральном участке, распространявшем свое военное влияние на соседние города и слободы.

Существенным и обязательным элементом фортификационной архитектуры порубежных, в том числе и пооскольских городов, на протяжении всего XVII в. являлся «тайник» - подземный ход из города к ближайшему водоему или колодец, использовавшийся исключительно в «осадное сидение»⁷³. Подземные хода существовали во всех крепостях региона, однако, в связи с особенностями рельефа в каждом конкретном случае, они имели свои особенности.

Впервые о «тайнике» в Валуйской крепости сообщает опись города 1621 г. Подземный ход начинался в «городе», проходил под землей 29 саженьей «по острогу» и выводил к правому берегу Валуга. Конструкция представляла собой дубовый сруб, засыпанный землей [183]. «Тайник» заканчивался колодцем, находящимся недалеко от реки (на берегу). В редких случаях подземный ход выводил прямо к реке. При этом есть все основания полагать, что строительство валуйского «тайника» приходится на время закладки крепости в 1599/1600 г.

К начальному этапу существования Валук относится и устройство дополнительного колодца у Водяной башни в остроге, поскольку на 1642 г. он уже не использовался, т.е. являлся ветхим: «колодезь испорчен, рублен в 4 стены, лес дубовой, стены по сажени, копан тот колодезь в 9 сажень, а воды в нем нет, засорился» [59, с. 76].

Следующее упоминание валуйского «тайника» относится ко времени восстановления города, сожженного польскими войсками в годы Смоленской

войны. В одной из отписок в Разрядный приказ, воевода И. Байков жаловался, что служилые люди «тайника и тайникового колодезя не чистят, а новый колодец в городе де они пометали навозом и щепой» [197, лл. 121-123]. Более подробно устройство «тайника» и его расположение рисует роспись воеводы П. Колтовского 1644 г.⁷⁴ (Приложение О). Состояние подземного хода свидетельствует о том, что речь идет, по всей видимости, о «тайнике», существовавшем в первые годы жизни города и обновлявшемся в 1620-30-е гг. После пожара 1647 г. «тайник» привязывался к одной из башен земляного города, получившей название - «Вестовая с тайником» [434, с. 266]. Длина нового подземного хода составила 72 сажени, что более чем в 2 раза превосходило протяженность предыдущего сооружения.

В 1654 г. в Валуйках видим тайник протяженностью 45 сажень, выходящий к р. Валую [162, лл. 544]. Разница «в длине по мере» подземного хода, на наш взгляд, объясняется особенностями его конструкции и направлением. В 1658 г., по донесению воеводы И. Языкова, готовившего город к осаде и ремонтировавшего укрепления, «тайник старый обвалился, сруб погнил и полон водой». Ввиду возможных боевых действий, служилые люди почистили ход и колодец, поставили новый сруб [152, л. 61]. Обновленный подземный ход просуществовал вплоть до конца XVII в. В 1677/78 г. он так же представлял собой дубовый сруб, врытый в землю и выходящий из города в сторону реки: на берегу Валую⁷⁵. В 1681 г. «тайника» как такового уже не существовало⁷⁶. Быстрое обветшание подземных ходов, на наш взгляд, можно объяснить спецификой самой конструкции – ров, спускающийся под наклоном к берегу реки, постоянно размывался дождевыми водами и подтапливался во время разливов реки.

Сходным образом обустраивались и содержались «тайники» в Усерде. Первый подземный ход «дубовый рубленой», сооруженный в 1637/38 г., выходил из города к р. Сосне, а «вода в нем из горы в колодезь и ключи текущие» [14, с. 23]. К 1668 г. усердский «тайник» обвалился, «воды и колодцев нет, а в осадное время воды не будет» [335, с. 8]. Ремонт подземного

хода производился в второй половине 1670-х гг. Так, в 1677/78 г. «тайник» обозначен как действующий («а вода в нем добра») [335, с. 8], в 1681 г. – «тайник сделан вновь, в нем колодезь, вода добра» [29, с. 278].

В Острогожске в 1670-90-е гг. тайник на 11 сажень шел из города к Тихой Сосне. Отрытый в самой крепости колодезь (20 сажень) не использовался, поскольку воды в нем практически не было [58, с. 12].

Примечательно, что ни в одном из усердских стоялых острогов тайники с водой не предусматривались. В Раздорском и Каменном острогах воду брали в р. Сосна, а в Осиновом – из родника в лесу [266, с. 46-47].

Сведения о «тайниках» в воеводских отписках и росписных списках обязательно дополнялись информацией о наличии в городе колодцев с питьевой водой. Ни один из валуйских документов не упоминает колодцев непосредственно в городе, что значительно затрудняло положение служилых людей при отражении атак неприятеля. В тех крепостях, где колодцы существовали непосредственно в детинце, «тайники» являлись альтернативными источниками воды. В Белгороде, например, подземного хода из города к водоему вообще не существовало, поскольку «колодезей в том городе много, вода в них добра, промеж дворов озеро, в осадное время водою скудно не будет» [335, с. 9].

Важную роль в обороне Среднего Поосколья играли естественные преграды – леса. При этом наибольшее значение для обороны имели лесные массивы северной части (Усердский, Верхосоенский и Ольшанские уезды). В росписных книгах 1651 г. приведено описание и подробный список «больших лесов и малых лесков» Усердского участка черты. Столь подробное описание всех лесных массивов в округе не в росписном списке города является, на наш взгляд, прямым указанием на первостепенное значение лесов в построении обороны региона. Е. Марков, изучавший остатки оборонительных сооружений по р. Сосне в начале XX в., ключевым звеном обороны данного участка черты считал Иловский лес: «к нему шли с обеих сторон земельные валы через пустые места, около него устраивались стоялые острожки для сторожей, к нему высылались на дозор летучие станицы» [363,

с. 129]. Устройство засек делало Иловский лес непроходимым для конницы и больших пеших отрядов⁷⁷.

В целом, на 38 верст Сосенской засечной черты 20 приходилось на «топи, болота, лески», т.е. на естественные преграды. Таким образом, подобное сочетание особенностей рельефа с фортификационными сооружениями являлось характерным исключительно для северо-восточного участка Среднего Поосколья. В Валуйской округе Большой Валуйский (Горний) лес подступал к городу с севера и не мог служить преградой на пути продвижения татарских отрядов.

Таким образом, территория Среднего Поосколья в процессе вхождения в единую оборонительную систему южного порубежья государства прошла ряд специфических периодов. Для первой четверти XVII в. характерным являлось стремление правительства укрепиться на стратегически важных участках Поля для контроля над основными водными артериями – Оскола и Северского Донца. При этом Валуйки, единственный город региона вплоть до 1630-х гг., выполнял функции не только форпоста на пути продвижения кочевников в глубь государства, но и являлся базой для станичной и сторожевой службы, выдвинувшейся в это период глубже в Поле. Отсутствие в регионе других поселений повлияло на характер оборонительных сооружений первой валуйской крепости. Возведенная в виде детинца с тремя линиями обороны, она также являла собою символ распространения государственной власти на достаточно отдаленный участок порубежья.

С выходом государства из Смуты и укреплением внешнеполитических позиций, началось оборонительное строительство, затронувшее северную и центральную части региона. На это время приходится изменение характера оборонительных сооружений, возводившихся по упрощенной схеме. На наш взгляд, это стало возможным ввиду частичного освоения Поосколья служилыми людьми Валоек. В этом же ключе правительство действовало и при возведении полевых крепостей, что непосредственным образом указывает на уровень хозяйственного развития региона.

Со второй половины XVII в. южная часть Среднего Поосколья также оказывается включенной в оборонительное строительство. Особенностью данного участка являлись медленные темпы заселения, ввиду постоянной близости татарских кочевий. Для нижнего течения р. Оскол наиболее оправданными оказались небольшие стоялые острожки, для обороны которых не требовался значительный гарнизон.

Включение территории Поля в состав Российского государства проходило путем выдвижения вглубь порубежья укрепленных населенных пунктов. Последние возводились правительством на наиболее опасных участках границы. Укрепив основные пути продвижения татар в центральные уезды путем строительства Курска, Белгорода, Воронежа и Оскола, правительство принимает решение о дальнейшем продвижении к югу. Для этого Среднее Поосколье оказалось наиболее удобным, о чем свидетельствует как существование в устье р. Казинка общероссийской сторожи, так и возведение в 1599 г. Валук – города-крепости, превратившейся уже к началу XVII в. в форпост Российского государства на южном порубежье.

Фортификационные сооружения Среднего Поосколья представляли собой комплексы земляных и деревянных конструкций, возведенных с учетом особенностей рельефа. В плане укрепления стационарными оборонительными рубежами, регион не был однородным. В северной его части, на перекрещении ответвлений сакм, преобладали земляные валы, стоялые остроги и засеки. Валуйская округа укреплялась полевыми крепостями и засеками. Южная часть региона, заселявшаяся несколько позже, застраивалась стоялыми острогами и специальными устройствами для перекрытия переправ через р. Оскол. На выбор характера фортификационных сооружений на каждом отдельном участке влияли как характер местности и

наличие строительного материала, так и активность татарских отрядов, близость соседних городов-крепостей, засечных черт и т.д. От использования тех или иных видов оборонительных крепостей зависела не только тактика отражения неприятельских атак, но и направление внутренних колонизационных потоков.

ГЛАВА 4. ГОРОДА-КРЕПОСТИ КАК ОСНОВА ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПООСКОЛЬЯ

4.1. Организация и функционирование станичной и сторожевой службы.

Первые десятилетия XVII в. являются одним из наиболее сложных и противоречивых этапов истории Российского государства. Это время не только династического кризиса, голода 1601–1603 гг., но и дестабилизации внутри- и внешнеполитического положения России, период активного вмешательства в ее внутренние дела иностранных держав и их прямой военной интервенцией.

Состояние обороны южных границ России полностью зависело от экономического и политического развития страны и, следовательно, целиком соотносилось с этапами Смуты. С 1610-х гг. города на Поле находились, практически, в открытом военном противостоянии с Речью Посполитой. В 1611 г. «приидоша на Украйны черкасы многие люди и многие грады украинские и места повоеваху» [65, т.14, с. 116]. В следующем, 1612 г., казацкие отряды опустошили Курский уезд, разорили посад и острог Курска. В том же году лубенский урядник С. Лыко сжег Белгород [387, с. 117]. На 1612 г. приходится оставление российскими войсками самой южной крепости – Цареборисова, выдвинутой далеко вглубь Поля в начале XVII в. [412, с. 90] Артиллерия города была перевезена в Белгород, а служилое население (стрельцы и городовые казаки) – переведено в 1615–1616 гг. в Валуйки [412, с. 91]. Последующие годы для государства оказались не менее кризисными – в 1613 г. отрядом И. М. Заруцкого разорены и сожжены Епифань, Крапивна, Лебедянь, Дедилов; «литовские люди» разорили Болхов и Белев, сожгли Путивль [371, с. 67]. В 1617 г. польским отрядом сожжен Оскол и разорен Оскольский уезд. По подсчетам А. И. Папкова, население уезда понесло потери в размерах не менее 458 человек [387, с. 121-122, 124]. В 1618 г. П. Конашевичем-Сагайдачным уничтожены города Ливны, Елец, Данков, Сапожок, Ряжск, Шацк и Михайлов. Однако эти набеги не вызвали ответных

мер. С 1606 по 1612 г. «Украинный разряд» бездействовал, а численность Большого полка, при возобновлении полковой службы с 1613 г., не превышала 1649 человек [371, с. 66-67]. И только «Книга сеунчей 1613–1619 гг.» изображает южнорусский регион в состоянии непрерывной войны с поляками, «литовскими людьми» и черкасами [36].

Противостояние южнорусских уездов и городов с крымскими и ногайскими татарами являлось не менее тяжелым. А. А. Новосельский учащение нападений татарских отрядов на пограничье в 1607 г. связывает с летней кампанией В. Шуйского против войск И. Болотникова [371, с. 67]. Используя татар в качестве союзников, В. Шуйский расправлялся с «изменной Украиной»: «по повелению царя Василия татарам и черемисе велено украинских и северских городов уездов всяких людей воевать и в полон иметь. И животы их грабить за их измену» [29, т. 22, с. 56]. В 1613 г. рязанцы писали в челобитной, что «как земля соединилась ... иные татаровя у нас живут без выходу»⁷⁸ [220, л. 122-123]. Несомненно, такое положение дел оказалось возможным благодаря непродуманной политике правительства, приведшей к полному уничтожению обороноспособности государства.

Косвенным свидетельством катастрофического состояния станичной и сторожевой службы в обозначенное время служит запись летописца за 1616 г.: «Придоша Ногайские люди войною в Московское государство и воеваша многие Украинные города. И перелезя за Оку реку, и воеваша Коломенские и Серпуховские и Боровские места и придоша под Москву в Домодеденскую волость и многих людей в полон поимаша» [29, т. 14, с. 134]. В том же году «по крымским вестям велено быть воеводам для береженья, по воротам [Москвы]» [70, с. 291]. Как видим, татарские отряды не только разоряли пограничные уезды, но и вплотную подходили к столице. В подобном положении государство не оказывалось с 1592 г. [319, с. 163] На наш взгляд, причину столь масштабного «татарского прихода» стоит искать не столько в ослаблении военной силы страны, сколько в полном уничтожении всей структуры станичной и сторожевой службы, опиравшейся

на южнорусские города. Эта служба не столько препятствовала проникновению неприятельских отрядов вглубь страны, сколько создавала возможность вовремя реагировать на их появление. Разорение южнорусских городов поставило под угрозу центральные и северные регионы государства⁷⁹.

Таким образом, ключевые звенья оборонительных (засечных) черт – города, в своем большинстве были либо разрушены, либо сильно опустошены постоянными войнами, голодом, эпидемиями. По всей видимости, мероприятия по охране границ продолжали проводиться и далее, однако служба велась неудовлетворительно. Последний документ, упоминающий денежную раздачу белгородским и оскольским станичникам, датируется примерно последним годом правления Бориса Годунова – зима 1604/1605 г. Упоминание относится к 1630/31 г. и связано с выдачей жалованья валуйским станичникам, которое выдавалось по раздаточным книгам Белгорода и Оскола, найденным в архиве Разряда после «московского разоренья»⁸⁰ [121, л. 326]. В том же 1630/31 г. выдача жалованья валуйчанам справлялась по раздаточным книгам Белгорода и Оскола 1613/14 г. Таким образом, практически все первое десятилетие XVII в. служба по охране южных рубежей если и продолжала функционировать, то без должного денежного обеспечения.

Состояние станичной службы в южнорусских городах в годы Смуты косвенно отражено в писцовой книге Белгорода 1626 г. В. Керекрейского⁸¹. Из документа мы видим, что станичники, набранные при Борисе Годунове и устроенные землями на пригородных землях и в уезде, в период с 1599 по 1626 г. теряют часть своих земельных владений [366, с. 74]. По писцовому обыску оказалось, что на станичных наделах испомещены стрельцы и волжские атаманы [366, с. 74]. Сенные покосы белгородских станичников в это же время отданы под государеву оброчную слободу и под поместье беломестным казакам [366, с. 75]. Примечательно, что поместные наделы станичные атаманы, ездоки и вожи, по всей видимости, оставляли сами и

переходили на другие, более удобные или «сильные» в хозяйственном отношении земли. Заимки станичников находились от Белгорода на расстоянии нескольких десятков километров как по Севрскому Донцу, так и в западной части уезда на р. Ворскле. Можно предположить, что это вело к расстройству системы обеспечения станичников именно в период Смуты первой четверти XVII в. Из челобитной оскольского казака П. Подкопаева от 1621 г. видим, что станичная служба в городе начала восстанавливаться только после «литовского разоренья» 1617 г.⁸²

Выход государства из затяжного политического и экономического кризиса являлся возможным только при условии восстановления безопасности, по крайней мере, центральных уездов⁸³. В период Смуты практически все маршруты продвижения татарских отрядов оказались вне контроля вооруженных сил России. А. А. Новосельский перечисляет татарские силы, участвовавшие в нападениях на Русь: крымские и азовские татары, Большие и Малые ногаи, татары Кантемирова улуса [371, с. 79]. Для каждой из названных орд существовал наиболее удобный путь для походов. Помимо старинных дорог, проложенных еще со времен Киевской Руси и татаро-монгольского нашествия, для набегов стали использоваться новые маршруты. Так, крымские татары пользовались старым Изюмским шляхом («царев путь»), Большие ногаи – Ногайским шляхом, Малые ногаи – новопроложенным Кальмиусским шляхом (сакмой).

Поосколье, в начале XVII в. включавшее военную зону Цареборисова, Валук и Оскольский уезд, оказалось «зажатым» между двумя крупнейшими татарскими дорогами – Изюмской и Кальмиусской. Отсюда мы видим и те особенности в заселении и развитии региона, которые непосредственным образом сказывались на обороноспособности всего южного порубежья. Возможность прохода неприятельских отрядов в пределах одного региона и, как следствие, концентрация сил для прорыва в центральные уезды, несомненно, делали территорию Среднего Поосколья важным звеном в построении всей системы государственной обороны. Предшествующий опыт

в борьбе с татарскими и черкасскими отрядами основывался исключительно на успешных и хорошо продуманных разведывательных мероприятиях. Время с 1618 г. по 1630 г. А. А. Новосельский называет «периодом затишья на южных границах Московского государства» [371, с. 150]. Набеги татарских отрядов носили частный характер и не имели масштабов «разорения» периода Смуты. Однако даже в этот период Среднее Поосколье являлось одним из наиболее опасных регионов с точки зрения прорыва крымских татар и ногайцев в центр государства.

Заклучив мир с Речью Посполитой и Крымским ханством, Российское государство концентрирует внимание на восстановлении обороноспособности южных регионов. Именно в это время правительство занимается назревшим вопросом реформирования станичной и сторожевой службы. В марте 1623 г. в города на Поле, вместе с разрядными росписями сторож, был разослан новый устав, касающийся реорганизации станичной и сторожевой службы⁸⁴ [266, с. 40]. Во многом повторяя боярский приговор 1571 г., новый устав, в частности, содержал изменения, касаемо времени отправки станиц в разъезды – посылка в Поле начиналась с 25 марта после обязательного воеводского смотра [266, с. 40]. Во время смотра станичники разделялись на две «половины»: первая посылалась в разъезд с 25 марта по август, а вторая – с 1 августа до 15 ноября. Контроль за деятельностью станиц возлагался на воеводу. Последний, при отправке разъезда, вручал атаману наказную память с воеводской печатью. Такого рода документ служил доказательством неукоснительного исполнения станичниками своих обязанностей – наказная память оставлялась в условленном месте и заменялась на доезжую память, оставленную предыдущим отрядом. После строительства в 1637 г. города Усерда, валуйские станичники, досматривавшие эту территорию, привозили наказные памяти уже с печатью усердского воеводы и с указанием точной даты, когда память доставлялась в город [131, л. 257-258].

При обнаружении сакмы станица продолжала следовать маршруту, однако в город посылались 2-3 человека для сообщения воеводе⁸⁵. При получении информации об обнаружении воинского отряда и подробном расспросе станичников, воевода ссылался с ближайшими городами и с Москвой.

Следующее и наиболее важное в качественном отношении изменение касалось состава станиц: в нее входил сын боярский, атаман, 6 ездовых и по 2 вожа, выполнявших функции провожатых в условиях незнакомой местности. В зависимости от специфики социального состава города, округа или уезда, состав станиц варьировался в ту или иную сторону.

До составления «Устава...» станичной и сторожевой службы в 1623 г. порубежные территории, не имеющие стационарных поселений, контролировались станичными разъездами, набранными из детей боярских центральных уездов государства [см.: 366, с.72]. Состав сторож набирался из местных служилых людей, охранявших подступы к городу со стороны наиболее опасных участков Поля. С началом городского строительства последних десятилетий XVI в., часть территории Поля в бассейне Северского Донца подпадает под контроль станиц, сформированных уже из служилых людей Белгорода и Оскола. Однако станичные разъезды из упоминаемых городов не охватывали территорию Поосколья. С одной стороны, данный регион должен был контролироваться военными силами Валуйской крепости, т.к. находился на пути крупнейших татарских сакм и просто не мог оказаться вне поля зрения правительства. С другой, что очевидно из сохранившихся источников, станичная служба в этом городе создана только в 1625/26 г. из представителей местных служилых корпораций. Названные региональные условия стали причиной формирования станичной и сторожевой службы в Валуйках именно в том виде и с теми особенностями, которые будут отличать Среднее Поосколье от других, сходных в геополитическом положении, южнорусских регионов.

Примечательно, что, несмотря на важность региона в общем построении обороны государства, станицы в Валуйках не были созданы сразу

после рассылки в города из Разряда списков станичного устава 1623 г. Причину этого, на наш взгляд, следует искать в особенностях социальной структуры Среднего Поосколья. Во всех городах для станичной службы из среды преимущественно местных служилых людей отбирались наиболее достойные – имеющие достаток, знающие военное дело и местность: «которые люди были б конны, и собою молоды, и резвы, и просужи» [1, с. 52]. Еще по приговору боярина Н. Р. Юрьева и дьяка В. Щелкалова 1580 г. в станичники начали назначать из числа детей боярских «в станичные головы ... с больших статей с 400 и с 500 четей, в которым бы людям в таком великом деле – в станичных доездах верити, чтоб они до урочищ по наказам доезжали и не лгали» [1, с. 52]. Рядовые станичники набирались исходя из оклада от 100 до 300 четей. Служилым людям, чей оклад не доходил до 100 четей, служить в станицах запрещалось «чтоб станичной службе в худых ездохех порухи не было» [1, с. 52]. Как видим, важность службы напрямую сказывалась на качественном составе станиц.

Несколько иначе обстояло дело в Среднем Поосколье. Одной из особенностей, как города Валук, так и Валуйской округи и позже уезда, являлось отсутствие детей боярских – низшей категории служилых людей «по отечеству». Масштабное строительство новых городов на южных рубежах государства в последнее десятилетие XVI в. поставило правительство перед необходимостью набора в станицы местных служилых людей из более низших разрядов или путем привлечения сведенцев. В феврале 1625 г. воронежским воеводам И. В. Волынскому и С. В. Усову из Разряда прислана грамота об объявлении набора 50 человек в валуйские станицы: «и которые похотят на Волуйку ... и тех людей ... отпустили з женами и с детьми, и со всякими их животы тотчас..» [255, лл. 4-4об.]. Набор предполагался добровольным из «детей боярских ... и поместных атаманов и казаков» и должен был проводиться посредством чтения указа бирючами на торговой площади [255, л. 1]. Отсутствие источников не позволяет проследить процедуру отбора и отправки служилых людей в другой город⁸⁶.

В результате, правительство отказалось от идеи привлечения к комплектованию станиц в Среднем Поосколье служилых людей других южнорусских городов. Валуйские станицы в дальнейшем набирались уже исключительно из представителей местных служилых корпораций и вольных людей.

Созданием станичной и реформированием сторожевой службы в Валуйках занимался Ф. Сухотин. Набор в станицы начался, по всей видимости, зимой 1624/25 г.⁸⁷ и проводился традиционным способом, описанным выше. Исходя из нового «Устава...» можно предположить, что организационные вопросы предполагалось завершить до середины марта, т.е. до начала полевых работ и до времени отправки разъездов в степь. Всего было набрано 24 атамана и 144 ездока, из которых сформировали 24 проезжие станицы в каждой по 1 атаману и 5 ездоков. Примечательно, что в составе валуйских станиц вожи не предусматривались. По всей видимости, причина этой особенности заключается как в отсутствии нужного количества людей, так и в специфике самого региона – все служилые люди являлись хорошо осведомленными в особенностях местного ландшафта и хорошо знали необходимые маршруты. Для более же северных городов, чьи разъезды отправлялись на значительные расстояния, станичные вожи являлись необходимостью.

Набор в станицы из полковых казаков, конных и пеших стрельцов также был связан с определенными особенностями. Сама по себе станичная служба, несмотря на сложность и постоянный риск, являлась привлекательной для служилого человека ввиду получения большего жалованья, поместного оклада и возможность занять более высокую ступень в служилой иерархии города. Так как набор в станицы проводился по указной грамоте из Разрядного приказа воеводой (подчинявшегося непосредственно Разряду), происходил «отток» людей из одной служилой корпорации в другую. Набор станичников уже к 1627 г. вызвал кризис кадров валуйской стрелецкой и казачей корпорации⁸⁸. В ответ на жалобу валуйского

стрелецкого и казачьего головы Ю. Чуфаровского Разрядный приказ распорядился: «а будет которые станичные атаманы и ездоки померли и побиты, и в полон пойманы или которые стары и увечны, или кто худу государеву службу служит и вместо них на Валуйке набирать ис полковых казаков и стрельцов и пушкарской службы самых добрых и конных людей» [113, л. 9]. Как видим, в данном случае также сказывается отсутствие в округе детей боярских, традиционно несших службу в станичных разъездах. Правительство, видя необходимость создания прочной дозорной службы на пограничье, шло не только на создание новой, более привилегированной категории служилых людей путем набора из различных корпораций, но и на ослабление традиционной стрелецкой и казачьей городской службы. Последняя, в условиях порубежья, по своему значению явно уступала станичной. Однако подобная политика не могла продолжаться долго. Как только позиции государства на южных границах укрепились путем создания Белгородской черты, заселения Чугуевского уезда и т.д., сословные перегородки стали более ощутимыми даже в условиях явной нехватки населения в регионе.

Таким образом, не имея в Среднем Поосколье сформировавшегося «служилого города» и производя набор в станичную службу местного населения, правительство стремилось: 1. Создать в городе прослойку служилых людей – мелких землевладельцев; 2. Ограничить или не допустить в регион представителей крупного землевладения из центральных уездов, думных людей и московских чинов. Можно согласиться с мнением воронежского историка О. В. Скобелкина, что именно эти причины стали определяющими в решении о наборе в служилые люди не только крестьян, бобылей, но и гулящих людей и даже беглых крестьян [402, с. 60]. В дальнейшем мы увидим также примеры перевода в «отечество» представителей «приборных» чинов.

Затрагивая вопрос об источниках наполнения валуйских станиц необходимо обратить внимание на проблему наследственности службы у

данной категории служилых людей. Набирая в станицы на место детей боярских приборных служилых, правительство не только разрешало, но и поощряло наследование детьми служебного места отца или старшего родственника [255, л. 1-2]. Подобные примеры мы видим и в ряде других случаев (Приложение Л). Анализ персональных списков валуйских станичников не позволяет говорить о последовательности и целенаправленности правительства в данном вопросе на первых этапах существования станиц. По всей видимости, здесь большую роль сыграл характер службы – как уже отмечалось, станичники во время разъездов подвергались опасности со стороны неприятельских отрядов. Из окладной книги 1626 г. и десяти денежной раздачи воеводы Н. А. Чоглокова 1628 г. видим: за период с февраля/марта 1626 по февраль/март 1628 г. во всех станицах сменилось 9 атаманов, при этом из них в атаманскую службу вместо отцов в те же станицы было прибрано 6 человек. Весной 1628 г. погибли или попали в плен к татарам 4 станичных атамана и только вместо одного из них прибрали в службу «брата атаманского» – остальные взрослого потомства не оставили. Такая же ситуация и с ездоками: весной 1628 г. из числа всех ездоков 13 человек погибли, попали в плен или ранены и только один оставил службу «за старостью». В данном случае из 14 выбывших ездоков 5 передали службу по наследству сыновьям. В период с 1628 по 1637 г., на него приходится активизация татарских, черкасских набегов и разорение города польскими войсками, персональный состав станиц сменился на 98%.

Непосредственная служба станичников была связана с разъездами по установленным маршрутам. Из десяти денежной раздачи воеводы Н. Чоглокова 1628 г. известны направления трех первых маршрутов валуйских станиц, установленных, вероятно, в 1625/26 г. Первая дорога проходила к Богучару [95, л. 2]. Из КБЧ следует, что «река Богучар вытекла от верху реки Аидара. А сверху тех рек лежит дорога Кальмиуская от Ливен мимо город Оскол и город Волуику к реке к Донцу к усть реки Боровой» [34, с. 83]. От Богучара станица поворачивала к Святым Горам [95, л. 2] и

проезжала к Тору: «А ниже Святых гор, с Крымской стороны, пала в Донец река Тор от Святых Гор верст с 15» [34, с. 75]. По этому маршруту станичники ездили «одвуконь 4 дни и назад тож» [113, л. 56], переезжая Калмиусскую сакму.

Второй маршрут проходил от Валуек, по правому берегу Оскола, до Северского Донца к Савинскому перевозу⁸⁹. На данном участке Северского Донца упоминаемый перевоз был не единственным местом татарской переправы. В записке князя Я. Мансурова от 1682 г., при описании бродов на Северском Донце, рассматриваемая местность названа «Савинские броды» [317, с. 233]. Из этой записки следует, что одним названием «Савинский перевоз» именовались три Савинских брода через реку [317, с. 233-234].

Третий маршрут проходил «в Вязов брод и на Черную Калитву» [95, л. 2], переезжая Калмиусскую сакму «в два дни» [113, л. 56]. В конце XVI в. эта территория упоминается в росписи станичных маршрутов: «сторожа за Доном на Крымской стороне на Тихой Сосне против Вязоваго брода под Терновым лесом; а сторожи на ней 6 человек. Разъезжают на право по Тихой Сосне через Калмиусскую дорогу, которые люди лязят в Вязов и в Каменный брод и до Усерда» [363, с. 128].

Около 1630 г. маршруты валуйских станиц были пересмотрены. Из десяти денежной раздачи 1633 г. И. Байкова следует, что маршрут первой станицы изменился незначительно и пролегал по Осколу, ниже Борисова городища, к Бахтиному Колодезю [99, л. 2], переезжая сакму «по переладам на Осколе» [125, л. 364]. Из отписки валуйского воеводы в 1636 г. видно, что данный маршрут пролегал несколько дальше Бахтина Колодезя – к Каменному броду на Северском Донце [125, л. 364]. Последний находился в 8 верстах от Борисова городища [34, с. 72]. Таким образом, первый станичный маршрут контролировал 3 татарские переправы через Северский Донец и две сакмы – Кальмиусскую и Савинскую. Вторым маршрутом также изменился незначительно – станицы проезжали только до Вязоваго брода на Тихой Сосне [99, л. 2], переезжая Кальмиусскую сакму «верх Богучара» [125, л. 364]. Третий маршрут остался без изменений.

Однако уже в 1638 г. грамотой из Разряда предписывалось те станицы, которые ездили к Борисову городищу и Каменному броду на Северском Донце «посылать более не велено» [125, л. 217]. На сакме, «что от Каменного Броду от Цареборисовской дороги», валуйский воевода М. Квашнин должен был поставить сторожу [125. л. 228].

Новое изменение маршрута станичных разъездов в 1639 г. связано с очередным татарским набегом. 26 апреля, по распоряжению воеводы М. Квашнина, станичники стояли «в сотне» на р. Сазон на Казацком поле для охраны работавших там людей. Однако, послушавшись воеводу, они отправились по своим прежним маршрутам. В это время на Казацком поле татарский отряд убил двоих валуйчан, а 13 пахарей попало в плен. В связи с этим набегом все служилые люди города подали челобитную в Разряд с просьбой пересмотреть маршруты станиц «для береженья от приходу татар». В челобитной записали и предполагаемые новые маршруты. Так, маршрут от города к урочищам между рр. Волчьи Воды и Нежеголь, предполагалось направить через Изюмскую сакму к Северскому Донцу на р. Бурлук и на Мокрую Казинку. Та же станица, которая ездила к Каменному броду и Вязовскому перелазу на Тихой Сосне, должна изменить направление снова в сторону Черной Калитвы [125, л. 230].

Эти соображения, на наш взгляд, соответствовали сложившемуся положению в обороне территории Поля. В 1637 г. на Тихой Сосне основан город Усерд, занявший в военном плане ту территорию, которая частично контролировалась до этого валуйскими станицами. В связи со строительством Усерда частично укрепили и перелазы. Каменный брод, расположенный за версту от нового города, «заставили» стоялым острогом, в воду положили 35 дубовых колод с набитым частичком, а на крымской стороне реки в ямах набили дубовые колья [266, с. 50]. Укрепления Вязовского перелаза «зашли в болота и займищи⁹⁰ на нем великие, и ржавцы⁹¹ большие» [266, с. 51]. По сказке 1643 г. усердских станичных голов и атаманов татары «через перелаз не лазили» [266, с. 51-52].

Усердские станицы, ездившие двумя маршрутами, контролировали часть Кальмиусской сакмы между р. Сосной и Осиновым острогом [166, с. 77]. Первая станица контролировала Кальмиусскую сакму и ее ответвления по ногайской стороне р. Тихой Сосны вплоть до зоны контроля Раздорского и Осинового острогов [14, с. 26]. Первый маршрут заканчивался на Афонькином плесе (брод на р. Оскол) у Жестовых гор – здесь станичники оставляли доезжую память. Вторая станица с Усерда направлялась к месту впадения Тихой Сосны в Дон, переезжала и контролировала Каменный, Черемховый, Городинский, Александровский, Чесношный, Осиновый броды и Вязовский перелаз, оставляя память на «старом городище» у Терновского леса [14, с. 27].

Станичные разъезды из основанного в 1638/39 г. Чугуева взяли под контроль участок Изюмской сакмы от Салтовского до Цареборисовского городища [14, с. 74-75].

В Разряде валуйского воеводу обязали «помыслить со всякими ратными людьми» о вариантах новых маршрутов. В результате направления двух станиц изменили по предложению челобитчиков. Однако в 1641 г. снова видим три валуйские станицы, ездившие к Святым Горам, к р. Мокрой Казинке и на Усерд [98, л. 2]. При этом станичники, ездившие на Усерд, оставались там в вестовщиках [125, л. 229]. Усердский воевода подписывал им доезжие памяти и, при необходимости, мог посылать в другие города «по вестям» [130, л. 274].

Изменения в расписании валуйских станичных маршрутов связаны, в первую очередь, со строительством Белгородской черты и изменением политики государства в освоении и обороне южных рубежей. Оскольские станичники, находившиеся в основанном на черте в 1637 г. Яблонове, начали контролировать территорию от Волчьих Вод до Малинового пристенка, переезжая Изюмскую сакму выше белгородских станичников [130, л. 48]. В 1639 г. в Яблонове «устроены» белгородские станичники, ездившие до Борисова городища и к Волчьим Водам на Изюмскую сакму [130, л. 230]. Оскольские станичники, ездившие с Усерда, контролировали территорию по

Тихой Сосне до впадения ее в Дон [130, лл. 239-240]. Также значительное влияние на расписание маршрутов имели татарские «приходы». Воеводам пограничных городов разрешалось самим, списавшись с Разрядом, определять приоритетные направления разъездов для наиболее эффективной обороны округа, разведки территории Поля и своевременного оповещения «украинных» городов о татарских набегах.

Организация пограничной службы во второй половине XVII в. существенных изменений не имела. С позиции, что с середины века «служба сторож и станиц изживает саму себя», выступал В. П. Загоровский [311, с. 8-9]. Автор считал, что с обозначенного времени оборона границы государства становится прерогативой исключительно комплексов оборонительных сооружений – засечных черт. Однако, на наш взгляд, с началом строительства Белгородской засечной черты вся тяжесть в организации обороны пограничья автоматически перекладывается с полков, традиционно выдвигавшихся на Оку, на гарнизоны городов на Поле. При этом на количественном, качественном составе станиц, на их поместном и материальном обеспечении это никак не отразилось. Среднее Поосколье, не вошедшее «в черту», никакого облегчения, связываемого рядом авторов с оборонительным строительством 30-х-40-х гг., не получило. Единственным, на наш взгляд, рациональным соображением в процессе укрепления рубежей, касаясь изучаемого региона, стала переориентация отдельных станичных маршрутов.

В период с середины 1630-х по конец 1640-х гг. (от завершения Смоленской войны до начала войны под руководством Б. Хмельницкого), станичная и сторожевая служба получает переориентацию, связанную с увеличением нападений на южнорусские уезды черкасских отрядов. По мнению А. И. Папкина, в обозначенный период московское правительство принимает ряд действенных мер по борьбе не только с татарами, но и с черкасами [386, с. 11]. Основной упор делается на возведение стоялых острожков, выполнявших функции стационарной системы оповещения [386, с. 12]. По всей видимости, черкасские отряды оказались более опасными, чем

татары и ногайцы. Последние, проникая в южные и центральные уезды, по возможности избегали нападения на села, слободы и города. Их цель сводилась к захвату «людского полону» и «животинных стад». Черкасские же отряды действовали в степи, нападая на посольства, станицы, промысловые ватаги.

Во второй половине XVII в. незначительно изменились маршруты станичных разъездов, посылавшихся из Валуек. С 1660 г. больше не отправлялась станица к Цареборисову, с начала 1670-х гг. второй маршрут от Бурлуков сворачивал к Двуречной слободе. По всей видимости, изменения связаны с заселением края – в 1656 г. заново отстроен Цареборисов, в начале 1670-х гг. территория по рр. Бурлук, Хотомля и далее к югу подпадала под контроль казаков Балаклейского полка⁹². В апреле 1673 г. Балаклейский полковник Я. Черниговец сообщал в Чугуев: «Стою с своим полком на Осколе, на бродах. Посылал я казаков своих на долину Шабалину на шлях, и они нашли сакму свежую» [430, с. 256]. В 1675 г. он же досматривал «против татар» сакмы до самых Валуек⁹³.

К 1675 г. количество валуйских станиц сокращается до 23 при общей численности атаманов и ездоков 135 человек. В 1688 г. число станиц увеличилось до 30, в 1697 г. – до 36 [434, с. 341]. По всей видимости, это связано с возросшей ролью станиц в донских посылках в связи с Крымскими походами В. В. Голицына и Азовскими походами Петра I.

Географическое положение региона, через который проходили основные дороги из Москвы в Крым и к донским казакам, непосредственным образом повлияло на возникновение одной из служб, для которой использовались валуйские станичники – донские посылки. Станичники, сопровождавшие посланников, в источниках именуется «вожами». Использование вожей из станичников для «провожданья» московских, крымских послов и донских казаков не случайно. Ведь именно этот род службы предполагал исключительное знание местности. Первое упоминание о сопровождении валуйскими вожами «от города к городу» донского атамана И. Бедрищева и казака И. Назарова относится к 1614 г. [76, т. 18. с. 30] Для

сопровождения московского жильца и посла И. Порошина в 1629 г. [113, л. 26] валуйский воевода Н. Чоглоков выделил 2 станицы из 12 человек [113, лл. 26-27]⁸⁶. В качестве вестовщиков в 1655 г. на Дон посылались атаман Ф. Рябинин, ездоки И. Алексеев и Ф. Бутов [76, т. 34, с. 1-3]. В 1679 г. крымское посольство стольника Б. Пазухина из Валуйки сопровождал отряд из 30 стрельцов и полковых казаков под предводительством вожа К. Захарского, передавших послов на р. Ураевой отряду из 200 казаков полковника Г. Донца [280, с. 11-13]. Сам вож проследовал с Б. Пазухиным вплоть до Крыма [280, с. 14]⁸⁹. За сопровождение послов станичники получали дополнительное денежное жалование.

Атаманы и ездоки использовались также для вестовой службы: «да они ж станичники ездят летом и зимою в Белгород и Куреск и до полков с отписки» [29, т.9. с. 1681]. Так, например, в 1675 г. станица Д. Некрылова использовалась для переписки валуйского воеводы Е. Зиновьева с белгородским воеводой Г. Ромодановским [9, с. 162].

Со второй половины XVII в. станичников стали использовать для городских служб, которые также были связаны с посылками: «Да в городе стоят станичников летом и зимою по шти ж человек, для розъезду и скорых посылок, по вестям воинским людей и по досмотру по крепостям, и по отъезжим сторожам и короулам» [29, т. 9. с. 1681].

Для выжигания травы в Поле также использовались станичные разъезды. Время и место поджога степи определялось Разрядным приказом, однако сам процесс координировался воеводой исходя из местных условий. В 1647 г. две проезжие валуйские станицы жгли траву в двух направлениях – за Осколом на Изюмской и Савинской сакмах возле одноименных перелазов через Северский Донец и две станицы в направлении Богучара и Айдара [14, с. 42].

Сторожевая служба, в историографии неразрывно связываемая со станичной, являлась достаточно самостоятельным видом пограничной службы, несмотря на то, что основные ее положения регламентировались теми же боярскими приговорами и уставами. Взаимодействия этих двух

видов пограничных служб прослеживаются на уровне обмена информацией при угрозе нападения неприятельского отряда. В вопросах, касаемо комплектации и расположения стационарных наблюдательных пунктов, мы видим явные различия.

Со второй половины XVI в., когда из центральных уездов сторожи выставлялись далеко в глубь Поля, их взаимодействие со станицами являлось необходимостью, поскольку мобильные станичные разъезды выполняли роль информаторов. После строительства Белгорода, Оскола и Валук, станичные разъезды, посылаемые из этих городов, информацию отправляли уже непосредственно воеводе. Сторожи с начала XVII в. существуют уже в качестве наблюдательных пунктов в пределах округи или уезда и лишь незначительная их часть (т.н. дальние сторожи) отправлялась за пределы региона, однако не далее чем на 30 км (на примере Поосколья).

Сторожевая служба, так же как и станичная, в годы Смуты оказалась либо полностью разрушенной, либо расстроенной настолько, что не играла решительно никакой роли в обороне границ.

В 1623 г. Разрядом назначено 16 городов выставлявших в общей сложности 183 ближних и дальних сторож⁹⁴. Территория Поосколья контролировалась сторожами из Валук, Оскола и частью из Белгорода.

Из Валук изначально выставлялось 8 ближних и 2 дальние сторожи. Роспись воеводы Н. Чоглокова 1630 г. полностью соответствует изначальной схеме расстановки сторожевых постов 1623 г.⁹⁵

Валуийские сторожи располагались вокруг города, но не далее 20 верст. Тезис И. Д. Беляева о том, что расположение стационарных наблюдательных пунктов «за городом» (т.е. в сторону) сводил их значение к минимуму [266, с. 37-40], на наш взгляд, не достаточно обоснован. Сторожи располагались в округе на наиболее опасных участках – на крупных дорогах, участках между лесом и оборонительными сооружениями. Следует также иметь ввиду, что с восточной и западной стороны регион охватывался Изюмской и Кальмиусской сакмами. Расположение Валук на своеобразном выступе, когда до ближайшего города расстояния равняются не менее 100 км,

создавало опасность обхода татарскими отрядами пригородных оборонительных сооружений и проникновению вглубь соседних уездов. Даже строительство Белгородской черты полностью не решило данную проблему – Среднее Поосколье продолжало находиться выдвинутым к югу от основных пограничных рубежей.

В 1640 г. выставлялась «девятая сторожа за р. Осколом в Праворотье, конец атаманских и стрелецких поль, от города до той сторожи семь верст» [266, с. 41]. На ней дежурило круглосуточно на протяжении лета по 4 человека⁹⁶.

Ремонт обветшалых пригородных и полевых укреплений в Среднем Поосколье в 1645-47 гг. позволил сократить 1,2,6,7,8 и 9 сторожи (на Созоне, на курганах за Валуем и в Праворотье). Строительство во второй половине XVII в. «черкасских городков», острогов и слобод по Осколу несколько ослабило натиск татар. До конца века Валуйки выставляли 4 сторожевых поста⁹⁹. К началу XVIII в. количество сторож сократилось до трех.

Северо-восточная часть рассматриваемого региона подпадала под контроль усердских сторож. Большая их часть сосредотачивались преимущественно в непосредственной близости от города⁹⁷.

Две сторожи устраивались таким образом, чтобы предупредить проникновение под город татарских отрядов, выходящих из войны. Подобным образом организовывались и некоторые валуйские сторожи. На наш взгляд, данная мера предпринималась исключительно ввиду расположения городов на пересечении основных сакм и их ответвлений. Так, например, чугуевские сторожи, контролировали лишь продвижение неприятеля «в Русь».

Таким образом, важность Среднего Поосколья как в построении всей обороны южных рубежей государства, так и в продвижении границ вглубь территории Поля, способствовало постоянному вниманию правительства к данному региону. Неслучайно именно Валуйки с 1625/26 г. становятся, вместе с Белгородом, центром станичной и сторожевой службы, под контроль которой попадает огромная территория. Основные функции станичных

разъездов сводились к разведыванию территорий, подпадавших под военное влияние города-крепости, своевременному оповещению соседних городов о появлении неприятельских отрядов, ликвидации небольших татарских отрядов, прорывавшихся в пригородную округу для грабежа. Активное использование станичников в качестве вожей для сопровождения посольств, прямо указывает не только на значимость данного вида пограничной службы, но и на особое положение станичных атаманов и ездоков в социальной структуре южнорусского города-крепости.

Сторожевая служба, дополнявшая станичную, играла значительную роль до начала масштабного оборонительного строительства середины XVII в. С возведением Белгородской и Новой засечных черт сторожи стали частью пригородных городских укреплений, утратив, таким образом, общероссийское значение.

Станичная и сторожевая служба в Среднем Поосколье, просуществовав вплоть до начала XVIII в., сыграла важную роль не только в обороне южных рубежей государства, но и в хозяйственном освоении Поля и включении отдельных регионов в общегосударственные границы.

4.2. Среднее Поосколье в реализации правительственной политики борьбы с татарами.

Геополитическое положение Среднего Поосколья, оказавшегося не только в качестве региона-форпоста на южных рубежах государства, но и расположенного на основных маршрутах татарских вторжений в центральные уезды, на протяжении XVI – первой половины XVII в. предопределяло его участие в постоянных столкновениях с кочевниками.

Несмотря на то, что о набегах крымских татар и более мелких кочевых орд (вассальных Крыму) известно достаточно много, исследованы они неоднородно как в географическом, так и в хронологическом плане. В настоящее время не существует даже полного реестра татарских набегов на южное порубежье Российского государство, хотя в историографии данный вопрос поднимался неоднократно [300]. Изучение татарских «приходов» на конкретных примерах в географических и хронологических рамках

рассматриваемого региона позволяет прояснить вопросы, связанные с организацией набегов, их причинами и мотивацией, влиянием на хозяйственное и социально-демографическое развитие Поосколья. В зависимости от характера неприятельских нападений зависела и система проведения оборонительных мероприятий, организация населения региона на отражение набегов.

Само понятие «татарский набег», традиционно используемое в историографии, унаследовано со времен древнерусского летописания и русского приказного делопроизводства XVI–XVII вв. [297, с. 206] Большинство исследователей воинскую деятельность крымских татар по отношению к южнорусским уездам рассматривали как бесконечный поток «приходов» однотипного, грабительского характера [363, 311]. Проблема направленности и характера татарских вторжений представлена двумя позициями – востоковеда В. Д. Смирнова и историка А. А. Новосельского. Первый исследователь набегу рассматривал как проявление стремления Турции к влиянию в Восточной Европе [407, с. 267]. А. А. Новосельский считал, что основной целью татарских отрядов являлся грабеж материальных ценностей, прежде всего ясыря – живого товара. В политическом отношении данные акции имели второстепенное отношение [371, с. 28, 416].

На наш взгляд, под общим понятием «татарский набег» следует искать явления достаточно разноплановые по своему содержанию и происхождению. В целом, воинские акции против южнорусского населения Среднего Поосколья можно свести к следующим положениям: 1) походы крымских ханов (в связи с политикой Османской Порты); 2.) нападение на поселения и отдельных людей небольших отрядов с целью грабежа [86, с. 215-216]; 3) нападение орд, не имеющих четких границ кочевий; 4) «местные» столкновения южнорусского населения с татарами, входящими в состав посольств или пришедшими на посольскую размену, проводившуюся на территории региона.

Направления основных путей вторжения татарских отрядов в пределы Российского государства в районе Среднего Поосколья проходили по

нескольким крупным сакмам (Изюмская, Кальмиусская, Савинская) и их ответвлениям. Сакмы проходили по возвышенностям, либо по водоразделам крупных рек. В пределах южнорусского пограничья они распадались на множество мелких дорог, под которые использовались русла глубоких оврагов и балок. Тем самым, отряд мог подойти к населенному пункту незаметно, не оставляя видимых следов в степи. Подобная тактика отчетливо просматривается на примере Поосколья: к Валуйкам, Усерду и пригородным слободам кочевники зачастую подходили из Проломных оврагов. Мнение В.П. Загоровского о том, что татары избегали переправ через водные объекты, переходов через лес и заболоченные места, на наш взгляд, не соответствует действительности. Станичники встречают татарские стоянки в лесу на Тихой Сосне и на опушке Большого Полатовского леса. Отписки воевод фиксируют случаи появления кочевников со стороны р. Козинки, оба берега которой заболочены. Таким образом, татары избирали наиболее удобные способы для выслеживания и захвата полону и отгона скота.

Столкновения с татарами, как правило, происходили рядом с городской крепостью или полевыми крепостями, на пригородных полях в округе либо на отдаленных займищах. Бои на значительном расстоянии от города случались на бродах, перелазах и крупных сакмах, в основном, при возвращении татар из похода с полоном и скотом. «Сходки» служилых людей с татарскими отрядами могли быть как кратковременными, так и продолжавшимися более суток. Зачастую бой заканчивался разгромом неприятельского отряда и освобождением захваченной при набеге добычи. Однако, известны случаи, когда служилые люди порубежных регионов терпели поражения и сами становились добычей степняков. При нападении на кош служилые люди обычно захватывали богатые трофеи⁹⁸. «Языков», после допроса в съезжей избе, обычно отправляли в Москву. При этом доказательством победы считались привезенные тела убитых татар, отрезанные головы или уши.

Учитывая то, что Россия находилась в фактически непрерывной войне с татарами, можно выделить отдельные периоды, характерные как для исследуемого региона, так и для государства в целом. Характер нападений, состав отрядов кочевников, пути продвижения и методы борьбы пограничных городов-крепостей с неприятелем в каждом отдельном случае имели свои особенности, обусловленные как внешнеполитическим курсом России, общим состоянием обороны пограничья, так и природно-климатическим фактором.

Первый период охватывает время с начала XVII в. до 1618 г., т.е. до фактического выхода государства из Смуты. При этом прямых известий о татарских «приходах» в обозначенное время в Среднее Поосколье нет. Однако, общая военно-политическая ситуация в государстве не оставляет сомнений, что территория рассматриваемого региона становится ареной напряженной борьбы южнорусского населения с кочевниками. Ввиду нарушения связей периферии с Москвой, основная тяжесть борьбы с внешним врагом ложится непосредственно на плечи гарнизонов южнорусских городов-крепостей. Сведения о продвижении татарских отрядов в центральные уезды по Изюмской сакме, а значит непосредственно по территории Поосколья, известны с 1609 г. Разорив значительное количество подмосковных городов, татарское войско под руководством калги Джанибек Гирея, медленно отходило к югу, уничтожая села и увозя в плен население [22, с. 30-52]. В 1611 г. крымские татары и ногайцы опустошали Алексинский, Тарусский, Лихвинский уезды и Рязанскую землю, что явилось возможным только ввиду полной недееспособности южнорусских оборонительных комплексов и разрушения станичной и сторожевой службы⁹⁹. В 1614–1615 гг. кочевники «воевали» Курск, Рыльск, Брянск, Карачев и другие города [371, с. 76-77]. В татарских «приходах» 1607–1614 гг. во главе войска мы видим представителей рода Гиреев, что прямо указывает на спланированную политическую акцию, связанную с разорением ослабленного государства. По всей видимости, имела место договоренность

Крымского ханства с Речью Посполитой во время боевых действий под Смоленском и Москвой. В этот период передвижение татарских отрядов осуществлялось в основном через территорию Поосколья по Изюмской и Кальмиусской сакмам.

В 1615 г. татары и ногайцы начали нападения на Русь небольшими самостоятельными отрядами, продвигаясь в центр государства по той же Изюмской сакме [220, л. 308-309]. Возобновление военного противостояния Турции и Речи Посполитой в 1617 г. привело к оттоку основных сил татар и ногаев от южнорусского порубежья на Правобережье Днепра¹⁰⁰ [307, с. 45; 371, с. 86]. Переориентация Крымского ханства на войну с Речью Посполитой и требование Турции участия Крыма в войне с персидским шахом на некоторое время обезопасили юг России от татарских нападений крупными силами. «Приходы» на порубежье совершались лишь небольшими отрядами ногайцев¹⁰¹. При этом столкновения служилых людей с татарами происходили «в степи» вне границ уездов [266, с. 55].

Затянувшееся противостояние Турции с Речью Посполитой позволило Российскому государству несколько укрепить свои позиции на порубежье. Оборона Среднего Поосколья усилилась за счет возобновления крепостных сооружений Валоек, строительства полевых укреплений в 1617/18 г. и усилению патрулирования степи ввиду проведенной в 1623 г. реформы станичной и сторожевой службы¹⁰². Благодаря этим факторам следующий период, охватывающий 1620-е гг., стал одним из наиболее спокойных в борьбе с татарами. До 1626 г. самостоятельные отряды действовали только в Болховском, Курском и Белгородском уездах¹⁰³, выбирая для продвижения вглубь южнорусских уездов и обратно Муравскую сакму и ее ответвления [371, с. 151-152]. Среднее Поосколье, как таковое, использовалось для перехода татар с одной сакмы на другую¹⁰⁴.

Нападения 1627 г. представляли собой «приходы» на протяжении всего лета со всех известных сакм. Самое раннее упоминание о татарах в Среднем Поосколье относится к 27 апреля – валуйские станичники обнаружили сакму, а позднее и отряд в 20 всадников, на р. Тихая Сосна [191, л. 82]. 3 мая 40

татар совершили набег под Валуйки, захватив в плен несколько человек работавших в поле и отогнав 10 лошадей [191, л. 91]. В тот же день валуйский стрелец И. Бочарников, стоявший в заставе на р. Оскол, сообщил о появлении «на крымской стороне на Белгородской дороге» татарского отряда [204, лл. 18–19, 22–28, 253–254]. За несколько дней до этого станица атамана М. Немого, возвращавшаяся от Савинского перелаза, обнаружила татар и вступила с ним в бой. В результате три станичника погибли, а упомянутый атаман и ездок В. Звягинов попали в плен [204, л. 19]. Как видим, татары не стремились прорваться вглубь центральных уездов и набеги совершали незначительными силами. Подобная тактика «прихода изгоном» в это же время использовалась татарами и на других участках порубежья [371, с. 155-156]. 24 мая попавший в плен к белгородским станичникам раненый татарин рассказал, что «пошло де было татар с тысячу и больше в литовскую землю, и они де в литовскую землю не пошли, потому что воды велики по рекам, а пошли де они в Русь Изюмским шляхом в места и урочища» [1, с. 208-209].

С начала июля татары отрядами в 1000 человек начали движение по Кальмиусской и Изюмской сакмам [1, с. 215]. Еще один попавший в плен к белгородским служилым людям татарин сообщил, что их отряд в 86 всадников принадлежал к Казыеву улусу и только на подходе к Северскому Донцу к ним примкнул отряд азовских татар. Перейдя Донец, они разделились на два отряда – первый направился в Белгородский уезд, а второй – занялся грабежом в Поосколье [1, с. 210-212]. 7 июля степняки напали на валуйчан (200 человек) косивших сено на р. Полатовке в Валуйской округе [191, л. 207-208]. Разорив станы косарей и пасеки вокруг Валуек, татары двинулись вверх по Валую и, объединившись с отрядом в 200 человек, «пошли в Русь» через Тихую Сосну [191, л. 277]. Татары, попавшие в плен в результате стычек с гарнизонами пограничных городов, на допросе показывали, что «пошли в Русь утаясь от мурз, украдом для добычи, а мурзы им на Русь ходить войною не велят» [1, с. 210-212].

В целом, общая картина татарских нападений на Среднее Поосколье в 20-е гг. XVII в. представляется следующим образом: «приходы» осуществлялись преимущественно небольшими силами, которые не стремились проникнуть вглубь страны. Столкновения с татарскими отрядами происходили непосредственно на пограничной территории - на пригородных полях либо при переходе кочевников по территории округа. В рассматриваемый период татары ни разу не совершали нападения на пригородные и городские укрепления, а их деятельность сводилась к захвату полона и угону скота. Все рассмотренные нападения являлись частной инициативой отдельных кочевых орд, которые контролировались Крымским ханством только частично. При этом набеги не мешали правительству проводить организацию станичной и сторожевой службы в Среднем Поосколье в 1625/26 г., что способствовало укреплению обороноспособности пограничного региона.

Период 1630–50-х гг. для всего южнорусского порубежья явился временем активной борьбы с кочевниками, чьи набеги инициировались не столько стремлением отдельных мурз захватить скот и пленных, сколько сложившейся внешнеполитической ситуацией. С начала 1630-х гг. Среднее Поосколье, как часть всего южнорусского пограничья, оказывается под ударом объединенных отрядов крымских, азовских и казыевских татар. Обострение ситуации на Поле в рассматриваемое время связано с втягиванием в пограничное противостояние крымских татар. Ослабление политического влияния Турции на Крым накануне Смоленской войны России с Речью Посполитой [см.: 408], а также внутривосточный и экономический кризис в самом Крымском ханстве явились поводом к развязыванию активных боевых действий. Среди основных причин усиления татарской агрессии по отношению к Российскому государству, несмотря на заверение турецкого султана о прочном мире, следует назвать внутреннее разорение Крымского ханства: междоусобные войны, нападения запорожских и донских казаков, засуха, падеж скота 1628 г. и чума 1628–1629 гг. [31, с.

132] Таким образом, татары вынуждены были возобновить активные набеги на южнорусское порубежье с целью захвата скота, ясыря и т.д. Набеги татар в 1631 г. носили исключительно грабительский характер, о чем свидетельствует количество татар в отрядах и показания пленных. Так, 19 апреля валуйские станичники между Тихой Сосной и Большим Валуйским лесом обнаружили сакму «биту на полдесятины до-черна» [159, лл. 59-60] и определили передвижение отряда примерно в 700 всадников [159, л. 60]. 23 и 24 апреля 30–50 всадников подошли под Белгород, а 27 апреля 50 татарских всадников появились в Оскольском уезде [206, лл. 47–48, 58–59, 68–69, 72–74]. 28 апреля дальняя валуйская сторожа, контролировавшая Изюмскую и Савинскую сакмы «на крымской стороне верхов Бурлука и Козинок», подверглась нападению небольшого татарского отряда, отобравшего у сторожей лошадей и «служилую рухлядь» [116, л. 293]. 25 мая валуйчане в 5 верстах от города на р. Казинке разбили татарский отряд в 80 человек, отбив полон и скот. От пленного «языка» удалось узнать, что отряд сформировался из крымских, азовских, казыевских татар и ногайцев и направлялся непосредственно под Валуйки для захвата «пашенных» людей [116, лл. 251-253]. Появление татар на Казинке указывает на то, что к порубежью они пришли по Изюмской сакме. Валуйский воевода И. Колтовский сообщал в Москву, что «ныне безпристани мимо Волуйки Калмиюсскою сакмою, и Изюмскою и Савинскими сакмами многия люди татаровя в Русь ходят сот по пяти, и по шти, и по семи и болши» [116, л. 456]. В сентябре татары потерпели поражение от отряда оскольского сына боярского Д. Сорокина на Кальмиусской сакме при переправе через реку Оскол [1, с. 508].

Таким образом, сопоставив направления вторжений и характер нападения многочисленных татарских отрядов, можно сделать вывод, что в качестве основной дороги в 1631 г. использовалась Кальмиусская сакма. Проходя по ней, татары либо непосредственно направлялись в центральные уезды, либо сворачивали, переправляясь через Оскол, на Изюмскую сакму. Наибольшее количество зафиксированных «приходов», со стороны

Кальмиусской сакмы, указывает и на состав отрядов: азовские, казыевские татары и малые ногаи. Это подтверждали и «языки», захваченные под Валуйками в мае: «промышленники у них и вожи в Русь были азовские аги» [159, л. 252; 371, с. 200].

Нападения на порубежье в последующие годы существенно отличались от предыдущих. Они совершались большими силами и уже с привлечением крымских татар, получивших одобрение на войну хана Джанибек Гирея [371, с. 193]. Московское правительство, занятое войной с Речью Посполитой, не могло выделить сколь-нибудь существенных сил для усиления обороны южного порубежья, тем самым возлагая оборону границы исключительно на местное население. В августе 1631 г. «приходили в ... государство крымские и многие люди, а Казыева улуса мурзы и улусные многия люди ... с ними ж вместе и украины ... воевали и в полон многих людей поимали и убытки многия украинам ... починили» [423, с. 233-234]. По сообщению астраханского воеводы И. Салтыкова, августовский поход был организован крымскими и казыевскими татарами совместно с ногайцами [423, с. 234]. Масштабы набега на порубежье отражены в отписке в Разряд того же воеводы: «с того набегу полон многой поимали и продавали дешевой ценою, выбирая молодых, имали за них за человека почем прося, а старых секли, что купити их было некому» [423, с. 234]. Нападению подвергались даже послы, направлявшиеся из Москвы на юг. Так, например, в 1632/33 г. российских послов Я. Дашкова, дьяка М. Сомова и ехавшего с ними турецкого посла Ф. Кантакузина атаковали казыевские татары неподалеку от Валуек, «и с ними бились не один день, и отошли от них послы насилу с великими убытки» [423, с. 234-235].

Таким образом, к началу Смоленской войны, южное порубежье государства подвергалось постоянным набегам со стороны различных татарских орд. При этом Среднее Поосколье оказывалось на пути продвижения кочевников дважды – во время их следования «в Русь» и обратно. По всей видимости, нападения в этот период совершались отрядами

более подготовленными, осведомленными о действиях соседних отрядов. Валуйские станичники, докладывая об обнаружении сакм, неоднократно упоминают «крыльников»¹⁰⁵, что говорит о четкой и продуманной схеме похода. Состояние обороны Среднего Поосколья от татарских набегов в последующие годы усложнилось, ввиду возросшей активности «воровских черкас» и уничтожения Валук, пооскольских полевых укреплений и белгородского острога польско-литовским отрядом Я. Острянина в 1633 г. Наряду с этим, поход на Российское государство организовал и возглавил царевич Мубарек Гирей¹⁰⁶, что говорит не только о масштабности акции, но и о ее политическом значении. В 1633 г. набеги проводились в два этапа: с ранней весны и до середины лета порубежье подвергалось атакам небольших передовых отрядов, большей частью разбитых при проникновении в южные и центральные уезды; с середины лета началось вторжение основных татарских сил [371, с. 214-215]. В середине июля татары начали движение по Изюмской сакме и, не встретив должного сопротивления в Поосколье, практически беспрепятственно и «безвестно» проникали в центральные уезды.

Собранные сведения за 1630-е гг. не являются полными, однако во многом отражают общую картину обороны государственных границ в обозначенный период. Практически каждый набег завершался захватом полона и скота, т.е. оказывался успешным для татар¹⁰⁷. При этом следует учитывать, что состав татарских отрядов зачастую не был однородным и не имел единого командования как, например, в 1633 г. На это обстоятельство указывают различия в выборе направлений для набегов и тактика: отряды, пришедшие с Кальмиусской сакмы, разделялись на более мелкие группы, действовавшие самостоятельно. Крымские татары, проходящие по Изюмской сакме и выходящие из России по этой же дороге, из войны выходили уже к концу лета. По всей видимости, на краткосрочность их пребывания в набегах сказался неурожай и падеж скота в Крыму [1, с. 624].

В отдельные годы татарские отряды не выходили из войны даже зимой. Так, в наказе из Разряда в «полевые» города, посланном осенью 1635 г., говорится: «ныне ... осень стоит ведрена и тепла, и морозов больших и ненастьев не ожидается, а прежде в такие осени бывали татарские приходы» [122, лл. 90-92]. Уже в начале января 1635/36 г. отряды по 2000 всадников «со знамена с хвостами» начали собираться на левом берегу Северского Донца. Выпавшие к концу зимы глубокие снега не позволили начать полномасштабный поход, отложенный до 20-х чисел марта. Однако уже в марте станичники сообщили о переходе нескольких тысяч татар по льду через Северский Донец возле устья р. Боровой [122, лл. 93-94].

Политика Крымского ханства по отношению к Российскому государству в 1630–40-е гг., соотносилась с рядом событий: взятием и удержанием донскими казаками Азова (1637–1642 гг.), строительством Москвой оборонительных сооружений на Поле (будущая Белгородская черта), усилением военной активности запорожских казаков, как в Причерноморье, так и в Турции [371, с. 256]. Все это, в целом, способствовало установлению относительного затишья в пограничных регионах. Однако Среднее Поосколье продолжало оставаться в зоне непрерывного военного противостояния с кочевниками. Более того, строительство засечной черты, прошедшей севернее Поосколья, с одной стороны, привлекало татарские отряды-разведчики, а с другой – переориентировало основные маршруты вторжений, направив их в наименее защищенную часть порубежья. Все лето 1637 г. татары провели в Поосколье практически без перерывов, отходя в степь и возвращаясь назад по Изюмской сакме. Накопив силы, в сентябре они «проломали» новопостроенные укрепления между городом Яблоновым и р. Оскол [371, с. 265-266]. Весь апрель 1638 г. отмечен каждодневными татарскими набегами на Валуйскую округу, Оскольский уезд и под новый город Усерд [123, лл. 1, 8-9]. Положение Среднего Поосколья в рассматриваемое время наиболее емко характеризуют слова московского посла в Крыму, обращенные к татарским мурзам: « ... а

Московскому государству что сделаете? И Валуйке городу ничего вам учинить не уметь. Только украинских мужиков жен да детей из под овинов волочите, и то приходите украдкою и оманом в безлюдное¹⁰⁸ время» [220, лл. 17-19].

В первой половине 1640-х гг. набеги кочевников на Среднее Поосколье осуществлялись в том же масштабе, что и в предыдущие годы. Основное участие в атаке на южное порубежье России принимали небольшие отряды крымских татар. Возросшую активность отдельных, не согласованных между собою набегов, вероятно, вызвала и засуха в Крыму, продолжавшаяся несколько лет. В 1645 г. в пределах Поосколья появились татарские коши, откочевавшие из Крыма ввиду голода и недорода. Как следствие, регион уже с начала весны подвергся постоянным набегам небольших отрядов, старавшихся «наездом» захватить работавших в поле, смотревших за стадами детей, отдельных служилых людей, сторожей и станичников во время разездов. Столкновения местного населения с кочевниками в первой половине года носили характер исключительно кратковременных стычек, либо преследования уходящих в степь татар. Однако уже в августе произошел бой татар с гарнизоном Валуек возле моста через р. Валуй [200, лл. 138-139], что уже само по себе не являлось характерным для действий подобных отрядов. Приходя под город, кочевники обычно старались отогнать скот и захватить безоружных жителей, работавших на полях. В этом случае нападению подвергся стратегически важный объект – мост через реку, находившийся при этом внутри полевых оборонительных сооружений. В ходе боя погиб сотенный голова М. Тяпкин и ранен валуйский воевода П. Колтовский [200, л. 139]. 18 августа татары, обойдя сторожи, подошли под Усерд, 19 августа – по Изюмской сакме, также обойдя сторожи и станичные разезды, напали на с. Стариково Корочанского уезда [343, с. 46].

Небольшие орды устраивали стоянки на территориях, используемых русскими служилыми людьми для хозяйственной деятельности. По всей видимости, удобное расположение угодий, наличие значительной кормовой

базы и водоемов способствовали передвижению татар ближе к границам Российского государства. В отписке валуйского воеводы А. Лазарева от июня 1637 г. видим, что около 100 татар «кочевали» по р. Боровой [343, с. 47]. В документе имеется прямое указание не на «приход» отряда для грабежа, а именно на кочевку, т.е. стоянку кочевников, стойбище. Однако это не мешало отдельным группам упомянутого кочевья совершать набеги на Поосколье для отгона «животинных стад» [371, с. 316].

Нередко татары в качестве союзников использовали запорожских казаков. Так, в 1643–45 гг. присоединившиеся к татарам запорожцы, получали всю добычу, кроме пленных¹⁰⁹. Один из примеров такого совместного похода отражен в документах 1643 г. «Приходы» начались ранней весной по Кальмиусской сакме со стороны Богучара и Калитвы. 3 мая татары и казаки подошли под сторожевой острожек на Жестовых горах [371, с. 319] и блокировали находившуюся там сторожу. В это же время татарские отряды в 200–300 всадников через Среднее Поосколье, по левобережью Оскола, прошли в Оскольский уезд [12, л. 40]. Все набеги в этом году заканчивались разорением хозяйства жителей региона, их гибелью либо пленением [136, лл. 85-90]. Так, например, 25 июля 1643 г. на р. Второй Созон во время жатвы татарами убиты стрельцы С. Савин и П. Котов с женой. На Заоскольских полях были взяты в плен стрельцы Макаров, Кочетов, Денисов, Тетерин «с женами и детьми» и затинщик К. Смирнов. Вместе с пленными татары отогнали 66 лошадей, 866 овец, 1145 коров [12, л. 41]. 29 июня 150 татар, появившиеся около полудня на Заволуйских полях из-за р. Ураевой, убили пятерых волуйчан и 16 угнали в плен [76, т.26, с. 166-167]. В 1646 г. набеги на Среднее Поосколье татары также совершали совместно с запорожцами, стоянки и сакмы которых встречали донские посольские казаки на левом берегу Оскола [145, лл. 548-555].

В целом, рассмотренные татарские «приходы» в Поосколье в первой половине 1640-х гг. четко показывают тенденцию к перенаправлению основного удара с рассматриваемого региона на участки Белгородской черты,

находящиеся в стадии строительства – между Белгородом и Яблоновым на Изюмской сакме. При этом Среднее Поосколье находилось под постоянным ударом со стороны мелких, самостоятельных отрядов и «крыльников». Вторая половина 1640-х гг. для Российского государства, в целом, являлась переломной в борьбе с Крымским ханством и мелкими кочевыми ордами. Оборонительное строительство, соединившее ряд порубежных городов и острогов в практически непрерывную линию, завершилось к началу 1650-х гг. Попытки татар проникнуть «за черту» заканчивались поражением. В 1646 г. московское правительство, помимо оборонительного строительства, изменяет расположение военных сил, переведя полки к городам Белгородской черты и установив единое командование. Воеводы городов, в том числе Валук и Усерда, «по вестям» должны были ссылаться с единым центром – Белгородом, координировавшим все оборонительные мероприятия на порубежье. С 1648 г. полки расположились в Белгороде, Яблонове и Цареве-Алексееве (Новый Оскол), создав, тем самым, практически непреодолимые препятствия для прорыва черты неорганизованными татарами. Уезды «за чертой» оказались в относительной безопасности.

В ином положении оказалось Среднее Поосколье, как регион, не вошедший в черту. При этом одним из наименее защищенных участков черты находился как раз между Тихой Сосной и Осколом. Сами реки, имевшие значительное количество бродов и перелазов, не являлись надежной преградой для татарских отрядов. Начиная с середины 1640-х гг. Кальмиусская сакма в указанном месте контролировалась, помимо Валук и Усерда, городами Ольшанск (1644 г.), Верхососенск и Царев-Алексеев (Новый Оскол) (1647 г.). Однако особенности ландшафта Среднего Поосколья не позволяли полностью перекрыть пути прохода в центр государства. Тем самым, в качестве аванпоста продолжала оставаться Валуйская крепость с собственной системой пригородных полевых укреплений.

Наиболее показательными в переломе ситуации обороны юга Российского государства являются события 1647 г. «Приходы» в этом году традиционно начались ранней весной со стороны Изюмской сакмы – 500 татар попытались проникнуть в Белгородский уезд. Слаженность в действии вестовщиков и станичников позволили собрать объединенный отряд из Белгорода, Корочи, Яблонова и Валук еще до прихода отряда в пределы уезда. Основное сражение произошло в пределах Среднего Поосколья – на речках Нежеголь, Казинка, Бурлук и Двуречная. Внезапность и решительность отпора со стороны русских служилых людей повергли татар в панику. Не выдержав даже первого «схода», кочевники начали бежать, бросив пленных, лошадей, коши и «всякую рухлядь» [143, лл. 16–17, 24–26, 76–77, 82–83.]. Потерпев неудачу на Изюмской сакме, татары сконцентрировали свои силы на прорыве черты по Кальмиусскому шляху. В апреле значительный отряд татар был полностью перебит под Большим валуйским острогом, а находящиеся на подступах к городу татары отступили в степь. В середине июля 1500 казаков из Царева-Алексеева во главе с сотником Е. Яковлевым, посланные на перехват татарам, выходящим с полоном из Оскольского уезда, сошлись с крымцами у верховий Тихой Сосны. В результате боя, продолжавшегося 6 часов, татары потерпели поражение от осколян – было освобождено 124 пленных, взято 17 «языков» и 1100 лошадей [143, лл. 99-100, 141]. Одновременно с этим, 500 крымских татар нанесли серьезный урон Валуйской округе, захватив «многий полон». На перехват отправились сотни каширян и костромичей, охранявших Разменный городок на р. Ураевой. После непродолжительного боя весь полон был освобожден, а татары перебиты [143, л. 107]. Неудачным оказался и «приступ» 9 августа к Усерду и Цареву-Алексееву [371, с. 393-394]. Успехи южнорусских служилых людей, в первую очередь, можно объяснить упоминаемыми выше структурными изменениями в управлении Белгородским полком и строительством новых городов на Кальмиусской сакме. Сами татары, по свидетельствам станичников и московских послов в Крыму, о летнем походе

1647 г. говорили следующее: «Государева украйна не по-старому ныне укреплена накрепко и городов поставлено много, и людьми наполнена многими, и впредь им ходить на Русь никак не мочно» [2, с. 178]. До первых глубоких снегов 1647 г. татары беспокоили Среднее Поосколье только грабительскими наскоками небольших отрядов. В середине сентября «человек с 50 и больши» татар появились в устье речки Казинки на Заоскольских полях, захватив в плен станичного атамана М. Воронова. От Казинки татары прошли через все Поосколье и беспрепятственно вышли на Кальмиусскую сакму [2, с. 178]. Воевода Ф. Бойков писал в отписке, что служилых людей в погоню за неприятелем не пустил И. Алферьев, присланный из Москвы для руководства строительством нового города [2, с. 208]. По всей видимости, размеры ущерба, нанесенного малыми силами, не стоили перерыва в возведении острога и надолбов вокруг Валук и отвлечения служилых людей ввиду приближавшейся зимы.

Оборонительное строительство 1630–50-х гг. в порубежных уездах если и не обезопасило Поосколье полностью, то во многом повлияло на улучшение организации системы оповещения посредством вестовщиков, набравшихся из «добрых и конных» детей боярских (Усерд и Новый Оскол) или станичников (Валуйки). Воеводам порубежных городов наказывалось «посылать из ... [города – С. К.] в ... [город – С. К.], и в иные другие украинные и польские города, куды пригоже, ... по скольку человек пригоже, и держать в тех городах детей боярских для вестей; и к воеводам писать: как у них учинится про татар вести и они б те вести писали и вестовщиков отпускали наскоро» [2, с. 208]. Набранным в вестовую службу предписывалось: «как в который город прибежит станичник с поля, или с сторожи, или выезджий, или полоняник, или кто-нибудь с вестьми, и вестовщики, взяв у воевод о вестях отписки, бежали [в город – К.С.] наспех, и днем и ночью» [144, лл. 436, 524]. При получении вестей, воевода составлял отписки в соседние города с подробным изложением случившегося. Одновременно с этим составлялась отписка в Москву.

Масштабность татарских набегов 1630-х гг. и разорение Поосколья польско-литовскими войсками значительным образом повлияли на дисциплину и организацию служилых людей региона. Валуйский воевода неоднократно сообщал в Москву о «непослушании» служилых людей и стрелецкого и казачьего головы Василия Каменева. Последний отказывался выполнять приказы воеводы, собирал свой «круг», самостоятельно выступал против татарских и черкасских отрядов [371, с. 232-233]. Из воеводской отписки следует, что голова якобы говорил следующее: «Побежим де по лесам, не усидеть де нам от Крымского; Семен де Аненков, покинув город, побежал со служивыми людьми, и за то де ему ничего не зделали»¹¹⁰. Примечательно, что служилые люди не только отказывались выполнять воеводские поручения, но и помогали татарам: в августе 1635 г. станичный атаман В. Оркатов с ездоком Г. Татариновым, во время разъезда к р. Нежеголи, отобрали коней у своих товарищей и помогли татарскому отряду захватить 15 «пашенных» людей «жен, детей и племянников» на Княжем лугу. Оскольский сын боярский И. Беляев, сбежав от татар, опознал станичников и сообщил об их измене в Валуйки. В начале сентября татары снова «безвестно» подошли к работавшим в поле возле р. Мосей валуйчанам и взяли в полон 16 человек. Схваченные станицей атамана С. Бобырева изменники признались, что неоднократно подводили татар под город, на поля, открывали удобные пути для нападения и сообщали им о планах воеводы по обороне уезда [3, с. 121]. Идентичные случаи известны с «приводом» жителями региона под город черкас и поляков.

Набеги татар на Среднее Поосколье в 1660-е гг. непосредственным образом связаны с походами крымских ханов на Левобережье Днепра, непрерывной борьбой между различными украинскими гетманами и преследовали, несмотря на свой исключительно политический характер, добычу полна и грабеж порубежных городов. Война в этот период характеризуется частыми столкновениями не только русских с кочевниками, но и татар с калмыками и ногайцами. Наиболее значительные «приходы» в

Среднее Поосколье приходится на 1660/61, 1667, 1668/69 гг. Так, 14 июля 1660 г. усурдские вестовщики, дежурившие в Новом Осколе, сообщали о продвижении татар от верховий Айдара и Богучара к Осколу [Старому]. На следующий день 2000 всадников перешли Тихую Сосну, направляясь под Новый Оскол и Валуйки [3, с. 127]. В конце июля станичники, вестовщики и донские казаки привозили вести в пограничные города о скоплении татар на переправах через Северский Донец. Воевода Белгородского полка Г. Г. Ромодановский «по вестям» отправил 4000 служилых людей для обороны Ольшанска и Острогожска. Отдельный отряд был послан по р. Оскол для защиты Цареборисова [3, с. 132]. Для «береженья» воеводам предписывалось «в городех и по земляном валу и по крепостям денно и ночью сторожи держали крепкие ..., а за вал и за всякие крепости ни для каких дел служилых людей не пущать ..., а по тому ж за крепости»¹¹¹.

«Опасные» грамоты рассылались зимой 1660/61 г., предупреждая о возможной войне. Валуйскому воеводе Ю. Наумову наказывалось «укрепить осаду» и отремонтировать обветшалый тайник [10, кн. 3. с. 60-61]. При получении известий о татарах, жители околгородних слобод и хуторов должны были «жить легким делом», имеющиеся у них запасы молоченного хлеба свозить в город или укрывать в специальных ямах, не молоченный - отвозить в лес [311, с. 33]. Главным укрытием от татар оставался город, до которого из отдельных заимок или пчельников приходилось добираться не один час. Отсюда – нежелание подчиняться указам, бросать работу на полях и в лесу, на промыслах, особенно беря во внимание, что в отдельные годы татары появлялись под городом по несколько раз в день. Середина 1660-х гг. отмечена относительным затишьем на порубежье: «с польским королем перемирье, а татарские вести миновались» [166, лл. 970-071]. Однако с 1667 г. война возобновилась с новой силой, сопровождаясь восстаниями черкас и переходом их на сторону Речи Посполитой. В 1669 г. едисанские и мальванские татары опустошили Поосколье вдоль рек Валуй, Мосей, Сенная и Полатовка, основной целью преследуя захват полона¹¹² (Приложение И).

В следующем, выделенном нами периоде, активизация военных действий на порубежье связана с русско-турецкой войной 1672-81 гг., когда татарские «приходы» представляются в виде непрерывного натиска, в отражении которого участвовали как подвижная армия, гарнизоны южнорусских городов, так и население рассматриваемого региона. По самым приблизительным подсчетам, за период с 1670 по 1680 г. татары, калмыки ногайцы совершили более 70 набегов на Среднее Поосколье. Каждый из «приходов» сопровождался разорением населенных пунктов, гибелью и пленением населения, упадком хозяйства в регионе. Одновременно с этим, 1670-80-е гг. являются показательными в действиях правительства по построению обороны южнорусского порубежья. Отличительной особенностью данного периода является участие в столкновениях с кочевниками новообразованных слободских казачьих полков, располагавшихся с юго-запада (Харьковский, Балаклеяский, Изюмский) и с северо-востока и востока (Острогожский). Заселение нижнего течения Оскола и участка Поля между Валуйским лесом и Тихой Сосной черкасами в 1660-70-е гг. ставит на новый уровень организацию разведывательной деятельности станиц, взаимодействовавших с жителями Тора, Цареборисова, Гороховатки, Купенского городка и Двуречной слободы [8, с. 253].

Значительную поддержку городам Среднего Поосколья и валуйским станичникам в этот период оказывал Балаклеяский казачий полк во главе с полковником Я. Черниговцем. Так, например, в апреле 1673 г., ввиду возможности прорыва татар к Харькову, Мереве и Ольшанам, по распоряжению князя Г. Г. Ромодановского его полк был назначен «для береженья от приходов воинских людей» [8, с. 253]. Из-за того, что «у Якова Черниговца в полку малоллюдно и казаки люди новые», в помощь ему назначался полк Г. Донца, обычно не выдвигавшийся в польские города [430, т. 2. с. 345]. Для разведки Поля слободские полковники посылали отъезжие караулы и станичные разъезды, контролировавшие сакмы, броды и перелазы по Северскому Донцу и Осколу. Тем самым, совместно с валуйскими

проезжими станицами создавалась мощная и достаточно эффективная система разведки южных рубежей государства.

24 апреля 1673 г. Я. Черниговец сообщал чугуевскому воеводе Ф. Соковнину об обнаружении на оскольских перелазах свежей сакмы [430, т.2. с. 345]. В ответ из Чугуева прислано сообщение о переходе через Оскол татарского отряда численностью около 150 человек [430, т.2. с. 436]. 27 апреля полковник выдвинулся навстречу татарскому отряду, однако информация, полученная из Чугуева, оказалась неточной – за Осколом возле Сенькова Дола Я. Черниговец, столкнувшись с татарами численностью около 6000 человек, потерял «много товариства», однако смог разбить неприятельский отряд [29, т. 6, с. 285]. 28 апреля Я. Черниговец вступил в бой с татарами в вершине р. Бурлук, одержал победу, и отбил захваченных пленных и скот [9, стб. 163]. 19 июня значительный отряд татар прошел вверх по течению Оскола к Валуйкам, однако решительные действия балаклеяского полковника заставили их свернуть с выбранного маршрута и уйти в сторону Айдара [390, с. 36].

В 1676 г. белгородский воевода Г. Г. Ромодановский контроль за оскольскими перелазами и бродами усилил за счет привлечения чугуевских вестовщиков: «... довелось де быть для сторожи на реке Осколе чугуевским сторожам двум человекам конным и оружным и стоять им на сторожи в причинных и тайных местах, где вринские люди татаровя реку оскол перезазет, а как воинские люди где объявятца, и им бы давать знать в Большклею ... Якову [Черниговцу – С. К.] и в иных городах, где пристойно...» [29, т.7. с. 206].

Активные боевые действия в 1677 г. продолжались с весны до осени. В апреле татарский отряд прошел по Кальмиусской сакме к Верхососенску и Усерду [29. т. 7. с. 207]. 23 июня татары подошли к укреплениям черты под Новым Осколом «и били по хуторам и за валом по полям, и животину отогнали, и по полям людей и робят в полон человек семь поимали». 16 июля татарский отряд «проломил» засечную черту и уничтожил валовые укрепления между рр. Крюком и Серебрянкою [29, т.7, с. 207].

Расположившись кошем на речке Усерде, татары полностью взяли под контроль участок черты между Старым и Новым Осколом [239, л. 3]. Известия о крупномасштабном наступлении крымцев начали поступать практически из всех порубежных городов уже с середины июля. 17 числа 30 всадников появились под Полатовым но, испугавшись выстрела из пушки, прошли по реке Валуй к югу [29, т.7., с. 208]. Сбежавшие из плена верхососенцы сообщали усердскому воеводе М. Селиванову о непрерывном потоке пленных и скота, отгоняемых татарами в сторону Азова и о подходе новых отрядов, расположившихся на речке Айдар [29, т.7. с. 209]. Вестовщики, посланные из Валуек в Усерд, встретили в верховьях Тихой Сосны татарский отряд в 2000 всадников, шедший в подкрепление к основной массе войска [29, т.7. с. 211]. В начале августа острогожские дети боярские, дежурившие в Осиновом остроге, сообщали о татарских разведчиках, осматривавших броды через Тихую Сосну¹¹³. Валуйский воевода К. Лодыженский узнал от полатовского сотника о продвижении сорокатысячной орды калмыцкой сакмой через Среднее Поосколье и расположении татар между Валуйками и Новым Осколом со стороны Полатова [9, с. 149].

Ввиду опасности прорыва черты в конце августа 1677 г. князь П. И. Хованский выдвинулся с полком к Новому Осколу и, получив подкрепление от новооскольского воеводы Б. Аргамакова и верхососенского воеводы Н. Лещина, перекрыл возможное направление татарского удара через укрепления в центральные уезды [9, с. 149]. Соединившись с отрядом острогожского полковника Ф. Сербенина, полк П. И. Хованского отошел к Большому Валуйскому лесу перекрыв, тем самым, возможные пути отступления татар в степь. 31 августа татары были отброшены от Нового Оскола и отошли к Жестовым горам¹⁶⁸ по Валуйской дороге [29, т. 7. с. 213]. В догон за ними отправились служилые люди из Валуек и острогожские казаки, однако татарам удалось уйти¹¹⁷.

Примером непрерывной войны с кочевниками в рассматриваемый период может служить 1678 г.¹¹⁸ В письме воеводы Белгородского полка князя Г.Г. Ромодановского, разосланного во все пограничные города в конце января, сообщалось о возможности татарского «прихода» крупными силами: «Турский солтан со многими ордами хочет итить войной под Киев и под Чигирин..., на Сырную неделю... А наперед себя «велел крымскому хану со всеми крымскими и ногайскими ордами итить ... на ... украинные и северские и малороссийские городы» [83, вып. 5. с. 649]. 4 февраля усердские станичники сообщали в Валуйки и Полатов о появлении на р. Пещаной 500 калмыков [239, л. 26]. 4 марта ольшанские промысловики встретили калмыков, ехавших в сторону Валуек, в верховьях Богучара [239, л. 37]. 24 марта татарские отряды переправились Ореховым бродом через Черную Калитву и направились под Усерд и Ольшанск [239, л. 39]. В мае фиксировались переходы многочисленных отрядов через Северский Донец и Оскол в районе Изюм-кургана [240, лл. 1-13]. В начале июня донские казаки М. Самарянин, Ф. Духопельников и Д. Иванов сообщали о переправе ногайцев и азовцев через Северский Донец и концентрации их сил на Изюмской сакме [239, лл. 50-52]. 9 июня печенежские сторожа и жители Двуречной слободы сообщали валуйскому воеводе о появлении татар на Песчаном перелазе, на речках Колодной и Ольшанке [29, т.7. с. 216]. 20 июля еще несколько отрядов перешли Северский Донец, сожгли Савинский острог и расположились кошом на р. Гнилице, отправляя для захвата скота небольшие отряды. 1 августа орда, пройдя по Изюмской сакме, разделилась на два отряда – первый прошел по Валую в сторону Усерда и Верхососенска, второй – подошел к валуйским полевым укреплениям, отогнал скот с пригородных полей и расположился станом со стороны Палатовской башни [29, т.7. с. 218].

Нападения татар на Поосколье и слободские полки в 1679 г. проходили в два этапа, каждый из которых, по всей видимости, носил только грабительский характер, т.к. отписки из городов и ответы их Разряда не

содержат информации о мурзах, возглавлявших отряды. В отражении «ногайского и азовского прихода» совместно с гарнизонами порубежных городов принимали участие донские казаки. Снижение активности татар, скорее всего, можно связывать с увеличением количества российских войск на порубежье в связи с началом строительства Новой засечной черты. Ее оборонительные сооружения и населенные пункты возводились для обороны от татарских набегов регионов к югу и юго-западу от Белгородской черты (уже частично заселенной черкасами и русскими служилыми людьми) и малозаселенную территорию вдоль р. Оскол.

Особенность первого этапа заключается в том, что основным направлением удара был выбран Харьковской слободской полк. В августе 10-тысячная орда, с калмыками в качестве проводников, появилась в Поосколье, переправившись на перелазах выше Цареборисова и, по всей видимости, встретив сопротивление, повернула к Соколову, Змиеву и Печенегам. Объединенное войско под руководством стольника К. Козлова¹¹⁹ встретились с татарами на р. Береке «и многих их побили и переранили, и языков, и кош, и лошадей побрали» [26, с. 104-105]. Второй этап представлял собой «приходы» разрозненных отрядов, не нанесших сильного урона порубежью. События зимы 1679/80 г. убеждают в том, что осенние набег 1679 г. выполнялись для разведывательных мероприятий. Скопление войск по Северскому Донцу, начавших строительство Новой черты, не позволили татарам напасть большими силами вплоть до наступления холодов, когда большую часть служилых людей распустили по своим домам. Однако, один из крупнейших набегов татар на Российское государство, совершенный в январе 1680 г., Среднее Поосколье не затронул.

Строительство Новой (Изюмской) черты, завершенное в Поосколье к лету 1680 г., Среднее Поосколье практически не обезопасило, поскольку в комплекс сооружений черты вошли пригородные укрепления, существовавшие и ранее¹²⁰. Не считало новую черту серьезным препятствием для татар и московское правительство. Так, 17 октября воевода Белгородского

полка П. И. Хованский получил наказ царя Федора Алексеевича: «стало ведомо ... что крымский хан вышел с татарами войною на Русь ... и потому и по Новой черте и в причинных местах на сторожах служилых людей держать перед прежним с большею прибавкою» [219, лл. 252-253]. По всей видимости, в первые годы существования черта представляла собою не столько цельное военно-техническое сооружение, сколько являлась местом сосредоточения войск. Как видим из многочисленных примеров, даже для калмыцких отрядов, занимавшихся исключительно грабежом, оказалось по силам «проломить» черту в Поосколье. В данном случае показателем обороноспособности является не наличие фортификационных сооружений, а степень заселения региона, наличие регулярного, хорошо экипированного гарнизона, в крайнем случае – заинтересованность в получении материальной выгоды в виде земельной придачи к основному наделу, либо надбавки к денежному окладу. Все это оказалось возможным только после заселения территорий по рекам Битюг, Айдар, Богучар, Тор и т.д.

Строительство Новой засечной черты непосредственным образом сказалось на организации обороны порубежья. В ноябре 1680 г., в связи с передачей Курска в Севский разряд, воевода П. И. Хованский переезжает в Белгород [219, л. 618]. В Валуйках с полком разместился сходный воевода В. М. Дмитриев, которому поручалось охранять черту от Цареборисова до Тихой Сосны [311, с.201]. В помощь валуйскому воеводе определялся Острогожский черкасский полк. Воевода В. М. Дмитриев получил право действовать самостоятельно на своем участке, если в пределах границы появлялись небольшие отряды татар. При появлении значительных сил татар в помощь валуйскому воеводе выступал П. И. Хованский со служилыми людьми «всех городов» [311, с. 201-202].

Таким образом, на протяжении всего XVII в. Среднее Поосколье выступало как регион-форпост на пути продвижения татарских отрядов вглубь Российского государства. Одновременно являясь военной базой, при наступлении правительственных войск в южном направлении. Особенность

геополитического положение рассматриваемого региона обуславливалась, с одной стороны, близостью основных татарских сакм, что позволяло своевременно реагировать на угрозу проникновения степняков в порубежные уезды с различных направлений. С другой стороны, Поосколье, после гибели в начале века Цареборисова, оказалось выдвинутым далеко к югу от основных оборонительных рубежей государства. Имея уникальные природно-климатические условия и хозяйственный потенциал, Поосколье, а позже и ряд уездов, образовавшихся на этой территории, не смогли в полной мере войти в русло государственной политики, направленной на заселение и хозяйственное освоение южнорусских степей. Виной тому, в большей степени, стали постоянные набеги со стороны кочевых орд Поля, Причерноморья и полукочевых народов Крыма.

Набеги кочевников на порубежье были связаны как с политической конъюнктурой государств, имевших общие границы в Поле, так и с необходимостью поддержания кочевого хозяйства при помощи грабежа. Среднему Поосколью значительный урон наносился татарами, ежегодно приходившими в регион для посольской размены.

Татарские «приходы» под города Среднего Поосколья происходили ежегодно с ранней весны и до глубокой осени. В отдельные годы татары вовсе не покидали пределы порубежья, расположившись в степи кошем и продолжая грабить русское население даже при выпадении глубоких снегов. Это решительным образом отличает рассматриваемый участок степного пограничья от остальных южнорусских уездов, приходы кочевников куда регулировались как природно-климатическими условиями, дальностью переходов, так и наличием значительного контингента вооруженных сил и стационарных оборонительных пунктов – городов-крепостей, стоялых острожков и т.д. Оборона Среднего Поосколья вплоть до второй половины XVII в. являлась делом исключительно местного населения. Организаторами оборонительных мероприятий в округе являлся воевода и служилые головы (казачьи, стрелецкие). В отдельных случаях они могли возглавлять походы по

перехвату возвращавшихся «из Руси» с добычей отрядов неприятеля. В большинстве случаев в бой вступали как служилые люди городской службы, так и местное население, не приписанное к городу (гулящие люди). Только с момента реорганизации Украинного Разряда, возникновения слободских казачьих полков и заселения нижнего течения Оскола черкасами, Среднее Поосколье получило ощутимую поддержку в борьбе со степью.

Пример Валуйской округи, являвшейся центром рассматриваемого региона, позволяет не согласиться с ранее популярным в историографии тезисом о снижении активности татарских набегов после возведения оборонительных сооружений в 1630-40-е гг. (Белгородская черта) и в 1670-80-е гг. (Новая - Изюмская черта). В первом случае, крепость Валуйка с комплексом пригородных полевых укреплений, не вошли в черту. Это, в свою очередь, сыграло двойственную роль – регион начал наращивать силы для самостоятельной обороны, путем проведения гибкой земельной политики и привлечения на службу черкасов и, в то же время, Поосколье оказалось под ударом как крупных, так и мелких татарских отрядов, потерявших возможность проникать для грабежа за черту. Строительство Новой черты затронуло Валуйскую округу частично. Валуйки и формировавшийся вокруг города уезд снова остались вне черты.

Государственные мероприятия по обороне южного порубежья, в том числе и рассматриваемого нами Среднего Поосколья, заключались в построении системы фортификационных сооружений, организации станичной и сторожевой службы, принятию мер по отражению татарских набегов.

Станичная и сторожевая служба, организованная в Поосколье в 1620-е гг., явилась основой обороны региона в первой половине XVII в., когда разведывательная деятельность станичных разъездов распространялась не только на Валуйскую округу, но и далеко за ее пределы. Под контроль станичников попадали основные пути продвижения татарских отрядов,

переправы через водные объекты, дороги в лесах. Важность данного вида службы повлияла на политику правительства в подборе кадров.

Оказавшись выдвинутым далеко вглубь Поля, рассматриваемый регион находился под постоянной угрозой нападения татарских отрядов. Последние совершали свои набеги как с целью политического воздействия на московское правительство, так и для грабежа пограничных городов.

Постоянное разорение хозяйства и угон жителей порубежья в плен на длительное время затормозили развитие региона, создав тем самым, уникальные особенности в сфере землевладения, социальной структуры населения, административно-территориального деления и подчинения.

Ввиду постоянной военной угрозы в регионе сформировалась своя специфика построения обороны, зависящая как от тактики отрядов кочевников, так и от особенностей заселения отдельных участков Поля и его географических особенностей. Наименее развитыми в хозяйственном отношении оказались восточные участки уездов, подвергавшиеся практически ежедневным нападениям. Их заселение оказалось возможным не ранее начала XVIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территория Среднего Поосколья, имевшая особенности географического положения, обороны государственных границ от внешней агрессии, процесса заселения и хозяйственного освоения, в отечественной историографии рассмотрена впервые. При этом использование достижений досоветской, советской и современной историографии, а также комплекса неопубликованных архивных материалов XVII в., позволило данный регион рассматривать в качестве самостоятельного сектора южнорусского порубежья.

Среднее Поосколье, как отдельный регион, в планах московского правительства по продвижению в степь фигурирует с начала XVI в. С 1570-х гг. начинается пересмотр сложившихся к середине XVI в. концепций обороны южных границ государства. Мероприятия правительства по выдвиганию полков к Оке и посылки в степь сторожевых разъездов уже не могли в полной мере обеспечить безопасность центральных уездов и даже столицы Российского государства. Результатом ряда опустошительных набегов татар в 1570-72 гг. стала стремительная деятельность не только по реформированию станичной и сторожевой службы, но и по принятию мер относительно включения Среднего Поосколья, наиболее удобного региона с точки зрения построения обороны порубежья, в общегосударственные границы.

Комплекс оборонительных мероприятий правительства в последней трети XVI в. включал в себя строительство новых городов-крепостей на наиболее уязвимых участках южной границы. Возведению Валук и Цареборисова в 1599-1600 гг. предшествовала активная работа по созданию стационарных наблюдательных и координационных пунктов – сторож. Одна из них, устроенная на Козиной поляне в центре рассматриваемого региона, являлась не только самой южной, но и имела решающее значение в патрулировании основных маршрутов продвижения кочевников. Сосредоточение в регионе татарских сакм непосредственным образом повлияло на выбор места для строительства городов и полевых укреплений.

Так, например, недалеко от Козинской сторожи в 1599 г. были возведены Валуйки – город-крепость, ставший не только надежной базой обеспечения при продвижении государства вглубь территории Поля, но и единственным населенным пунктом Среднего Поосколья вплоть до 1630-х гг.

Новый город, выдвинутый далеко к югу от линии «польских» городов, на протяжении всего XVII в. являлся «государевой крепостью», основу населения которого составили «государевы служилые люди» - стрельцы и конные казаки. Наличие в Среднем Поосколье в годы Смуты контингента конных казаков непосредственным образом повлияло на путь трансформации города-крепости в город-уезд. Значительное количество конных казаков и конных стрельцов в регионе, представлявших в первые десятилетия существования города основу его социальной структуры, можно объяснить исключительно географическим положением Валоек. Ввиду постоянных военных столкновений с кочевниками и черкасами, широкомасштабная организация акций по привлечению в регион населения из других городов существенных плодов не приносила. Поэтому в городскую службу активно записывали представителей местного населения. Тем самым, социальная структура региона уже в первые годы XVII в. получила специфическую окраску, а развитие города-крепости проходило медленно.

Правительственные мероприятия по обороне рассматриваемого участка границы повлияли на формирование новой, особой социальной группы – станичников. Прибираясь на службу из различных категорий служилых и маргинальных групп, станичные атаманы и ездоки Среднего Поосколья сформировали уникальную служилую корпорацию, занявшую в регионе место детей боярских, т.е. низшего звена служилых людей по отечеству. Социальный состав валуйских станичников оказал непосредственное влияние на формирование уезда вокруг пограничного города. Отсутствие детей боярских и их замещение приборными станичниками отразилось на ходе колонизации Поосколья. В таких условиях, когда доступ московских дворян к фонду южнорусских земель оказался ограниченным

правительственными указами, заселение региона оказалось возможным исключительно силами внутреннего колонизационного потока. Освоение земель вокруг города происходило от границ к центру, что кардинальным образом отличало Валуйскую округу от соседних уездов – Усердского, Ольшанского, Верхососенского и сближало с русскими уездами Слободской Украины – Салтовским и Чугуевским.

Таким образом, формирование социальной структуры общества в Среднем Поосколье имело непосредственное влияние на развитие уезда. Характерными чертами последнего стали экономическая однородность – полное отсутствие крестьян (исключая бобыльское хозяйство монастырей), зависимость от поставок зерна, денег и оружия из центральных регионов и социальная однородность – сглаживание различий между приборными служилыми чинами служилыми людьми по отчеству.

Неравномерность в ходе освоения и заселения региона привело к возникновению двух самостоятельных групп городов и уездов вокруг них, развитие которых имело свою специфику. К первой группе относится город Валуйки и его военная зона. Здесь развивался своеобразный тип хозяйствования, поскольку основой экономики, ввиду преобладания стрельцов и казаков, являлось оброчное хозяйство. Помещики в данном случае стремились не к прикреплению крестьян к своим поместьям, а к получению права на аренду оброчных угодий, привлечению к возделыванию пашни представителей нескольких поколений служилых родов. Последнее обстоятельство непосредственным образом способствовало обособлению земельных фондов и сосредоточению их в руках отдельных фамилий. Отсюда мы видим рост пашенных угодий за счет заимочного землевладения.

Вторую группу составили города, возникшие в ходе оборонительного строительства 1630-50-х и 1670-80-х гг. – Усерд, Ольшанск, Верхососенск, и др. В городах и уездах этой группы, в силу специфики заселения преимущественно сведенцами из городов центральной России, возникали полноценные дворянские корпорации. Это, в свою очередь, влияло на прирост количества помещичьих дворов, рост численности крестьянских и

бобыльских хозяйств. Ко второй половине XVII в. города и уезды второй группы по специфике социальной структуры и экономическому развитию приблизились к «старым» замосковным уездам.

Особое место занимал рассматриваемый регион в организации обороны государства от татарских набегов. Рассмотренные в работе примеры показывают, что на протяжении более полутора веков Поосколье являлось форпостом в отражении атак кочевников. Подробное изучение столкновений гарнизонов крепостей с татарскими отрядами позволяет сделать выводы о понимании правительством того времени значения Поосколья, прикрывавшего не только основные направления татарских ударов вглубь территории государства, но и являвшегося своеобразным заслоном на пути выхода кочевников из войны.

Рассмотрение Среднего Поосколья в качестве особого участка южнорусского порубежья позволило выделить три участка – северный, центральный и южный. Первым в систему оборонительного строительства оказался включенным центральный участок. Система обороны при этом основывалась на функционировании станичной и сторожевой службы, а основными видами фортификационных сооружений являлись полевые крепости и город-крепость Валуйки. На следующем этапе осваивалась северная часть региона, включенная в строительство Белгородской засечной черты. Основными видами оборонительных сооружений данного участка стали земляные валовые конструкции, стоялые остроги и рубленые или острожные деревянные города-крепости. Последним заселялся и укреплялся южный участок региона - нижнее течение р. Оскол. Освоение и оборона берега проводилась силами переселенцев-черкас. Для этого участка характерными являлись укрепления и засеки в местах переправы конницы через реку, а также стоялые остроги для укрытия жителей во время боевых действий.

К концу XVII в. Среднее Поосколье оказалось полностью включенным в единую общегосударственную систему обороны порубежья. При этом северный и южный участки региона оказались в подчинении Острогожского

и Изюмского слободских полков соответственно. Центральная часть, военная и хозяйственная зона Валук, сохраняла традиционный статус южнорусского форпоста вплоть до заселения Торской засечной черты и бассейнов рек Айдар, Черная Калитва и Богучар в конце XVII-XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левый приток р. Оскол в пределах современной Белгородской области.

² В одном из документов видим: «... а налево по Сосне на Подол до Дону...». См.: АМГ. – Т. 1. – С. 25.

³ В XVII в. на территории Среднего Поосколья мы видим несколько однотипных топонимов – Козина поляна, Храпова поляна, Орехова поляна, Кромзная поляна и т.д. Урочища с подобными названиями использовались, в то или иное время, для ведения сельского хозяйства. К примеру, Орехова поляна, отказанная Валуйскому Успенскому Николопристанскому монастырю царем Михаилом Федоровичем. Поляна зафиксирована по материалам валуйской раздачи 1626 г., однако, никому в дачу отказана не была. В челобитной игумена Аарона 1690 г. она названа «старинной монастырской землей». По всей видимости, урочище можно отнести к первоначальной монастырской пашне, отданной на оброк служилым людям, либо оставленной обителью из-за невозможности обрабатывать пашню. В 1626 г. поляна уже «пахалась наездом всякими людьми». В «Словаре русского языка XI–XVII веков» «поляна» в значении сельскохозяйственного участка приводится на примерах, которые также связаны с описаниями угодий, сенокосов и т.п. К северу от Козиной поляны на р. Мосее мы видим Городищеву поляну, которая, возможно, являлась местом расположения древнего поселения, не дошедшего до того времени, однако остававшегося в памяти населения благодаря сохранившимся росчистям и соответствующим топонимам. Возможно именно поэтому Козина поляна, да и все Среднее Поосколье, постоянно являлось в поле зрения правительства, станичных разъездов и казачьих отрядов.

⁴ Новосельский А.А. говорит о казаках Богдана Ружинского и Юрия Язловецкого, в то время, как последний умер в 1575 г. Богдан Ружинский погиб в 1577 г. во время осады Аслан–Кермена. См.: Василенко Н. Очерки по истории Западной Руси и Украины. – К., 1916. – С. 174–175.

⁵ Путь проходил восточнее Изюмского шляха, переправляясь через Северский Донец под Гребенными горами, направлялся по водоразделу Оскола и Дона через речку Тихую Сосну и соединялся с Муравским шляхом под городом Ливны. См.: Загоровский В.П. Вхождение... – С. 186.

⁶ «...стояти сторожем на Святогорской стороже на сей стороне Донца против Святых гор; а переезжати им на право в верх по Донцу до усть Оскола ..., а на лево вниз по Донцу через шлях малого перевозу, да через шлях великого перевозу...». См.: Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. – М., 1846. – №4. – С.18.

⁷ Попавшие в плен к татарам станичники и сторожи обязаны были сообщать следующее: «на Туле, и на Дедилове, и на Резани, в Резанских пригородах, и в Шатцком стоят бояре и воеводы многие, и со многими людьми, и литва, и немцы, и тотаровя казанские, и свияжские, и всех понизовых городов, и мещерские многие казаки и стрельцы с вогненным боем; а на берегу в Серпухове, и на Коломне, и по всему берегу стоят большие бояре и воеводы многие со многими людьми, и стрельцы многие, и казаки донские и вольские и яицкие, и терские атаманы, и казаки, и черкасы, и немцы, и литва, и всякие иноземцы многих земель, многие с вогненным боем; а мы, по вестям смотря, идем с Москвы против недруга своего крымсково царя, где ево скажут, со всею землею и с прибыльными ратьми». См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. / Под ред. В. И. Буганова. В 4 т. – Т. 4. – Ч. 3. – М. – С. 90–91

⁸ «А с елецкими головами, которые будут на Сосне, те головы ссылались и посылали б проезды, с елецкими проезщики, которые от елецких голов будут съезжатись, чтоб обоих проезщиков порозжих мест не было, чтоб теми ми места крымской царь или царевичи или воинские люди на наши украины безвесно не пришли». См.: Грамота ливенскому воеводе Ивану Осиповичу Полеву 1595 г. (Из истории организации сторожевой и станичной службы на юге России в конце XVI в.) // Записки отдела рукописей... – С. 91.

⁹ Город-крепость являлся долговременным поселением, возникшим по военно-политическим причинам, отсюда – особенности социального состава населения и полное государственно обеспечение (оружием, хлебом, деньгами и т.п.). Город-уезд – первичная таксономическая единица в административной структуре Российского государства в XVI–XVII вв.

¹⁰ Царевборисов иногда называли «Царев город Борисов».

¹¹ Царегородская слобода была в Белгороде и Валуйках. В последней она существовала вплоть до 18 века.

¹² Примерную географию происхождения валуйчан дают оттопонимные фамилии: Лихвинцов, Шацкий, Резанцов, Масалитинов, Москвитинов, Дедилов, Ржевской и др.

¹³ Как строителей города, так и прибранных в службу позже.

¹⁴ См. подробнее параграф по социальному составу населения Поосколья.

¹⁵ В данном случае под границами уезда мы понимаем территорию зоны военного влияния города.

¹⁶ Четверть (четь) – мера площади пахотных земель. Определялась как 0,5 десятины. Использовалась в качестве единицы поместного оклада служилых людей.

¹⁷ С одной четверти луга снималось 5 копен сена. Усердские станичники в середине XVII в. получали по 90 копен на человека. Сенные угодья рядового полкового казака в рассматриваемое время равнялись 40 копнам, стрельца – 16, пушкаря – 12. См.: Материалы по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом. – Вып. 15. Акты 17–18 ст. – С. 1705–1706.

¹⁸ На землях, отказанных в поместья Посоховым в конце XVII в., по материалам переписей 1711 и 1722 г. мы уже видим село Посохово (совр. Валуйский р-н) См.: РГАДА. – Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. – Оп. 2. – Ч. 1. – Д. 245. – Л.490.

¹⁹ Дача рядового полкового казака на середину XVII в. составляла 12–18 четь в поле.

²⁰ В 1720 г. на этом месте мы видим деревню Гладкую, названную по фамилии челобитчиков – Дмитрия и Бориса Глатких.

²¹ «А межа тем поместным землям... на речке Полатовке за Полатовским Большим лесом от Караульного логу вверх по Полатовой. Вниз по Живым Водам по обе стороны да полатовские лески ... ниже Мельникова логу подле Большого полатовского лесу...». См.: ГАВО. – Ф.И. – 9. Полатовская приказная изба. – Оп.4. – Д.3. – Лл. 3–3об.

²² «Вверх по речке Полатовой по левою сторону до Мельникова логу, и возле Черной Полатовской лес, и вверх по Волую по Ельмин лог...». См.: РГАДА.– Ф.1209. Поместный приказ. – Оп.163. – Д.12292. – Лл. 358–366.

²³ Усердские станичники являлись детьми боярскими соседнего ближайшего города – Оскола. Поместные оклады и денежное жалованье они получали в Осколе, служа в Усерде «переменяясь по неделе».

²⁴ В оброчной книге 1621-26 г. его отец записан портным мастером.

²⁵ Усерд, Верхососенск, Ольшанск и Полатов мы не рассматриваем подробно, поскольку стрелецкие корпорации этих городов формировались при помощи сведенцев из городов центральной России. В Валуйках формирование служилых групп непосредственным образом было связано с трансформацией различных категорий населения.

²⁶ За начало службы взят первый год упоминания в источнике.

²⁷ Последние выступают в качестве одного из наиболее важных источников по истории порубежных городов Русского государства XVI–XVII вв., в которых содержится информация о военно-служилой иерархии, величине поместного оклада, денежном жаловании и «посылках» служилых людей, расписание станичных маршрутов и обязанностей по несению службы. К сожалению, значительное число десятен не дошло до нашего времени. По Валуйкам сохранилось всего 7 десятен денежных раздач первой половины XVII в. См.: Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции: в 20 т. – М., 1869–1921. – Т. 7. Опись десятен. – М., 1890. – С.83-84.; Самая ранняя из них, раздачи воеводы Н. А. Чоглокова, датирована июлем 1628 г.. Самая поздняя – раздачи стольника И. Ф. Голенищева-Кутузова 1649 г.. Десятню раздачи Н. Аладьина 1627 г. можно частично восстановить по справкам из Разряда и более поздним документам. Информацию о первом наборе в станицы в 1626 г. можно восстановить по Оброчной книге 1621-26 г. и писцовой книге Валоек 1626 г.

²⁸ В Белгороде станичная служба состояла из 400 человек: 40 станичных детей боярских, 40 атаманов, 240 ездоков, 80 вожей. В Осколе станичная служба насчитывала 200 человек: 20 станичных детей боярских, 20 атаманов, 120 ездоков, 40 вожей. Каждая оскольская и белгородская станица состояла из 10 человек: сына боярского, атамана, 6 ездоков и 2 вожей.

²⁹ Краевед А.Г. Чепухин размер хлебного жалованья пушкарей связывал со сроком службы. См.: Чепухин А.Г. Волуйка ... - С. 293.

³⁰ По оброчной книге Валоек 1621-26 гг. торговые места числились за пушкарями Любимкой Сериным, Афонькой Исаевым, Олешей Котыгановым, Позняком Шатцким, Ивашкой Масаловым, Игнатом Посоховым, за затинщиками

К. Бибиковым и Сенькой Насоновым. См.: РГАДА. – Ф.210. Книги Белгородского стола. – Д.8. – Лл.66об-56об.

³¹ Напрмиер, люди пушкарской службы А. Сыромятников в 1621-23 гг. и Б. Кровопусков и И. Бешкеретов с 1630 по 1640 г. поочередно брали городские бани на откуп. См.: РГАДА. – Ф.210. Книги Белгородского стола. – Д.8. Л.60, Булгаков М.Б. организация мелких откупов в России первой половины XVII в. – Тюмень, 1997. – С.52.

³² По мнению воеводской администрации, это являлось потенциальным поводом к бегству «на место выхода». Как видно из документов, такую же позицию разделяли и их товарищи, не желавшие нести ответственность за проступки отдельных групп переселенцев.

³³ Перепись 1646 и 1678 гг. в Валуйском уезде не проводилась.

³⁴ Штраф за оскорбление для крестьянина и гулящего человека определялся в 1 руб. См.: Соборное уложение 1649 г. – М., 1961. – С. 108-109.

³⁵ По мнению автора, социальная мобильность гулящих людей характерна исключительно для ранних этапов освоения того или иного региона. См.: Борисов В.Е. Гулящие люди и другие нетяглые категории населения Зауралья в XVII в. // Новый исторический вестник. - №3. – 2013. – С. 13.

³⁶ Автор, по всей видимости, пользовался не оригиналами документов, а поздними списками или выписками. См.: Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии /Е. Болховитинов. – Воронеж, 1800. – С. 150.

³⁷ «...а преж сево с переводенья мы служивали при царе Борисе одну стоничную службу...». См.: РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. – Д. 25. – Л. 28.

³⁸ «... во сто восьмом году, при царе Борисе, присланы в Оскольский город ямские охотники, и по грамоте велено тех ямских охотников строить воеводе Богдану Сабурову да писцу Юрью Ловчикову усадями и к усаде пашнею...». См.: АМГ. – Т.1. – С. 238.

³⁹ Большинство известных разрядных книг в 7108 г. на Осколе называет воеводой И. Жировой-Засекин. См.: Разрядная книга 1550 – 1636 гг.: в 2т. – Т. 2. – Вып. 1. – М.: АН СССР: Наука, 1976. – С.179; Разрядная книга 1559–1605 гг. – М., 1974. – С. 327; Разрядная книга 1475–1605 гг. – М. – Т.4. – Ч.1. – С.91.

⁴⁰ Согласно разрядным записям, Кромы были построены уже в 1594 г. См.: Разрядная книга 1475-1605 гг. – Т.3. – Ч.3. – С.75.

⁴¹ Древний Курск в XV – начале XVI запустел из-за татарских набегов. Новый город возведен на другом месте.

⁴² Город Борисов на Протве не относился к южным рубежам России и не граничил с Полем.

⁴³ Ямская, Средняя, Стрелецкая, Средняя 2-я, Рязская, Овцына, Средняя 3-я, Курганская, Кропивинская, Данковская, Малая водяная, Банная.

⁴⁴ Байков Исаак Петрович назначен в Валуйку на место попавшего в плен к полякам воеводы И. Колтовского.

⁴⁵ В челобитной валуйчан в Разрядный приказ о «нуже и бесхлебии» находим некоторые подробности строительства: «...и мы, холопи твои, ... астальцы людишка ставили острог и башни на старом городище с великою нужою, животиево мучали – лес на острожное дело возили на себе. А башни ... ставили ... липовые». См.: РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д.130. – Л.120.

⁴⁶ «А башен, государь, не крыл для тово, что в приход больших воинских людей кровля будет смета вить». РГАДА. – Ф.210. Столбцы Московского стола. – Д.106. – Л.197.

⁴⁷ Московская на западной стене и башня со стороны р. Валуй («которая дорога в Борисово городище»).

⁴⁸ В помощь валуйским служилым людям из Царева-Алексеева города направлялось 550 конных стрельцов с головой О. Костяевым. Охрану строителей обеспечивали стрельцы из Ельца, Ливен и Курска. См.: Там же: РГАДА. – Ф. 210. Столбцы белгородского стола. – Д.23. – Лл. 151об, 165–166.

⁴⁹ 10 сажень брался возводить сам стольник, 7 – воевода Ф.И. Байков, по 2 сажени на человека – головам, всем московским стрельцам 315 сажень и 200 сажень валуйским служилым людям. Последние вывозили лес к месту строительства: станичные атаманы и ездоки по 10 бревен (на человека), казаки, стрельцы, пушкари и ямщики – по 8 бревен (погорельцы – по 4 бревна).

⁵⁰ В.П. Загоровский, ссылаясь на указную грамоту чердынскому воеводе, обратил внимание на тот факт, что для финансирования строительства укреплений привлекались средства от общегосударственного чрезвычайного сбора с посадских, дворцовых, монастырских и черносошных крестьян (См.: Загоровский В.П. Белг. черта. – С. 94.). В помете на данной указной грамоте значится: «В Пермь Великую, в Чердынь и к Соли Камской, воеводе нашему Богдану Ивановичу Капынину...» (См.: Царская грамота Чердынскому воеводе ... о сборе с монастырских и

церковных земель денег для построения на Украине городков и острогов, в отвращение набегов Крымских татар // АИ. – Т.3. – С. 350.). Подобные грамоты воеводам других городов нам обнаружить не удалось. Вместе с тем, обращает на себя внимание общая стоимость порубежного строительства на Кальмиусской сакме в 1637 г. (11574 рубля 15 алтын и 24 000 четвертей хлеба) и раскладка сбора по указной грамоте: «а для того городского дела и на наше жалованье ратным людем указали есмя взятии в городех, по писцовым книгам, с живущих четьи: с посадов и с черных волостей и с Мордовских земель с чети пашни по полтине, а с наших дворцовых сел с выти по полтине ж, а с патриарших и с митрополичьих и архиепископских и с монастырских вотчин и с церковных земель с чети пашни по сороку алтын» (См.: АИ. – Т.3. – С. 349.) Соотношение установленного сбора для Перми Великой с приводимой В.П. Загоровским суммой позволяет сделать вывод о том, что финансирование строительства производилось исключительно за счет вышеназванной области. Так, для примера: за 1639 г. недоимки по стрелецким деньгам только с одного Чердынского посада составляли 741 рублей 8 алтын 4 деньги, на 1640 г. – 1482 рубля 16 алтын и 4 деньги. (См.: АИ. – Т.3. – С.354).

⁵¹Подготовка места и своз материалов для будущего города началась со сходом снега: с 9 апреля по 1 мая казаками и стрельцами на Нижнее Усердское городище, выбранное для строительства, было вывезено 10520 дубовых бревен длиной в 3, 3,5 и 4 сажени и диаметром 5-8 вершков. См.: РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 85. – Л.658.

⁵² Стена детинца.

⁵³ Косая сажень — единица измерения, равная 2,48 м. Так как в большинстве используемых документах не указан вид сажени, при переводе в метры следует применять закрепленную Соборным Уложением казенную 3-х аршинную сажень (216 см).

⁵⁴ Верховья р. Сосенки, левого притока Тихой Сосны. В этом же месте находился Верхососенский лес.

⁵⁵В связи с этим предложением валуйскому воеводе И. Позднякову было поручено осмотреть и описать урочища по р. Осколу ниже Валук, после чего правительство разрешило атаману строительство и заселение нового городка, который должен был стать преградой на пути татарских отрядов при переправе через реку, а также для охраны проезда из «украинных» городов в Царев-Борисов и Тор к соляным варницам; РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 599. – Л.664. Из

отписки чугуевского воеводы в Белгород известно, что уже на следующее лето 1668 г. под Двуречный городок приходили татары, а осенью – воровские черкасы. Наиболее сильному разорению подвергся городок во время татарского набега в июле 1678 г., когда были выжжены все пригородные слободы и хутора, а большинство жителей угнано в плен См.: Гумилевский, Д. Г. (Филарет) Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Т. 2. – С.370.

⁵⁶ Помощник П.В. Шереметьева в строительстве Оскольского участка засечной черты.

⁵⁷ Современный г. Купянск в Харьковской обл.

⁵⁸ По всей видимости, в первые годы существования, городок выгорел; РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 147. – Л.1047.

⁵⁹ Дороги для мирного населения прокладывались вдоль надолб и проходили через проездные башни или ворота рядом с башней.

⁶⁰ «На городовые и на острожное дело, и на полевые на всякие крепости лес вывесть против государева денежново и земляново окладу по розвытке всем поровну по зимнему пути». РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д.265. – Лл.54.

⁶¹ Возведение надолб на центральном участке рассматриваемого региона (в Валуйской округе) продолжалось вплоть до начала 1680-х гг., когда строительные работы по укреплению линий полевых крепостей проводились в последний раз. РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д.217. – Л.501–507.

⁶² От Оскола до Валую четвертый ряд протянули на 3916 саженьей, в Праворотье – третий ряд на 586 саженьей, за р. Мосеем третий ряд на 277 саженьей, вверх по р. Валую – 300 саженьей, 49 саженьей на валуйских перелазах и 277 саженьей с напольной стороны Черкаской слободы. См.: РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д.362. – Лл.32–38.

⁶³ «От города Усерда в 3 верстах от реки Сосны учинен земляной вал, ослонен дубовым лесом на 1170 саженьях до большого заповедного Иловского лесу, подле того земляного вала построены для караулов 4 башни, а от того земляного вала болшим заповедным лесом Иловским сделано надолоб на 120 саженьях в 3 ряда, а от тех надолоб Иловским же лесом до праворотья засечена засека на 2 верстах на 10 саженьях, поперег на 40 сажень, в праворотье земляной вал ослонен дубовым лесом на 220 саженьях, на том земляном валу устроена для караулу башня; а от того земляного вала от проворотья болшим заповедным Иловским лесом до Олшанского рубежа засечена засека на 5 верстах, поперег 40 сажень...» // ДАИ. – Т.9. – С.278.

⁶⁴ До 1649 г. Верхососенск считался пригородом Царева-Алексеева и управлялся его воеводами.

⁶⁵ Временный укрепленный пункт без постоянного населения.

⁶⁶ Раздоры – место раздвоение русла реки на два рукава.

⁶⁷ Дальнобойная длинноствольная артиллерия.

⁶⁸ Калибр 84 мм.

⁶⁹ Калибр 76 мм.

⁷⁰ Калибр 66 мм.

⁷¹ По всей видимости – полуторные пищали.

⁷² Без указания калибра и наличия «зелья». РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 117. – Л.814об.

⁷³ Технические особенности его строительства и функционирование, сведения о качестве и объеме воды в колодцах фиксировались в воеводских отписках, росписных списках и годовых сметных книгах.

⁷⁴ Тайник из острогу копан под гору к реке Валуйке, до воды по мере от острога 30 сажень, а поперек тайника по мере сажень, стены в тайнику по мере от земли в верх сажень без чети, тот тайник доведен до реки Валуя, у реки в том тайнике копан колодезь, поставлен [сруб] дубовый и тот тайницкий колодезь около обмыло водою и с верху землю и потолок разнесло и ныне тот таницкой колодезь не сделан и не вычищен, в приход ... воинских людей в осадную пору имать воду из тово колодезя не мочно «См.: Описание города Валуйки 1644 года // Шапошников Н. В. Heraldica: Исторический сборник. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 76.

⁷⁵ «колодезь а вставлен струб дубовой. И вода в том колодезе есть». См.: РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 94. – Л. 45.

⁷⁶ «... построен был в дубовом лесу и утаен был землею, а ныне тот тайник весь огнил и оболялся и воды в нем нет». См.: ДАИ. – Т.9. – С. 174.

⁷⁷ «засечена засека в заповедном Ыловском лесу всяких чинов усердскими служилыми людьми отвалу, от подлесной башни, до Ольшанскова рубежа на семь верст на десять сажень, а засека сечена поперек на 40 сажень». См.: Марков Е. Валы защитной черты по реке Тихой Сосне (Местное исследование) // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. – Т. 2. 1904. – С. 130.

⁷⁸ На наш взгляд, это является прямым указание м на то, что татарские отряды в «рязанской украине» располагались не кочевьями, а кошами, тем самым подвергая постоянному ограблению пограничные уезды.

⁷⁹ В 1614 г. крымские татары подходили к Брянску, Одоеву, Смоленску (вместе с поляками). См.: Книга сеунчей 1613–1619. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г.). – С. 245.

⁸⁰ Книги составлены боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым и боярином Иваном Никитичем Салтыковым. Согласно разрядным записям за Смутное время князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский в 1603/04 г. получил назначение воеводой в Белгород и прослужил на этом месте до февраля 1605 г. Следовательно, раздаточная книга составлена не позднее марта 1605 г. См.: РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д.60. – Л.326; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). – М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1907. – С. 210.

⁸¹ Писцовая книга содержит отсылки к приправочным книгам кн. Г.Волконского 1599 г., дозорным книгам О.Секирина 1618 г. и писцовым книгам М.Юшкова. В 1615/16 г. дозорщик О.Секерин и подьячий Д. Русанов получают наказ Поместного приказа дозреть города Белгород и Старый Оскол и уезды. Белгород в 1616 г. был подвержен нападению, а Старый Оскол сожжен. В текстах дозорных книг не упоминаются ссылки на описи прошлых лет, и поэтому трудно судить, какой приправочной документацией были снабжены дозорщики. О. Секерин получил назначение в Савинов монастырь (Москва) в 1616 г., а Д. Русанов назначен дозорщиком в город Белев. См.: Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства... – С. 66.; Книги Юшкова составлены между 1599 и 1618 г. А.Л. Станиславский называет 1603 г. См.: Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII вв.: Казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М.: Мысль, 1990. – С.14.

⁸² «Прислано на Оскол после Литовского разоренья денежное жалованье ... давать жилым казакам и стрельцом...; из нашей же братьи из жилых казаков взяли в станичные ездки двадцать четыре человека...». См.: АМГ. – Т.1. – С. 163.

⁸³ Южнорусские уезды подвергались постоянным нападениям со стороны крымских татар и ногайцев даже в самые благополучные в военном отношении для государства времена.

⁸⁴ Полный текст указа до нас не дошел. Документ известен по изложению И.Д. Беляева. По его мнению, изменение станичного устава связано, в первую очередь, с изменением расположений сторож.

⁸⁵ «... ежели же где наедут на сакму конских людей, то, объехавши её и рассмотря, людей до точности сколько и какие люди, и в какую сторону идут, сами бы с подлинными вестями бежали к воеводе». См.: РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 127. – Лл.257–258.

⁸⁶ По всей видимости, дети боярские и казаки набирались принудительно, поскольку уже в июне 1625 г. воронежские воеводы отправили в Разрядный приказ список «новоприбранных, что сбежали со службы с Волуйки». См.: ГАВО. – Ф.И. – 182. – Оп.6. – Д.10. – Л.1.

⁸⁷ В ряде работ названа дата – февраль 1625/26 г. С этим трудно согласиться. Грамота в Воронеж датирована февралем 1625 г. и, следовательно, процесс формирования станиц в Валуйках уже начался. Деятельность в Среднем Поосколье писцов для испомещение новоприбранных станичников началась в феврале 1626 г. Отсюда вывод – формирование станиц затянулось на целый год, а испомещение станичников началось, традиционно для писцовых описаний, зимой (1626 г.), когда набор уже завершился.

⁸⁸ « ... тем волуйским стрельцам и казакам которые взяты в атаманы и в ездоки подать в Стрелецком приказе росписи в котором годе и сколько человек ... из стрельцов и казаков взято и по какому указу, ... того в Стрелецком приказе неведомо, потому что выбирают их по государевой грамоте из Розряду ... и Стрелецкому приказу не говорят и за тем многие стрелецкие и казацкие службы запустели». См.: РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 25. –Л. 6.

⁸⁹ РГАДА. – Ф.210. Дела десятиен. – Кн.143. – Л.2. В 1571 г. на этом месте стояли рыльские и путивльские сторожи. См.: АМГ. – Т.3. – С.7–8; В КБЧ об этом перевозе сказано следующее: «А ниже Ляхова перелазу, на Донце, Савинской перевоз, от Ляхова верст за 20, с Крымской стороны на Русскую сторону. А ниже Савинского перевозу пала в Донец речка Чепель, от Савинского верст с 15». См.: Книга Большому чертежу... – С.74.

⁹⁰ Полоса земли у реки, заливаемая весенним разливом

⁹¹ Болотные родники.

⁹² В 1674 г. Яковом Черниговцем основана слобода Большой Бурлук.

⁹³ «В нынешнем 183 (1675) году июня 17 были за Цареборисовым Татаре, - на три большие дороги, пошли вверх по Осколу. И чают их приходу под Государевы украинные города, под Чугуев и под иные города. И тебе, Господине, по указу Великого Государя, писать о том в Печенеги, чтоб мене ходили на поле. А я с

полком пошёл июня в 19 день вверх по Осколу». См.: Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание ... – Т.2. – С.258.

⁹⁴ *Белгород, Оскол, Ливны, Кропивна, Епифань, Рязжск, Мценск, Воронеж, Дедилов, Новосиль, Донков, Елец, Курск, Валуйки, Путивль, Рылъск.*

⁹⁵ «1-я сторожа с Русково приезде на Белом Созоне на большой дороге у мосту, от города 6 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека. 2-я сторожа на Созоне ж под лесам на Изроге, от города 7 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека. 3-я сторожа за Созоном верх Волуйского лесу у Кальмиюской сакмы, проезду от ней к Посольской гати 20 верст. Сторожей на ней стоят по 4 человека. 4-я сторожа выше города на речки на Волуйке под лесом на шипу, от города 5 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека. 5-я сторожа за рекою за Волуйкою против Мосеева калодезя на кургане, от города 6 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека. 6-я сторожа на кургане на степе, от города 6 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека. 7-я сторожа на третьем кургане на степи, от города 6 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека. 8-я сторожа на четвертом кургане у дороги, что едет к Борисову городищу, от города 6 верст. Проезду меж тех сторож по версте, от сторожи до сторожи видит. Сторожей на ней стоят по 2 человека. Дальние сторожи: 1-я сторожа под Волуйским лесом меж реки Волуйки и Полатовой, от города 10 верст. Проезду с ней к Тихой Сосне и к Каменому броду 40 верст. Сторожей на ней стоят по 4 человека. 2-я сторожа за рекою за Осколом верх Бурлуков и Казиной, от города 15 верст. Проезду от той сторожи через Изюмскою и Савинскою сакму к Волчьим Водам 40 верст. Сторожей на ней стоят по 4 человека». См.: Беляев И.Д. О станичной и сторожевой службе... – С. 73.; РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 25. – Л. 148–149.

⁹⁶ «1-й - на горе Шип, напротив Полатовской башни в 2 верстах от города; 2-й - в устье Мосея у брода в 5 верстах от города; 3-й - напротив устья речки Полатовки и Большого Полатовского леса в 12 верстах от города; 4-й – «за рекой Осколом за полевыми крепостями на Козинке около Большого Оскольского леса» в 7 верстах от города». См.: РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 52. Л. 50–50об.;

⁹⁷ «1-я сторожа стоит вниз по реке Сосне на изроге Иловского лесу от города Усерда полтрети версты, оберегает та сторожа Кальмиюския сакмы в Каменном и в Черемховом брде. 2-я сторожа стоит в Иловском лесу в правороте, оберегает татарские сакмы в городинской и в Черемховой и в Чесношной и в Александров

брод, а от Усерда тое сторожи полпяти версты. 3-я сторожа стоит по конец Иловского лесу к Ольшанскому городищу. Оберегает та сторожа татарские сакмы в Чесношной брод, а от Усерда до той сторожи 15 верст. 4-я сторожа стоит на реке на Тростянке оберегает та сторожа татарские сакмы в Осиновой брод и в Вязовский перелаз, а от Усерда до той сторожи 17 верст. 5-я сторожа стоит от города Усерда вверх по реке по Сосне меж Сосенского и Гридякина леса в правороте оберегает та сторожа чтоб воинские люди идучи из Руси к городу Усерду безвестно не пришли, а от Усерда до той сторожи 8 верст. 6-я сторожа стоит верх Малого Усердца по Московской дороге оберегает та сторожа чтоб воинские люди идучи из Руси к Усерду безвестно не пришли, а от Усерда до той сторожи 10 верст». См.: Строильная книга Усерда 1637/38 г. // Багалея Д. И. Материалы... – Т.2. – С. 26.

⁹⁸В апреле 1637 г. в результате боя на р. Богучар воронежцы «счастьем татар побили, и лошадей поймали, и многую татарскую рухлядь – саадаки и сабли и арчаки и узды и котлы – отгромили, а в языцах взяли и привели ... азовских и ногайских татар 24 человека». См.: Глазьев В.Н. Противоборство в степном пограничье... - С. 11.

⁹⁹ В конце 1611 г. рязанцы в челобитной писали государю, что «татары без выходу, в посаде, и в селах и в деревнях людей в полон поймали и многих посекали, и стада конские и животинные поотогнали, а села и деревни многие пожгли. И после, ..., тотарской войны воевали у нас на Резани черкасы...». См.: Веселовский С. Б. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613. - Пг., 1911. – С. 32.

¹⁰⁰ «И пошли ... в Литовскую землю крымские и нагайские люди воевать с мурзами. .. и воевали надвое: крымские люди воевали Каневские места да Белую Церковь, а нагайские ... люди ходили в левую сторону ко Львову. А бою ... в Литовской земле с литовскими людьми нигде не было». См.: Из отчета о российском посольстве в Крым, возглавляемое А. Лодыженским и Р. Болдыревым // Документы российских архивов по истории Украины. – Т.1. Документы по истории запорожского казачества 1613–1620 гг. – Львов, 1998. – С. 113, 125–126.

¹⁰¹ Так, например, в 1617 г. произошло нападение на посольство Федора Аладьина, проводившее размену с крымцами под Валуйками. См.: Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова, собранные из книг и столбцов прежде бывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. - Ч. 1., 1882. – Стб. 264.

¹⁰² Одно из немногих свидетельств «прихода» в Среднее Поосколье в 1625 г. связано с первыми месяцами функционирования станичной службы с центром в Валуйках. Станичный разъезд, состоящий из детей боярских Рязска, досматривая в начале июля Поле в районе речки Двуречной, встретил татар «человек со сто о дву конь». Отписка окольничего князя Григория Волконского со сведениями о неприятеле уже 15 июля была доставлена в Воронеж станичником сыном боярским Ильей Беляевым. См.: Грамота царя Михаила Федоровича о принятии мер предосторожности против татарских набегов по случаю показания ряшанина Кузмищева о появлении на ногайской стороне, в 40 верстах от Валук на речке Песковатой татар человек со сто одвуконь // Второв Н., Александров-Дольник К. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. – Кн.2. – Воронеж, 1852. – С. 5–6.

¹⁰³ Лишь только в конце осени 1625 г., во время посольской размены под Валуйками, степняки пытались отогнать «животинные стада», предназначенные для «прокорма посольских татар». См.: Дело по челобитью Ивана Ромодановского да Романа Колтовского о придаче им за тульскую службу поместных и денежных окладов // АМГ. – Т.1. – С. 538.

¹⁰⁴ 25 июля 1623 г. валуйский воевода В. Ляпунов получил известие от донского казака Алеши Игнатова о намерении азовских татар «прийти войною под Валуйку и Белгород и на Тору». Однако нападение не состоялось, поскольку отряд кочевников обошел валуйские укрепления стороной. См.: Отписка валуйского воеводы Владимира Ляпунова о вестях про черкасс и донских казаков // АМГ. – Т. 1. – С. 192.

¹⁰⁵ Левое и правое крыло татарского войска, выступавшие в роли передовых разведывательных отрядов.

¹⁰⁶ Сын хана Джанибек Гирея. См. подробнее: Новосельский А.А. Борьба Московского государства... – С. 214.

¹⁰⁷ 6 августа 1634 г. валуйская станица атамана Федоса Карякина, патрулируя оскольское правобережье рядом с речками Нежеголью и Волчьими водами, встретили передовой татарский разъезд, уже возвращавшийся «из Руси» с полоном. Навстречу им из Валук был выслан отряд, собранный из станичников, казаков, стрельцов, пушкарей, затинщиков и гулящих людей во главе с Федором Байковым. Татар удалось перехватить только при переправе через Оскол в устье речки Ольшаницы, освободив при этом 27 пленных «и многих татар побив и разогнав по

степи». Через несколько дней, 12 августа Федор Байков снова на одной из оскольских переправ отбил у татар 26 пленных. 17 сентября валуйский стрелецкий голова Василий Каменев разбил татар на Кальмиусской сакме «близ Айдару на речке на Лозовой», освободив 21 пленного, захваченных в курском уезде. 18 сентября оскольская станица головы Ивана Прокудина перехватила татар при выходе из-под Валук на Тихой Сосне, взяв при этом нескольких «языков» и отбив полон. См.: РГАДА. – Ф.210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 54. – Лл. 54–57, 503–505; РГАДА. – Ф.210. Столбцы Московского стола. – Д. 101. – Л. 790.

¹⁰⁸ Имеется в виду в отсутствие войск на границе.

¹⁰⁹ Левый берег р. Оскол.

¹¹⁰ Здесь речь идет о прорыве валуйского гарнизона во главе со стрелецким и казачьим головой С. Анненковым в мае 1633 г. из горящего города, осажденного отрядом Я. Остряницы.

¹¹¹ В отписке воевода сообщал, что жители округа, держащие пчельники, не выполняют царский указ: «валуйские пчелинцы ... со пчельников из за крепостей и из крепостей в город с женами и с детьми и с животиною не едут, а по вестям, в сполошное время, как в колокол звонят, и из пушки стреляют, не слушают и в город не едут и на пчельниках живут без опасения и житницы в городе не ставят и хлеба в город не везут, весь хлеб молоченой по слободам в домех ..., а не молоченой по гумнам». См.: Отписка из Валуйки воеводы Ю. Наумова о защите тайника и о сборе пчелинцев в осаду // АМГ. – Т.3. – С. 300–301.

¹¹² С возведением в феврале 1671 г. города Полатова на р. Сенной, в пределах Валуйской, округи обезопасило Новый Оскол, Яблонов и Верхососенск от постоянных татарских набегов на данный участок черты.

¹¹³ Одновременно с этим, двуречанский сотник И. Трофимов и балакалейский сотник А. Авдеев сообщили в Валуйки о намерении хана совершить набег по Муравской сакме для прорыва черты в районе Белгорода.

¹¹⁶ Жестовые горы – выступы меловых отложений на левом берегу реки Оскол в пределах современных Волоконовского и Новооскольских районов Белгородской области. Подробнее смотри: Ломако Н. Жестовый острожек / Н. Ломако // Вперед. – №107 (11851), 2013. – С. 3.

¹¹⁷ Станица атамана И. Каторжного обнаружила только сакму в верховьях речки Осиновки, а черкашенин харьковского полка С. Федоров сообщил о переправе 5 сентября татарского отряда через Северский Донец на Изюмском броду. ГАВО. – Ф. И.8. Валуйская приказная изба. – Оп.2. – Д.24. – Л.352.

¹¹⁸ В.П. Загоровский, без ссылки на источник, говорит о срыве планов Турции и похода крымских татар к порубежью весной – в начале лета 1678 г. См.: Загоровский В.П. Изюмская черта. – С. 97.

¹¹⁹ Яицкие казаки, сотня стрельцов из Валук и Цареборисова.

¹²⁰ Так, например, 26 сентября под Валуйку подошел отряд калмыков, проломивший укрепления со стороны «Полатовской росоши» и захвативший в полон нескольких служилых людей. Организовав погоню, валуйский воевода М.А. Опухтин настиг и разбил калмыков на речке Полатовке, отбив захваченный полон. См.: Загоровский В.П. Изюмская черта. – С. 197; РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Севского стола. – Д. 337. – Л. 543–544.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук под редакцией Н.А. Попова. Разрядный приказ, Московский стол (далее АМГ). – СПб., 1890. – Т.1: 1571–1634 гг. – 810 с.;
2. АМГ. – СПб., 1894. – Т. 2: 1635–1659 гг. – 818 с.;
3. АМГ. – СПб., 1901. – Т. 3: 1660–1664 гг. – 704 с.
4. Акты относящиеся к истории Войска Донского: в 2 т. – Т. 1. – Новочеркасск, 1891. – 321 с.
5. Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб., 1848. – Т. 2. 1506–1544. – 440 с.
6. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее АЮЗР). – СПб., 1863. – Т.1. – 367 с.
7. АЮЗР. – СПб., 1875. – Т. 8: 1668–1669, 1648–1657. – 400 с.
8. АЮЗР. – СПб., 1879. – Т. 11: 1672–1674. – 410 с.
9. АЮЗР. – СПб., 1882. – Т. 12 : 1675–1676. – 439 с.
10. Александров-Дольник К., Второв Н. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова: в 3 кн. – Кн. 1. – Воронеж, 1852. – 452 с.; – Кн. 2. – Воронеж, 1854. – 523 с.
11. Анхимюк Ю.В. Разрядная книга 1598–1602 гг. // Русский дипломатарий. – М.: Древлехранилище, 2003. – Вып. 9. – С. 361–413;
12. Архив П. А. Сопина // МУК «Валуйский историко-художественный музей». – Д. 252. – Лл. 1–70.
13. Багaley Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии) в XVI–XVIII ст. / Д. И. Багaley. – Х., 1886. – Т.1. – 362 с.
14. Багaley Д.И. Материалы по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства / Д.И. Багaley. – Т. 2. // Сборник ХИФО. – 1890. – 437 с.
15. Багaley Д. И. Новые материалы для истории Слободской Украины / Д.И. Багaley // Сборник ХИФО. – 1893. – Т. 5. – С. 172–280;

16. Бер М. Летопись Московская с 1584 по 1612 г. / М. Бер. // Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрие самозванце. – Ч. 3. – СПб., 1859. – С. 3–143.
17. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII века и роспись русского войска 1604 года. Указатель состава государева двора по фондам Разрядного приказа: в 2 ч. – М., 1979. – Ч. 1. – 342 с.
18. Боярский "подлинный" список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. – М.: Древлехранилище. – Вып. 8. – 2007. – 457 с.
19. Буганов В. И. Грамота Ливенскому воеводе Ивану Осипову Полеву 1595 года (Из истории сторожевой и станичной службы на юге России в конце XVI века) / В. И. Буганов // Записки отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина. – Вып. 20. – 1958. – С. 177–185.
20. Буганов В. И. Разрядная книга Д. М. Пожарского / В. И. Буганов // Записки отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина. – Вып. 20. – 1958. – С. 90–100.
21. Буссов Конрад. Московская хроника 1584–1613 гг. / Буссов Конрад. – М.: Наука, 1961. – 112 с.
22. Веселовский С. Б. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613. – Пг., 1911. – 228 с.
23. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1. 1620–1647 гг. – М., 1953. – 587 с.; – Т. 2. 1648–1651. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 558 с.; – Т. 3. 1651–1654. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 644 с.
24. Герберштейн С. Записки о московитских делах / С. Герберштейн. – СПб., 1908. – 450 с.
25. Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – 274 с.
26. Грамота царя и великого князя Федора Алексеевича на Дон с изъявлением похвалы казакам за службу их под Царев-Борисов, за поход против азовцев и ногайцев под Чугуев и за битву с ними во время второго прихода их под украинные города, о возвращении казаков на Дон и о посылке им

- жалованья. 2 августа 1679 г. // Лишин А. А. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. – Т.1, 1891. – С. 104–105.
27. Дворцовые Разряды. 1612–1628: в 4 т. – Т. 1. – СПб. 1850. – 1256 с.
28. Документы российских архивов по истории Украины. – Т.1. Документы по истории запорожского казачества 1613–1620 гг. – Львов: «Миссионер», 1998. – 446 с.
29. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею (далее ДАИ). – СПб., 1857. – Т. 6. – 396 с.; – Т. 7. – СПб., 1859. – 401 с.
30. Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова, собранные из книг и столбцов, прежде бывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. – М. – Ч. 1. – 1882. – 912 стб.
31. Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1902. – Вып. XXIV. – 112 с.
32. Из челобитной белгородского воеводы И. Волынского царю об отражении нападения польских войск // Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1963. – С. 88.
33. Иосафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.
34. Книга Большому чертежу / Под ред. Сербиной К. Н. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 227 с.
35. Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1838. – 261 с.
36. Книга сеунчей 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы (*Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia*). – Т. 1. – Москва – Варшава: Археографический центр, 1995. – 201 с.
37. Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. – Санкт-Петербург: В Тип. II

- отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853–1856. – СПб., 1853. – Т.1. – 657 с.
- 38.** Летопись о многих мятежах и о разорении Московского Государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времён многих случаев, по преставлении Царя Иоанна Васильевича, а паче о Междугосударствовании по кончине Царя Фёдора Иоанновича и о учинённом исправлении книг в царствование благоверного государя Царя Алексея Михайловича в 7163–1655 году. Собрано из древних тех времён описаний. – СПб., 1771. – 145 с.
- 39.** Маржерет Ж. Россия начала XVII в. / Ж. Маржерет. – М., 1982. – 250 с.
- 40.** Масса И. Сказание Массы и Германа о Смутном времени в России / И. Масса. – СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1874. – 320 с.
- 41.** Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. – Т.2. Книга писцовая М. Хлопова да подьячего Л. Недовескова 134 г. – Воронеж, 1891. – С.143–185.
- 42.** Материалы по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом. – Воронеж, 1886. – Вып. 9. Валуйские документы. – Воронеж, 1886. – 520 с.
- 43.** Материалы по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом. – Вып. 10. Акты 17–18 ст. – Воронеж, 1886. – 959 с.
- 44.** Материалы по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом. – Вып. 13. Акты 17–18 ст. – Воронеж, 1888. – 1421 с.
- 45.** Материалы по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом. – Вып. 15. Акты 17–18 ст. – Воронеж, 1889. – 1780 с.
- 46.** Мицик Ю. А. Пухальська Н. Я. Італійська брошура 1633 року про участь запорожців у Смоленській війні (1632–1634 рр.) / Ю. А. Мицик Н. Я. Пухальська // Український історичний журнал. – № 3. – 2010. – С. 213–218.

47. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции (далее Описание МАМЮ). – М., 1890. – Кн. 7. Опись десятиен. – 423 с.
48. Описание МАМЮ. – М., 1896. – Кн. 10. Книги Белгородского, Приказного, Денежного и Киевского столов, дела разрядные и разных городов, разрядные вязки. – VI, 526, 38 с.
49. Описание МАМЮ. – М., 1899. – Кн. 11. Столбцы Московского и Владимирского столов. – XIII, 509, 55 с.
50. Описание МАМЮ. – М., 1901. – Кн. 12. Столбцы Новгородского и Белгородского столов. – 551, 76 с.
51. Описание МАМЮ. – М., 1903. – Кн. 13. Столбцы Белгородского стола. – 546, 83 с.
52. Описание МАМЮ. – М., 1905. – Кн. 14. Столбцы Белгородского стола. – 338, 84 с.
53. Описание МАМЮ. – М., 1908. – Кн. 15. Столбцы Приказного стола. – 533, 154 с.
54. Описание МАМЮ. – М., 1910. – Кн. 16. Столбцы Приказного стола. – 518, 184 с.
55. Описание МАМЮ. – М., 1912. – Кн. 17. Столбцы Приказного стола. – XVI, 452, 160 с.
56. Описание МАМЮ. – М., 1913. – Кн. 18. Столбцы Севского стола. – 410, 110 с.
57. Описание МАМЮ. – М., 1914. – Кн. 19. Столбцы Севского стола. – 278 с.
58. Описания города Острогжска 1672, 1677, 1683, 1687, 1690, 1694 гг. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – X., 1893. – Т. 5. – С. 45–90.
59. Опись города Валуйки 1644 года // Шапошников Н. В. Heraldica: Исторический сборник. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 71–77.
60. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (с 1594 по 1621 год). – Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. – Т. 2. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. – СПб., 1852. – 469 с.
61. Первое письмо опричного думного дворянина Василия Григорьева Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена. 1576

- год // Обнорский С.П. Хрестоматия по истории русского языка : в 2 ч. / С.П. Обнорский, . – М.: Учпедгиз, 1948–1952. – Ч. 1., 1952. – С.262–263.
62. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец / П. Пирлинг. – М., 1912. – 245 с.
63. Полевой Н.А. Русская вивлиофика, или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы. – Т.1. – М., 1833. – 426 с.
64. Полное собрание законов Российской империи : [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]: в 45 т. – СПб., 1830–1851. – Т. 1. С 1649 по 1675 год. – СПб., 1830. – 987 с.
65. ПСРЛ. – Т. 14. – М.: Наука. – 434 с.; - Т. 22. – Ч.1. – СПб., 1911. – 345 с.; – Т. 34. – М.: Наука. – 452 с.
66. Посылка от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею гонца Шемерденя Умачева... // Сборник Императорского Русского исторического общества. – Вып. 41. – СПб., 1884. – С. 52.
67. Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / С. Б. Веселовский. – М., 1983. – 479 с.
68. Разрядная книга 1475–1605 гг. / Под ред. В. И. Буганова: в 4 т. – Т. 2. – Ч. 2. – М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1982. – Т. 4. – Ч. 1. – М.: Изд-во РАН, 1994. – 521 с.
69. Разрядная книга 1475–1598 гг. – М.: Наука, 1966. – 617 с.
70. Разрядная книга 1550–1636 гг.: в 2т. – Т. 2. – Вып. 1. – М.: АН СССР: Наука, 1976. – 574 с.
71. Разрядная книга 1559–1605 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1974. – 436 с.
72. Разрядная книга 1637–1638 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1983. – 186 с.
73. Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. – Кн. 1, 1849. – С. 1–60.
74. Разрядная книга 7124 года // Временник общества истории и древностей российских. – Кн. 2, 1849. – С. 1–86.
75. Разрядная книга 7125 года // Временник императорского общества истории и древностей российских. – Кн. 3, 1849. – С. 25–62.
76. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею (далее РИО). – СПб., 1906. – Т.24. Донские дела. – Кн.2. – 694 с.; – Т.26. Донские дела. – СПб., 1909. – Кн.3. – 664 с.; - Вып. 41. – СПб., 1884. – 596 с.

- 77.Роспись города Усерда 1647 г. // Сборник князя Хилкова: [документы по истории России XVI–XVII вв.]. – СПб. : Тип. брат. Пантелеевых, 1879. – С.219–221.
- 78.Синбирский сборник. – Т.1. Часть историческая. Разрядная книга. – М., 1844. – 161 с.
- 79.Сметный список 139 г. // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн. 4, 1849. – 51 с.
- 80.Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – Кн. 3, 1911. – 53 с.
- 81.Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – СПб., 1819. – Ч. 2. – 452 с.
- 82.Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / Сост. А. Барсуков. – СПб., 1902. – 612 с.
- 83.Труды Воронежской ученой архивной комиссии (ТВУАК) / Под ред. С. Е. Зверева. – Воронеж, 1902. – Вып. 1. – 456 с.; – Вып. 2, 1904. – 399 с. – Вып. 4, 1908. – 426 с.; ТВУАК. – Вып. 5, 1914. – 400 с.
- 84.Указ из Разряда Валуйскому воеводе князю Феодору Андреевичу Звенигородскому с товарищами о доставлении в Разряд валуйцев, подозреваемых в услугах татарам, от 9 октября 1601 г. // Известия Калужской ученой архивной комиссии за 1902 г. – Калуга, 1903. – С. 7–9.
- 85.Флетчер Дж. О государстве русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны / Дж. Флетчер. – М. 1867. – 139 с.
- 86.Челеби Э. Книга путешествий / Э. Челеби. – Вып.1. – М., 1961. – 345 с.
- 87.Ярлык Крымского хана Менгли-Гирея Литовскому великому князю Сигизмунду. 1506-1597 гг. // Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб., 1848. – Т. 2. 1506–1564. – 440 с.
- 88.Российский государственный архив древних актов
Ф.1209. Поместный приказ
Оп. 77.
Д. 34699. Дело о размежевании угодий.
Л. 161–163.
- 89.Российский государственный архив древних актов.

- Ф.1209. Поместный приказ.
Оп.163.
Д.12292. Лл. 358–366.
- 90.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Оп. 1.
Д. 33. О татарах (без даты)
Лл.296–328.
- 91.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии.
Оп. 7.
Д.2259. 2 л.
- 92.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии.
Оп. 7.
Д. 2260. 13 л.
- 93.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии.
Оп. 7.
Д. 2261. 18 л.
- 94.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии.
Оп. 8.
Д. 2269. 2 л.
- 95.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен.
Кн. 143. Десятня денежной раздачи валуйским станичным атаманам и ездокам раздачи воеводы Никиты Александровича Чоглокова. 1628 г. –
Лл.1–37.
- 96.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен.
Кн. 213. Десятня денежной раздачи усердским станичникам головам детям боярским и атаманам, ездокам и вожжам раздачи на Усерде стольника и воеводы князя Федора Никитича Борятинского да подьячего Якова Чертенкова. 1647.
Лл. 394–400.
- 97.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен.

- Кн. 223. Десятня денежной раздачи валуйским станичникам атаманам и ездокам раздачи на Валуйках воеводы Федора Исааковича Байкова да подьячего Якова Чертенкова. 1647 г.
Лл.401–422.
- 98.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятиен.
Кн. 249. Десятня денежной раздачи валуйским станичникам раздачи на Валуйках воеводы Федора Ивановича Голенищева-Кутузова да подьячего Юрия Зяблого. 1641 г.
Лл. 86–105.
- 99.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятиен.
Кн. 301. Десятня денежной раздачи валуйским станичным детям боярским раздачи на Валуйках воеводы Исаака Петровича Байкова да подьячего Михаила Владимировича. 1633 г.
Лл.1–8.
- 100.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
Оп. 6 д.
Д. 18. Строильные книги нового Царева Алексея города. 1646–1648 гг.
- 101.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
Оп. 6 д.
Д. 87. Сметные книги городов. Лл. 187-279. – 780 л.
- 102.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
Оп. 6 д.
Д. 94. Росписные списки городов. 1675–1679 гг. – 1342 л.
- 103.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
Оп. 6 д.
Д. 117. Годовая сметная книга городов, ведавшихся Белгородским столом. 1681/82 гг. – 908 л.
- 104.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
Оп. 6 д.
Д. 124. Ч. 3. Годовая сметная книга городов, ведавшихся Белгородским столом. 1683/84 гг. – 786 л.
- 105.** Российский государственный архив древних актов.

- Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
Оп. 6 д.
Д. 147. Годовая сметная книга городов, ведавшихся Белгородским столом. 1686/87 гг. – 2004 л.
- 106.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
Оп. 6 д.
Д. 154. Годовая сметная книга городов, ведавшихся Белгородским столом. 1689/90 гг. – 1780 л.
- 107.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
Оп. 6 д.
Д. 168. Ч. 2. Годовая сметная книга городов, ведавшихся Белгородским столом. 1695/96 гг. – 2560 л.
- 108.** Российский государственный архив древних актов.
Ф.210. Разрядный приказ.
Книги Белгородского стола.
Оп. 21. Д.8. Оброчные книги городов. 1621-26 гг. – 789 л.
- 109.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 1. Лл. 102-103.
- 110.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д.11. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1623-24 гг.
Лл.507–508.
- 111.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д.18. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1622-1630 гг.
Лл.104–163.
- 112.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола
Д.21. Л.436.
- 113.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.

- Д. 25. Документы, касающиеся организации станичной и сторожевой службы в городах. 1629-1631 гг.
Лл. 5–14, 24–26, 56–64, 67–68, 75–82, 104, 114–149, 187, 195, 204, 263–264, 313–316.
- 114.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 31. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1627-1630 гг.
Лл. 263, 292–294, 322–234, 349–351.
- 115.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 34. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1622-1630 гг.
Лл. 43–44.
- 116.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 39. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1631-1651.
Лл. 1–28, 169–171.
- 117.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 52. Лл. 249-256.
- 118.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 53. Документы, касающиеся управления и состояния городов (посольские и татарские вести). 1633-1634 гг.
Лл. 288, 340-352.
- 119.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 54. Документы, касающиеся управления и состояния городов (вести о татарах). 1633-1634 гг.
Лл. 98–100, 107–110, 134, 569–570.
- 120.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.

- Д. 55. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1632-1635 гг.
Лл. 233–258, 315–316.
- 121.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 60. Документы, касающиеся управления и состояния городов (организация станичной и сторожевой службы). 1633-1636 гг.
Лл.1–8, 46 – 48, 199–205, 305 – 307, 317–420, 425–452, 458–503, 506–518, 520–523, 534–535, 538, 542–551, 582–587, 588.
- 122.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 64. Документы, касающиеся управления и состояния городов (вести о татарах). 1630, 1635-1636 гг.
Лл.347-348, 425-426, 429-431, 336-337, 389, 432-433, 436, 524.
- 123.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 70. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1628, 1634-1637 гг.
Лл. 465-467, 500, 502-503.
- 124.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 73. Документы, касающиеся постройки города Усерда. 1636-1637 гг.
Лл. 201-206.
- 125.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 74. Документы, касающиеся раздачи жалованья станичникам и выездим черкасам, организация станичной и сторожевой службы).
1635-1639 гг.
Лл. 51-53, 55-59, 266-268, 273-274, 277-278, 320-328, 364-372.
- 126.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 94. Переписка Разряда с воеводами, посланными для обереганья Украйны от татарского прихода. 1637 г.
Лл. 406, 423, 431, 449-452.

- 127.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д.98. Воеводские отписки с татарскими, польскими, турецкими и «азовскими» вестями. 1638 г.
Лл.1, 8-9.
- 128.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 103. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1633-1636 гг.
Лл. 58–59, 220–220а, 221, 270–271, 313-316, 386-387, 408, 459-460, 520, 544-646
- 129.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 125. Лл. 198-271.
- 130.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 127. Документы, касающиеся управления и состояния городов (станичная служба). 1638-1641 гг.
Лл. 19-27, 64-68, 72-78, 153-157, 160-163, 169, 171-177, 178-182, 195, 200-216, 225-228, 232-237, 257-262, 271-273, 279-281, 286-291, 346-354, 396-399.
- 131.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д.140. Документы, касающиеся поселения вышедших из Литвы черкас. 1639-1641 гг.
Лл. 152-153, 164-170.
- 132.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д.152. Документы, касающиеся управления и состояния городов (назначение и верстание в службу служилых людей, дача им жалованья, оружия и наделение их землей). 1641-1642 гг.
Лл. 439, 512-520.
- 133.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.

- Столбцы Белгородского стола.
Д. 165. Документы, касающиеся управления и состояния городов
(станичная служба). 1642-1645 гг.
Лл.319-320, 333-336, 339-342, 348-363, 377-397, 402-407, 424-428, 437-441.
- 134.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 168. Документы, касающиеся службы черкас. 1642-1646 гг.
Лл. 62, 178-181, 188-192.
- 135.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 175. Дела по челобитным о пожаловании поместьными и денежными окладами. 1645-1666 г.
Лл.13-14.
- 136.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 176. Документы, касающиеся управления и состояния городов
(татарские вести). 1643 г.
Лл.85-90.
- 137.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 187. Документы о служилых людях. 1637-1642 гг.
Лл.9-11.
- 138.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 192. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1641-1643 гг.
Лл. 122–124, 362.
- 139.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 201. Документы, касающиеся основания и заселения города Козлова.
1630-1636 гг.
Л. 338.
- 140.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.

- Столбцы Белгородского стола.
Д. 203. Документы, касающиеся вестей о татарах. 1645-1657.
Лл.1-11, 56-63.
- 141.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 209. Документы, касающиеся управления и состояния городов (вести о татарах). 1645-1646 гг.
Лл.178-179, 237-244, 357-359, 366-367, 25, 153-154, 278-280.
- 142.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 217. Документы, касающиеся управления и состояния городов (принятие мер для обороны от татар). 1646-1647 гг.
Лл. 501–501об, 502–502об, 503–507.
- 143.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 228. Документы, касающиеся управления и состояния городов (татарские вести). 1647 г.
Лл.16-17, 24-26, 76-77, 82-83, 99-100, 141,
- 144.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 231. Документы об иноземцах. 1647 г.
Лл. 1-10, 22-41, 96-102, 107, 111-117, 141-142, 150, 152-157, 159, 190-195, 201, 278-283, 286.
- 145.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 235. Документы, касающиеся татарских вестей. 1647 г.
Лл.548-555.
- 146.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 237. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1643-1647 гг.
Лл.831-832, 834-835, 840.
- 147.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.

- Д. 238. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1643-1649 гг. Лл.831-839.
- 148.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 247. Документы, касающиеся станичной службы. 1648-1653 гг.
Лл. 37-38, 97-102, 138-141, 144, 161, 168-186, 229-233, 241-243, 287-290, 298-300, 321, 324, 387, 407-412, 433, 446-457, 472, 503-504, 506-508, 515-529, 535, 544-548.
- 149.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 265. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1645-1647 гг.
Лл. 265–269, 271.
- 150.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 275. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1648-1649 гг.
Лл. 324–361.
- 151.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 288. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1648-1649 гг.
Лл. 128–130, 136-137.
- 152.** Российский государственный архив древних актов.
Ф.210. Столбцы Белгородского стола.
Д. 292. Лл.52–60.
- 153.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 323. Документы, касающиеся управления и состояния городов (татарские и черкаские вести). 1651 г.
Лл. 67–68, 82–84, 358–365.
- 154.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д.324. (без дат).
Лл.256-258.

- 155.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 327. Сметные росписи городов 1651 г.
Лл. 1-115.
- 156.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 341.
Лл. 286-300.
- 157.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 414. Документы, касающиеся управления и состояния городов.
1660 г.
Л. 386.
- 158.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 436. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1660-
1662 гг.
Лл. 224–227.
- 159.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 481. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1659-
1660 гг.
Лл. 164–165, 417.
- 160.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 599. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1663-
1667 г.
Лл. 27-33, 67-91, 661-671.
- 161.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 600. Документы, касающиеся полка окольного князя
Ю. Н. Борятинского; документы, касающиеся управления и состояния
городов. 1666–1667 г.
Лл. 356, 825-826.

- 162.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 606. Документы, касающиеся управления и состояния городов.
1645–1658 г. Лл. 20–22.
- 163.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола
Д. 643. Л. 170-171.
- 164.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола.
Д. 681. Переписка Разряда. 1671–1672 гг.
Лл.170-177, 181-182.
- 165.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 687. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1670-
1672 гг. Лл.183-189.
- 166.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 701. Переписка Разряда с воеводами, действовавших против
изменников-черкас. Документы, касающиеся управления и состояния
городов.1667-1670 гг.
Лл.771-773, 970-972.
- 167.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 705. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1667-
1660 гг.
Лл.51-52, 202-203,954-956.
- 168.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 729. Документы о служилых людях. 1671-1674 гг.
Л.39.
- 169.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 779. Переписка разряда с боярином и воеводой князем Г.Г.
Ромодановским о полковых делах. 1672-1673 гг. Л.81.
- 170.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.

- Д. 795. Переписка Разряда о полковых делах с боярином и воеводой князем Г.Г. Ромодановским (Курск и Суджа). 1673 г. Лл.274-283, 386-388, 384-385.
- 171.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 827. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1675-1676 гг. Лл. 13-22, 207-208, 452-464.
- 172.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 939. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1679-1680 гг. Лл.303-305.
- 173.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 948. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1674 г. Лл.455-456.
- 174.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1013. Переписка Разряда о военных действиях против татар с воеводами. 1681-1682 гг. Лл.727-729, 732-740.
- 175.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1027. Документы, касающиеся управления и состояния городов (судные дела). 1683 г. Лл. 82–85.
- 176.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1031. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1669-1680 гг. Лл. 269, 275.
- 177.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1035. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1647-1681 гг. Лл. 18–19, 136–137.
- 178.** Российский государственный архив древних актов.
Ф.210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола
Д. 1095. Лл. 157-158
- 179.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1153. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1677-1683 гг. Лл.115–119.

- 180.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1293. Лл. 2, 5.
- 181.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1530. По управлению и состоянию городов. Лл. 96-97.
- 182.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1653. Документы, касающиеся управления и состояния городов.
1641-1680 гг. Лл. 150-151
- 183.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
Д. 1798. Документы, касающиеся смены воеводы М. Лодыженского в
Валуйке и починке валуйских крепостей. 1621 г. - 127 л.
- 184.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Владимирского стола.
Д. 58. Лл. 43-44.
- 185.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Белгородского стола
Д. 1833.
Л. 125.
- 186.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов.
Оп. 7а.
Д. 22. 1639-1707 гг. Лл. 205–213.
- 187.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Денежный стол.
Кн. 4. Книги записные оброчных (окладных и доимочных) денег,
собранных в 192-193 году с мельниц, лавок, мостов и др. оброчных
угодий. 1684-1685 гг. Лл. 36, 312-359.
- 188.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Денежный стол.
Кн. 104. Книги приходно-расходные денежно казны на таможенных и
кружечных дворах в городах. 1653-1655 гг. Лл. 312–359.
- 189.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 1.
Лл. 33–38.
- 190.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 15. – Лл. 233 – 235.

191. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 27. Лл. 66–68.
192. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 35. Лл. 1–74.
193. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 75. Лл. 455–457.
194. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 79. Лл. 59, 71-72, 342-343.
195. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 101. Лл. 637–640.
196. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 106. Лл. 307, 352–353.
197. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 109. Лл. 121-123.
198. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 153. Лл. 135-139.
199. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 160. Лл. 171-172.
200. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 198. Лл. 134, 141-143, 145-146.
201. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
Д. 961. Лл. 74-75.
202. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Столбцы Поместного приказа.
Д. 192. Л. 488.
203. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 12. Документы, касающиеся управления и состоянии городов. 1623-
1624 гг. Л. 26 – 27.
204. Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.

- Д. 26. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1627-1629 гг. Лл. 18–19, 22–28, 253–254.
- 205.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 33. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1628-1632 гг. Лл. 561–563.
- 206.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 46. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1624-1631 гг. Лл. 47–48, 58-59, 68-69, 72-74.
- 207.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 48. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1631 г. Лл. 59-60, 208-209, 246-247, 251-253.
- 208.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 60. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1633 г. Лл. 305 – 307.
- 209.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 62. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1631-1633 гг. Лл. 6–11, 158–161, 164–167.
- 210.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 77. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1639-1640 гг. Лл. 237 – 238, 357 – 359.
- 211.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 91. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1634-1635, 1670 гг. Лл. 46–47, 124, 151–159, 373–374.
- 212.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 129. Документы, касающиеся управления и состояния городов. 1639-1640 гг. Л. 91.
- 213.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 132. Документы, касающиеся управления и состояния годов. 1640 г. Лл. 295 – 305.
- 214.** Российский государственный архив древних актов.

- Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 162. Документы о служилых людях. 1645-1646 гг. Л. 596.
- 215.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола.
Д. 275. Документы о служилых людях. – Лл. 324–361.
- 216.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Разрядные вязки.
Д. 11. Росписные списки городов. 1668-1707 гг. Лл. 1–8.
- 217.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Разрядные вязки.
Д. 44. Документы о лошадях. 1650-1707. Лл. 59–61.
- 218.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола.
Д. 112. Лл. 467-521, 522-525.
- 219.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола.
Д. 337. Лл. 543-544, 552-553, 618.
- 220.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Разрядный приказ.
Крымские дела. 1638 г. Д. 1. Лл. 17-19.
- 221.** Российский государственный архив древних актов.
Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки.
Оп. 2. Ч. 1.
Д. 245. Ландратская перепись Валуйского уезда 1719 г. – 2560 л.
- 222.** Государственный архив Воронежской области.
Ф. И. 9. Полатовская приказная изба.
Оп. 2.
Д. 1. Челобитные полатовцев служилых людей, отписки, памяти, сыскные речи полатовцев о «диком поле» и дележе его между полатовскими и валуйскими служилыми людьми. 1 января 1681 г. 2 л.
- 223.** Государственный архив Воронежской области.
Ф. И. 9. Полатовская приказная изба.
Оп. 2.
Д. 16. Отписка полатовского воеводы Д. Л. Самсонова валуйскому воеводе С. Я. Якушкину об отказе полатовцу В. Калинину с товарищами земель в деревне Сторожевой. Отпуск. 1690 г. 2 л.
- 224.** Государственный архив Воронежской области.
Ф. И. 9. Полатовская приказная изба.
Оп. 2.
Д. 17. Дело по челобитной полатовцев о сыске про «примерную землю» в деревне Сторожевой. Список с отказных книг. 1690-91 гг. 10 л.
- 225.** Государственный архив Воронежской области.

- Ф.И.9. Полатовская приказная изба.
Оп. 2.
Д.18. Царские грамоты воеводе Сорокину о сыске «дикого поля». 1691 г. 14 л.
- 226.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.9. Полатовская приказная изба.
Оп. 2.
Д.21. Сказки и распросные речи полатовских служилых людей о сыске «порозжей земли» на раздачу жалованья. 1691 г. 28 л.
- 227.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.9. Полатовская приказная изба.
Оп. 2.
Д.31. Отписка полатовского воеводы валуйскому воеводе о татарских вестях. 1693 г. 1 л.
- 228.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.9. Полатовская приказная изба.
Оп. 2.
Д.32. Описная, мерная и отказная книга. 1693 г. 6 л.
- 229.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.9. Полатовская приказная изба.
Оп. 2.
Д.63. Сказка о розыске пустующих земель в Полатовском уезде. 1694 г. 2 л.
- 230.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.9. Полатовская приказная изба.
Оп. 3.
Д.3. Список с отказных книг и межеванье земли по челобитьям полатовских детей боярских между городом Валуйки и Полатовым. Сентябрь 1685 г. 8 л.
- 231.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И. 9. Полатовская приказная изба.
Оп. 3.
Д. 3. Сыскная, мерная и отказные книги на земли детей боярских Самарянина Максима с товарищами по р. Полатовка в Полатовском уезде. 1693 г. 10 л.
- 232.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.9. Полатовская приказная изба.
Оп. 3.
Д.5. Отказная книга на земли Алтуховых в селе Фошеватое. 1694 г. 27 л.
- 233.** Государственный архив Воронежской области.

- Ф.И.9. Полатовская приказная изба.
Оп. 4.
Д.3. Сыскная, мерная и отказная книги на земли детей боярских Самарянина по р. Полатовке в Полатовском уезде. 1693. Лл.1-8.
- 234.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 1.
Д.3. Отписка валуйского воеводы И. Позднякова в Разрядный приказ о рассмотрении челобитной валуйских станичников о выдаче им денег и четверикового хлеба. Без даты. 1 л.
- 235.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 1.
Д.24. Мерная и отказная книга, составленная 22 ноября 1688 г. подьячим И. Силаевым на земли сыскные по челобитью рейтара Игнатия Старокожеवास станичного ездока Ив. Ланина. 6 л.
- 236.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 1.
Д.102. Поступная запись валуйских казаков сыну боярскому Ф. Рябинину за отдачу ему в пользование поляны до возвращения долга.
Начало XVIII в. 2 л.
- 237.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.1. Царская грамота воеводе И. Языкову о подготовке к нападению татар. 23 августа 1658 г. 2 л.
- 238.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.11. Отрывок из царской грамоты валуйскому воеводе Г.Д. Пасынкову о расселении служилых людей в уезде. Начало. 19 октября 1670 г. 1 л.
- 239.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.24. Отписки валуйскому воеводе К. Ладыженскому Г. Скалозубова, М. Селиванова с Усерда, И. Гулевского, Б. Некрасова с Маяцкого, Б.Аргамачева, полковника Ф. Сербина с Нового Оскола, И. Павлова с

- Корочи, М. Карабутова с Полатова, И. Рыхтерева с Чугуева о вестях про воинских людей. Апрель-ноябрь 1677 г. 69 л.
- 240.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.26. Отписки новооскольского воеводы Б. Аргамакова, усердского воеводы Максима ...(?), валуйскому воеводе К. Лодыженскому о сборе вестей и подготовке к возможному нападению татар. 1677 г. 11 л.
- 241.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.27. Отписки усердского воеводы М. Игнатьевича на Валуйку о появлении татар на реке Сосне. Июнь 1677 г. 2 л.
- 242.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.29. Отписки царева-борисовского воеводы А. Белова на Валуйки о появлении татар на ногайской стороне Донца. 20 июня 1677 г. 2 л.
- 243.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.54. Царская грамота воеводе М. Лупандину об отказе служилым людям И. Старокожеву и И. Ланину поместий их отцов по р. Валую. Июнь 1658 г. 4 л.
- 244.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.57. Отрывок из памяти валуйскому воеводе о досмотре рубежей пушкарской и стрелецкой земли по р. Оскол. 1688 г. 3 л.
- 245.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.65. Наказные памяти, отписки, выпись из отказных книг о сыске валуйским воеводой Рагозиным порозжей земли в Валуйском уезде. Апрель 1694 г. 8 л.
- 246.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.

- Д.123. Дело по розыску о владении валуйскими черкасами покосов по р. Полатовой, четвериковой земле по р. Мосею. 2 декабря 1697 г. 17 л.
- 247.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.129. Сказки валуйского станичного атамана Г. Агеева о порозжих землях. 1698 г. 3 л.
- 248.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.141. Царская грамота воеводе Дубасову по челобитью П. Косова с товарищи об измерении поместий по р. Валую и выявлении лишней земли сверх дач у конных казаков и рейтар и уплаты пошлины за эту землю. 1699 г. 5 л.
- 249.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.179. Память валуйскому воеводе воеводы Белгородского полка по челобитной игумена Успенского монастыря о незаконной ловле рыбы в монастырском озере, грабеже бобылей людьми воеводы, о записи за взятки бобылей в городовую службу. 1690-е гг. 3 л.
- 250.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 2.
Д.17. Царская грамота А. Рагозину по челобитной К. Посохова и выписки из отказных книг Валуйского уезда о поместных землях детей боярских. Февраль 1695 г. 6 л.
- 251.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И. 8. Валуйская приказная изба.
Оп. 3.
Д. 456. Отписка валуйского воеводы К. Ладыженского к воронежскому воеводе Волкову в том, что до 7 сентября в Волуйках не было получено никаких вестей о татарах. О проезде через Валуйки в Москву 11 сентября 1677 года П. И. Хованского. Лл. 2–4об.
- 252.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И.8. Валуйская приказная изба.
Оп. 4.

- Д.1. Список с царской грамоты воеводе Наумову о предоставлении льгот валуйским станичникам. Отрывок. 16 июня 1661 г. 2 л.
- 253.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И. 182. Воронежская приказная изба.
Оп. 3.
Д. 456. Отписка валуйского воеводы К. Ладыженского к воронежскому воеводе Волкову в том, что до 7 сентября в Волуйках не было получено никаких вестей о татарах. О проезде через Валуйки в Москву 11 сентября 1677 года П. И. Хованского. Лл. 2–4об.
- 254.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И. 182. Воронежская приказная изба.
Оп. 3.
Д. 504. Отписки воронежскому воеводе М. Карташева в Орловскую приказную избу о приходе воинских людей, татар к реке Оскол. 1678 год. Лл. 1–3.
- 255.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И. 182. Воронежская приказная изба.
Оп. 6.
Д. 10. Царская грамота воронежским воеводам Ивану Васильевичу Волынскому и Семену Васильевичу Усову о высылке в Валуйки воронежских казаков и детей боярских на службу. 28 июня 1625 года. Лл. 1–2об.
- 256.** Государственный архив Воронежской области.
Ф.И. 182. Воронежская приказная изба.
Оп. 6.
Д. 68. Царская грамота воронежскому воеводе Андрею Васильевичу Бутурлину о намерении крымских и ногайских татар напасть на украинные города. 27 июля 1645 год. Лл. 1–6.
- 257.** Абрамович Г. В. Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. / Г. В. Абрамович // Проблемы источниковедения. – Т. XI. – М., 1963. – С. 365–370.
- 258.** Аверьянов К.А. Генеалогический анализ состава вооруженных служилых людей начала XVII в. / К. А. Аверьянов // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991. – С. 31–33.

259. Александров В. А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. / В.А. Александров // Новое о прошлом нашей страны. – М., 1967. – С. 235–250.
260. Александров В.А. Организация обороны южной границы Российского государства во второй половине XVI–XVII вв. / В.А. Александров // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М.: Наука, 1979. – С. 159–173.
261. Алфёрова Г. В. Русские города XVI–XVII веков / Г. В. Алфёрова. – М.: Стройиздат, 1989. – 216 с.
262. Алфёрова, Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII веках / Г. В. Алфёрова // Вопросы истории. – 1977. – № 7. – С. 50–66.
263. Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI - начала XVII в. / Г. Н. Анпилогов. – М. : Изд-во МГУ, 1967 . – 541 с.
264. Багaley Д. И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края / Д. И. Багaley. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1896. – 125 с.
265. Багaley Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д. И. Багaley. – М., 1887. – 614 с.
266. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства / И. Д. Беляев. – М., 1848. – 451 с.
267. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича / И.Д. Беляев // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. – М., 1846. – №4. – С. 67–135.
268. Благовещенский К. А. Четвертное право / К. А. Благовещенский. – М., 1899. – 538 с.
269. Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии / П.О. Бобровский. – СПб., 1885. – 215 с.
270. Буганов В. И. Источники разрядных книг последней четверти XV-начала XVII века / В. И. Буганов // Исторические записки. – 1965. – Т. 76. – С. 216–229.
271. Булгаков М.Б. Организация мелких откупов в России первой половины XVII в. – Тюмень, 1997. – 98 с.

272. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (по материалам южных уездов). – Воронеж, 1974. – 232 с.
273. Вареник В. И. Происхождение донского казачества. – Ростов-на-Дону : Экспертное бюро, 1996. – 224 с.
274. Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII – начале XVIII вв. : На материалах Центрального Черноземья / Д.В. Василенко. : Дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Воронеж, 2003. – 191 с.
275. Василенко Н. П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. – К., 1915. – 608 с.
276. Василенко О. В. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в XVII–XVIII вв. : на примере его Центральной части / О. В. Василенко. : Дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Воронеж, 2010. – 216 с.
277. Введенский С.Н. Об украинском населении в пределах Воронежской губернии (По поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского) / С.Н. Введенский // Воронежский краеведческий сборник. – Вып. 2. – Воронеж, 1925. – С. 3–6.
278. Ведяевский К. Валуйская старина: Валуйский Пристанский монастырь по разрядной описи 17 в. / К. Ведяевский // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 г. – Воронеж, 1892. – С. 35–70.
279. Вейнберг Л. Б. Очерк сельскохозяйственной промышленности Воронежской губернии / Л. Б. Вейнберг. – Вып. 1. – Воронеж, 1890. – 155 с.
280. Веселовский Н. И. Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 году / Н. И. Веселовский. – Одесса, 1912. – 40 с.
281. Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1660–1663 гг. // Чтения в обществе истории древностей Российских при Московском университете. – М., 1911. – Кн. 3. – С. 1–50.
282. Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX вв. Размеры и размещение / Я. Е. Водарский. – М. : Наука, 1988. – 303 с.

- 283.** Водарский Я. Е. Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) / Я. Е. Водарский // Русское православие: вехи истории. – М.: Политиздат, 1989. – С. 501–562.
- 284.** Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение) / Я.Е Водарский. – М.: Наука, 1977. – 262 с.
- 285.** Волков В. А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV – первой половины XVII вв. : Дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02. – Москва, 2005. – 438 с.
- 286.** Воробьев В. М. Как и с чего служили на Руси в XVII в. (к истории русского дворянства) / В. М. Воробьев // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – С. 451–461;
- 287.** Галенко О. І. Про татарські набіги на українські землі / О. І. Галенко // Український історичний журнал. – № 6. – 2003. – С. 52–68.
- 288.** Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии / Г. Германов // Записки императорского русского географического общества. – Кн. XII. – СПб., 1857. – С. 185–325.
- 289.** Герье В., Чичерин Б. Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги кн. А. Васильчикова «Землевладение и земледелие» / В. Герье, Б. Чичерин. – М. : Типография А. И. Мамонтова и К, 1878. – 253 с.
- 290.** Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. – 647 с.
- 291.** Глазьев В. Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI века / В. Н. Глазьев // Исторические записки. – Воронеж. – 1997. – Вып. 2. – С. 5–16.
- 292.** Глазьев В. Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары / В. Н. Глазьев // Исторические

- записки. Научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. – 2010. – Вып. 10. – С. 5–16.
- 293.** Глазьев В. Н. Комплексы документов по управлению городами Центрального Черноземья в конце XVI в.: источниковедческий анализ / В. Н. Глазьев // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж. – 2012. – №1. – С. 84–87.
- 294.** Глазьев В. Н. Формирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы в середине XVII века / В. Н. Глазьев // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. – Воронеж, 2000. – С. 116–119.
- 295.** Гоздаво-Голомбиевский А.А. Описание чертежей, хранившихся в Разряде во второй половине XVII в. / А.А. Гоздаво-Голомбиевский // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. – Кн. 6. – М., 1889. – С. 1–59.
- 296.** Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / Б. Д. Греков. – Кн. 2. – М., 1954. – 468 с.
- 297.** Грибовський В. В. Типологія татарських набігів у XVIII столітті / В. В. Грибовський // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. – Вип. 5. – Запоріжжя: РА “Тандем-У”, 2000. – С. 206–211.
- 298.** Грушевський М.С. Історія України-Русі: в 10 т. – Т.8. – Нью-Йорк: Книгоспілка, 1956. – 315 с.
- 299.** Гуляев Ю. О детях боярских и отроках княжеских и вообще о дворянах, служивших в России до конца XVIII столетия / Ю. Гуляев // Шапошников Н.В. Heraldica: Исторический сборник. – СПб., 1900. – Т.1. – С. 11–44.
- 300.** Дашкевич Я. Ясир з України (XV – перша половина XVII ст.) як історико-демографічна проблема // Український археографічний щорічник. Нова серія. – Вип. 2. – К., 1993. – С. 40–47.
- 301.** Демидова Н.Ф. Эволюция структуры русского городского казачества XVII в. / Н.Ф. Демидова // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. – М., 1991. – С. 71–72.

- 302.** Дубман Э.Л. О некоторых особенностях миграций населения юго-восточных районов Европейской России в XVII – начале XVIII в. // Тезисы докладов и сообщений VII всесоюзной конференции по исторической демографии (Донецк, 14–16 мая 1991г.). – Ч.1. – М.: Институт истории СССР, АН СССР, 1991. – С. 79–80.
- 303.** Дубман Э.Л. Служилые люди южного Средневолжья в XVI–XVII вв. / Э. Л. Дубман // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8/2. – С. 13–25.
- 304.** Дудина О. В. Служилые люди Белгородского разряда (по материалам разбора 1697 года) / О. В. Дудина // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж. – 2014. – №2. – С. 42–47.
- 305.** Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.) / М. А. Дьяконов. – М., 1898. – 356 с.
- 306.** Епифанов П.П. Войско и военная организация / П.П. Епифанов // Очерки русской культуры XVII в. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – Ч.1. – С.336–380.
- 307.** Жукович П. Н. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией / П.Н. Жукович. – СПб., 1901. – 617 с.
- 308.** Журавльов Д.В. Військова справа в слобідських козацьких полках у другій половині XVII – першій половині XVIII ст.: Дис. ... канд. іст. наук – Х., 2002, – 183 с.
- 309.** Загоровский В. П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) / В. П. Загоровский // История заселения и освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. – С. 3–23.
- 310.** Загоровский П. В. Возникновение и развитие городов в Воронежском крае в XVII–XVIII вв. / П. В. Загоровский // История заселения и освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. – С. 62–93.
- 311.** Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. – 304 с.
- 312.** Загоровский В. П. Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. – 239 с.

- 313.** Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 272 с.
- 314.** Загоровский В. П. Некоторые вопросы ранней народной колонизации полевой окраины России / В. П. Загоровский // Ежегодник по аграрной истории восточной Европы за 1968 год. – Л.: Наука, 1972. – С. 37–40.
- 315.** Загоровский В. П. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация / В. П. Загоровский // Труды Воронежского университета. – Т. 87. Из истории Воронежского края. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета. – 1969. – С. 83–93.
- 316.** Загоскин Н. П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. – Казань: Императорский Казанский университет, 1876. – 264 с.
- 317.** Звагельський В. А. Стародавні переправи Сіверського Дінця / В. А. Звагельський // Сумська старовина. – № 15. – 2005. – С. 224–242.
- 318.** Зверев С. Е. К трехсотлетию города Валук (1599–1899 гг.) / С. Е. Зверев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 год. – Воронеж, 1898. – С. 34–39.
- 319.** Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – в н. XVII вв.: (опыт государственного строительства) / М. Ю. Зенченко. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 223 с.
- 320.** Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени / А.А. Зимин. – М.: Мысль, 1972. – 452 с.
- 321.** Зубарева Г. Ф. Классификация сословий Смутного времени по историографическим источникам / Г. Ф. Зубарева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – №1. – С. 65–68.
- 322.** Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (XVII–XVIII вв.) / Е. И. Индова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1965. – С. 141–156.

- 323.** Карагодин М. И. Среднее Поосколье. Исторический перекресток. Сборник историко-краеведческих очерков: В 2 т. – Белгород: Бел. Ру., - Т.1, 2008. – 457 с.
- 324.** Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – Т.VII–IX. – 523 с.
- 325.** Каргалов В. В. На степной границе: Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. — М.: Наука, 1974. – 184 с.
- 326.** Каргалов В. В. Оборона южной границы Русского государства в первой половине XVI в. // История СССР. – 1973. – № 6. – С. 140–148.
- 327.** Каргалов В. В. Засечные черты и их роль в обороне русского государства в XVI –XVII веках / В. В. Каргалов // Военно-исторический журнал. – 1986. – № 12. – С. 14–21.
- 328.** Карпов Д. А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI – середине XVII века / Д.А. Карпов : Дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Брянск, 2009. – 283 с.
- 329.** Каштанов С. М. О подлинности и достоверности актовых источников / С. М. Каштанов // О подлинности и достоверности исторического источника. – Казань : КГУ, 1991. – С. 24–40.
- 330.** Кизиллов Ю. А. Земли и народы России в XIII–XV вв. – М.: Высшая школа, 1984. – 160 с.
- 331.** Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. / В. О. Ключевский. – М., 1959. – Т. 6. Исследования, рецензии, речи (1866–1890). – 516 с.
- 332.** Ковальский Н. П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI – первая половина XVII в.) / Н. П. Ковальский. – Днепропетровск : Изд-во Днепропетровского университета, 1985. – 64 с.
- 333.** Козляков В. Служилый "город" Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения)/ В. Козляков. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2000. – 208 с.
- 334.** Колганов Б. И. Роль монастырей в заселении и хозяйственном освоении Воронежского уезда в XVII в. / Б. И. Колганов // История заселения и освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. – С.34–46.

335. Комолов Н. А., Кузин К. И. Тайник и вестовой колокол как атрибуты городов-крепостей юга России XVII – середины XVIII вв. / Н. А. Комолов, К. И. Кузин // Из истории воронежского края / Ответ. ред. А.Н. Акиншин. - Воронеж, 2005. - Вып. 13. С. 3–16.
336. Котков С. И. [Памятники южновеликорусского наречия](#). Конец XVI – начало XVII в. – М.: Наука, 1990. – 232 с.
337. Котков С.И., Коткова Н.С. Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. – М. : Наука, 1982. – 345 с.
338. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. – СПб., 1884. – 272 с.
339. Крисаченко М. Україна – Крим: дипломатичні взаємини козацько-гетьманських часів / М. Крисаченко // Українознавство. – №2. – 2013. – С. 38–44.
340. Кулжинский Г. И. Святогорская Успенская общежительная пустынь в Харьковской епархии / Г. И. Кулжинский. – Одесса: Издание Святогорской Успенской пустыни, 1896. – 176 с.
341. Кусаинова Е. В. Документы Воронежской приказной избы о служилом казачестве в XVII в. / Е. В. Кусаинова // Отечественные архивы. – 2010. – № 5. – С. 38–45.
342. Кусаинова Е. Служилое казачество в России в XVII в. / Е. Кусаинова // Власть. – №6. – 2009. – С. 137–140.
343. Куц О. Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина, 1637–1667 гг. : Дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – СПб., 2000. – 267 с.
344. Куц О. Ю. О связях населения южнорусских городов с донскими казаками (по материалам второй четверти XVII в.) / О. Ю. Куц // Очерки феодальной России. – Вып. 4. – М., 2000. – С. 153–155.
345. Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб, 1890. – 561 с.

- 346.** Ларионов А. Н. Государственно-правовая природа Войска Донского в XVI-XVII вв. / А. Н. Ларионов : Дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01. – Ростов-на-Дону, 2006. – 201 с.
- 347.** Левыкин А.К. Русские городовые пушкари второй половины XVII в. / А.К. Левыкин // Вопросы истории. – 1985. – №3. – С. 160-183.
- 348.** Лисейцев, Д. В., Рогожин, Н. М. Россия после Смуты – время выбора / Д. В. Лисейцев, Н. М. Рогожин // Отечественная история. – 2008. – № 5. – С. 39–50.
- 349.** Ломако Н. Жестовый острожек / Н. Ломако // Вперед. – №107 (11851), – 2013. – С. 2.
- 350.** Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией / М. К. Любавский. – М., 1909. – 256 с.
- 351.** Любавский М. К. Наступление на степь. Культурно-бытовые очерки по мировой истории / М.К. Любавский. – М., 1918. – 51 с.
- 352.** Ляпин Д. А. Из истории обороны южных рубежей Российского государства в середине XVII в. / Д. А. Ляпин // Исторические записки ВГУ. – Вып. 13. – Воронеж. – 2007. – С. 34–43;
- 353.** Ляпин Д. А. Колонизация Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII вв. / Д. А. Ляпин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. – Новосибирск, 2009. – С. 12-31.
- 354.** Ляпин Д. А. Традиции самоуправления в городах Центрально-Черноземного региона в XVII веке / Д. А. Ляпин // Запад-Россия-Восток: параллели правовых культур: материалы международной научно-практической конференции. – Елец, 2007. – С. 157–166.
- 355.** Ляпин Д.А. О крестьянском населении на южной окраине России в конце XVI–XVII в. / Д. А. Ляпин // Материалы научной конференции "Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.)", 12–13 апреля 2011 г. – Липецк : Мистраль-Л, 2011. – С. 28–30.
- 356.** Ляпин Д.А. Происхождение южнорусских однодворцев / Д. А. Ляпин. // Сборник научных работ студентов исторического факультета ЕГУ им. И. А. Бунина. – Елец, 2003. – С. 8–13;

- 357.** Ляпин Д.А. Служилые люди на западных рубежах России (по данным сметы 1651 год) / Д. А. Ляпин // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. – Брянск, 2008. – С. 152–155;
- 358.** Ляпин Д.А. Служилые люди старых служб в середине XVII века в южных уездах Российского государства (к постановке проблемы) / Д. А. Ляпин // Материалы II Всероссийского семинара, Тула, ноябрь 2007 г. – Тула : Гос. военно-исторический и природный заповедник "Куликово поле", 2009. – С. 177–180.
- 359.** Майнов В. Н. Остатки засечных сторожевых линий в пределах Воронежской губернии / В. Н. Майнов // Древняя и новая Россия, 1875. – № 5. – С. 59–77.
- 360.** Максимов Е. К вопросу о колонизационном значении монастырей в Слободской Украине / Е. Максимов // Киевская старина. – 1887. – № 9. – С. 93–108.
- 361.** Маньков А. Г. Вопросы крепостного права на южных и западных окраинах Русского государства второй половины XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 год. – К., 1962. – С. 179–189.
- 362.** Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. / С.Л. Марголин // Ученые записки Московского областного педагогического института. – М., 1953. – Т. XXVII: Труды кафедры истории СССР. – Вып. 2. – С. 63–95.
- 363.** Марков Е. Валы защитной черты по реке Тихой Сосне / Е. Марков // ТВУАК. – Т.2, 1904. – С. 116–142.
- 364.** Мизис Ю. А., Кащенко С. Г. Проблема формированию русского фронта на Юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии / Ю.А. Мизис, С.Г. Кащенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2011. – № 1. – С. 9–16;

- 365.** Мизис Ю.А. Население южнорусского города в XVII–XVIII вв. (на примере Тамбова) / Ю.А. Мизис // Феодализм в России. – М., 1985. – С. 160–164.
- 366.** Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства / И. Н. Миклашевский. – М., 1894. – Ч. 1. – 310 с.
- 367.** Михайлов А. А. Использование списков раненых для изучения русской военной истории XVII в. / А.А. Михайлов // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. – М., 1995. – С. 355–360.
- 368.** Недосекин В.И. Четвертное землевладение однодворцев юга России в XVII веке / В.И. Недосекин // Труды Воронежского университета. – Воронеж, 1960. – Т.33. – Вып. 1. – С.105–114.
- 369.** Никитин А. В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1977. – № 44. – С. 116–123.
- 370.** Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII вв. / Н.И. Никитин // История СССР. – 1986. – №4. – С.167–177.
- 371.** Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 448 с.
- 372.** Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма: Научное наследие РАН. Отделение истории. Архив / А.А. Новосельский. – М.: Наука, 1994. – 222 с.
- 373.** Новосельский А. А. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века / А. А. Новосельский // Исторические записки. – 1945. – Т. 16. – С. 60–71.
- 374.** Новосельский А. А. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке / А. А. Новосельский // Труды Историко-архивного института. – Т. 2. – М. 1946. – С. 45–58.
- 375.** Новосельский А. А. Побег крестьян и казаков и их сыск в Московском государстве во 2 половине XVII века / А. А. Новосельский // Труды

- Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. – 1926. – Вып. 1. – С. 25–37.
- 376.** Новосельский А. А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. / А.А. Новосельский // Русское государство в XVII в. – М., 1961. – С. 231–253.
- 377.** Новохатко О. В. Документооборот в приказах второй половины XVII в. / О. В. Новохатко // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2008. – № 59. – Вып. 16. – С. 38–45.
- 378.** Оглоблин Н.Н. Обзорение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа / Н.Н. Оглоблин // Описание документов и бумаг Мамю. – Кн. 4. – М. 1884. – Отд. II. – № 2. – С. 161–529.
- 379.** Олейников Т.М. Материалы по истории Валуйского Успенского Николаевского монастыря 1640–1795 гг. / Т.М. Олейников // Воронежская старина. – Воронеж, 1914. – Вып. 13. – С.3–88; – Вып. 14. 1915-1916. – С. 3–38, 186–262.
- 380.** Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди / Н. П. Павлов-Сильванский. – М.: Крафт+, 2000. – 288 с.
- 381.** Папков А. И. Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся в российском делопроизводстве XVII веке / А.И. Папков // Белоруссия и Украина: история и культура. – Вып.4. – 2011. – М.: ТЕЗАУРУС. – С. 83–113.
- 382.** Папков А. И. «Черкасы» и «люди литовские» на юго-западных рубежах России во второй половине XVI века / А. И. Папков // Русский сборник. Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. Акад. И. Г. Петровского. – Вып. 2–3. – Брянск: РИО БГУ, 2006. – С. 195–200.
- 383.** Папков А. И. Валуйский Успенский Николопристанский монастырь в XVII веке / А. И. Папков // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: в 2 т. – Т.1. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 16–20.

- 384.** Папков А. И. Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России / А. И. Папков // Белоруссия и Украина: история и культура. – М.: Наука, 2005. – С. 93–121.
- 385.** Папков А. И. Источниковая база изучения российско-украинского порубежья конца XVI – первой половины XVII века / А. И. Папков // Белгородчина: прошлое, настоящее и будущее. Материалы региональной научно-практической конференции «Белгородчина: прошлое, настоящее и будущее». – Белгород: Студия-Дизайн, 2006. – С. 4–8.
- 386.** Папков А. И. Особенности пограничной службы на южных рубежах России в 1635–1648 гг. / А. И. Папков // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы международной научно-практической конференции. Белгород: Изд-во БелГУ, 1998. – С. 11–13.
- 387.** Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века) / А. И. Папков. – Белгород: Константа, 2004. – 352 с.
- 388.** Папков А. И. Российско-украинское порубежье в Смутное время (1604–1613 гг.) / А. И. Папков // Сборник научных трудов преподавателей и аспирантов кафедры политологии, социологии и истории. – Вып.2. – Белгород: Изд-во БГПУ, 1995. – С. 32–37.
- 389.** Папков А. И. Служилые черкасы. Новый элемент вооруженных сил Юга России позднего средневековья / А. И. Папков // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. – Тула: Тульский полиграфист, 2001. – С. 214–229.
- 390.** Петров Н. И. К истории колонизации слободской Украины / Н. Петров // Киевская старина. – 1888. – №4. – С.23–51.
- 391.** Пирко В.А. К вопросу о направлении миграций населения на Украине во второй половине XVII начале XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы (Период феодализма и капитализма) / Ответственный редактор В.С. Зеленчук. - Кишинев: «Штиинца», 1991. – С. 39–46.

- 392.** Рабинович М. Г. К определению понятия "город" (в целях этнографического исследования) // Советская этнография. 1983. – №3. – С. 19–24.
- 393.** Раздорский А.И. География торговых связей городов Юга и Запада Европейской части России в XVII в.: сравнительный анализ таможенных книг Курска, Белгорода, Вязьмы и Можайска / А.И. Раздорский // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – №1. – 2011. – С. 94–102.
- 394.** Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке: (По материалам таможенных и оброчных книг города) / А. И. Раздорский. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2001. – 762 с.
- 395.** Резун Д. Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века / Д. Я. Резун // Вопросы истории. – 1979. – № 10. – С. 172–176.
- 396.** Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики) / Н.А. Рожков. – Т.4. – Ч.2. – Пг., 1922. – 418 с.
- 397.** Рощупкин А. Ю. Землевладение служилого казачества в первой половине XVII в. (по материалам Елецкого уезда) / А. Ю. Рощупкин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012. – №7. – Ч.1. – С. 157–160.
- 398.** Садиков П. А. Царь и опричник (Иван Грозный и Василий Грязной и их переписка 1574–1576 / П.А. Садиков // Века. – Ч.1. – Пг., 1922. – С.73–78.
- 399.** Самбикин Д. Валуйский Успенский монастырь / Д. Самбикин // Воронежские Епархиальные ведомости. – 1869. – № 20. – С. 807–827; – № 21. – С. 868–886;
- 400.** Самгина Е. И. Служилое землевладение и землепользование в Чернском уезде в первой половине XVII в. / Е. И. Самгина // Новое о прошлом нашей страны. Сборник памяти академика М. Н. Тихомирова. – М., 1967. – С. 264–276.

- 401.** Седашев В. Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке / В. Седашев. – Москва : Типо-лит. В. Рихтер, 1912. – 225 с.
- 402.** Скобелкин О. В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII в. / О.В. Скобелкин // Вестник ВГУ. Серия: История, Политология, Социология. – 2013. – № 1. – С.58–65.
- 403.** Скобелкин О. В. Государство и мелкое поместное землевладение юга России во второй половине XVII в. / О. В. Скобелкин // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья XVII–XX веков. – Липецк, 1991. – С. 3–11.
- 404.** Скобелкин О. В. Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века / О. В. Скобелкин // История заселения и освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. – С. 46–56.
- 405.** Словарь русского языка 13–17 вв. – Вып. 14. – М. : Наука. 1988.
- 406.** Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. / А. Г. Слюсарский. – Х.: Харьковское книжное издательство, 1964. – 460 с.
- 407.** Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века / В.Д. Смирнов. – СПб., 1887. – 278 с.
- 408.** Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. / Н.А. Смирнов. – Т.2., 1946. – 174 с.
- 409.** Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в.: в 2 т. / П. П. Смирнов. – К., 1917–1919. – Т. 1. – Вып. 1–2. – 758 с.
- 410.** Соколовский П.А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом / П. А. Соколовский. – СПб., 1878. – 325 с.
- 411.** Соловьев С.М. История России: Сочинения в 18 т. / С.М. Соловьев. – Кн.1., 1960. – Кн. 3. – Т.5-6, 7-8. – М., 1989.
- 412.** Солодкин Я. Г. «Годовая» служба в России XVI –начала XVII в.: происхождение и основные разновидности // Я.Г. Солодкин // Военно-юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 24–26.

413. Солодкин Я. Г. «Градоделец» В. В. Кольцов-Мосальский / Я. Г. Солодкин // Вопросы истории. – 2002. – №10. – С. 170–172.
414. Солодкин Я. Г. Из ранней истории Царева-Борисова / Я. Г. Солодкин // Проблемы истории Центрального Черноземья: Сборник статей памяти профессора В. П. Загоровского. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – С. 94–103.
415. Солодкин Я. Г. К истории основания первых русских городов на Поле / Я. Г. Солодкин // Владимир Загоровский: к 80-летию со дня рождения. Материалы научных чтений. – Воронеж, 2006. – С. 33–39.
416. Солодкин Я. Г. Некоторые спорные вопросы истории Воронежского края начала XVII века / Я. Г. Солодкин // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). – Воронеж: Издательство Воронежского университета. – 1981. – С. 5–20.
417. Сопин П. А. Орехово / П. А. Сопин // Звезда (Валуйки). – 1974. – № 2.
418. Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение / А.В. Сопов // Вестник МГУ: Сер.8: История . – 2008 . – №4 . – С.66–85.
419. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII вв.: Казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М.: Мысль, 1990 . – 271 с.
420. Сторожев В. Н. Десятни и Тысячная книга XVI в. / В.Н. Сторожев // Описание МАМЮ. – М., 1989. – Кн.8. – Отд. III. – С. 1-43.
421. Сторожев В.Н. К вопросу о колонизации Левобережной Украины / В.Н. Сторожев // Киевская старина. – 1890. – № 6. – С.544–549.
422. Сторожев В.Н. К вопросу о южнорусской колонизации / В.Н. Сторожев // Киевская старина. – 1890. – № 5. – С. 379–380.
423. Сухоруков И. Историческое описание земли Войска Донского / И. Сухоруков. – Новочеркасск, 1903. – 422 с.
424. Сухоруков М. И. Валуйки – форпост Отечества. Альбом-летопись / М. И. Сухоруков. – Белгород, 1999. – 216 с.
425. Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства / А. А. Танков. В 2 т. – Т. 1. – М., 1913. – 649 с.
426. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии / М. Н. Тихомиров. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 583 с.

427. Токмаков И. Успенский Пристанский под Валуйками монастырь / И. Токмаков // Воронежский Епархиальные ведомости. – 1883. – № 6. – С. 35–70.
428. Федневский К. К. Валуйская старина (Валуйский Пристанский монастырь по разрядной описи XVII в.) / К. К. Федневский // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 г. – Воронеж, 1893. – С. 158–161.
429. Федоров П.В. Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова) / П.В. Федоров. – Мурманск, 2004. – 241 с.
430. Филарет (Гумилевский Д. Г.) Историко-статистическое описание Харьковской епархии: в 3 т. – Х.: ХЧМГУ, Изд-во САГА, 2005. – Т. 2. – 432 с.
431. Флоря Б. Н. Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20–30-х годов XVII века и на начальном этапе народно-освободительной войны / Б. Н. Флоря // Славяноведение. – 2002. – №2. – С. 36–46.
432. Хоткевич Г. До історії Слобожанщини (Процес салтівців з Пассеками) / Г. Хоткевич // Наукові записки науково-дослідної кафедри історії української культури ім. Д. І. Багалія. – Х., 1927. – Т.6. – С.77–91.
433. Цыбин М. В. Некоторые закономерности формирования русско-кочевнического пограничья в IX–XVII веках на территории Центрального Черноземья / М. В. Цыбин // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. – Воронеж, 2000. – С. 92–96.
434. Чепухин А.Г. Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилецких людей XVII века) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2014. – Т. V. – С. 15–416. <<http://www.milhist.info/2014/08/04/chepuxin>> (04.05.2015).
435. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. / Л. В. Черепнин. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 421 с.
436. Чесноков В.И. Воронежские древние акты и их первые публикации / В.И. Чесноков // Записки Воронежских краеведов. – Вып. 2. – Воронеж: Центрально-черноземное кн. изд-во, 1983. – С. 160–194.

437. Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке / Н. Д. Чечулин. – СПб., 1889. – 487 с.
438. Чистякова Е. В. Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII века / Е. В. Чистякова // Русское государство в XVII веке. – М., 1961. – С. 254–270.
439. Шевченко Ф.П. Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. / Ф.П. Шевченко. – К.: АН УРСР, 1959. – 500 с.
440. Шкрибитько Е. А. Роль Святогорского монастыря в экономическом развитии Подонцовья в XVI–XVIII вв. / Е. А. Шкрибитько // Былые годы. – 2012. – № 2. – С. 15–21.
441. Шмелев Г. Н. Несколько замечаний об однодворцах : (Разбор исследования Н. А. Благовещенского «Четвертое право») / Г. Н. Шмелев // Отчет комитета о втором очередном присуждении премий, учрежденных Харьковским земельным банком в память двадцатипятилетия царствования Императора Александра II при Императорском Харьковском университете. – Х. : Тип. Адольфа Дарре, 1901. – С. 1–41.
442. Шмелев Ю. Н. «Когда Москва Бел город строила и Валуйку с Осколом...» / Ю. Н. Шмелев. – Белгород, 1990. – 16 с.
443. Щапов А. П. Историко-географическое распределение русского народонаселения / А.П. Щапов // Сочинения. – СПб., 1906. – Т.2.
444. Щепетов Н. К. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI в. / Н. К. Щепетов // Исторические записки. – 1948. – № 18. – С. 92–147.
445. Юркевич В. Еміграція на Схід і залюднення Слобожанщини за Богдана Хмельницького. – К.: Вид-во ВУАН, 1932. – 189 с.
446. Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке / А. И. Яковлев. – М., 1916. – 356 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Социальный состав населения порубежного города-крепости в XVII в. (на примере Валук)¹

Социальная группа	Количество человек в группе / их родственники												
	1614	1616	1626	1630	1631	1633	1637	1645	1655	1663	1676	1681	1697
Дети боярские	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5/7
Станичные атаманы	-	-	24	26	26	21	143	24	137/131	144	137/95	144/153	216/291
Станичные ездоки	-	-	120	120	120	100		120					
Полковые казаки	270	270	285	223	223	200	206	224	433	194	179/230	174/181	155/152
Стрельцы конные	154	150	151	132	132	94	114	100	73/61	120	85/96	86/79	98/112
Стрельцы пешие	100	100	72	70	70	48	46	40	30/41		50/57	49/44	25/19
Пушкари и затынщики	50/50	50/50	50/50	50/50	-	48	46/45	100	61/39	68	68/59	68/76	52/40 42/48
Кузнецы и плотники	1/1	-	2	3	-	-	1	1	1		1	3	4/1
Черкасы	-	-	-	-	-	-	-	79	47/24	43	45/42	54/52	66/74
Рейтары	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	93/162	44/95	35/72
Ямщики	20	-	20	-	-	14	20/19	20	20/21	-	20/67	20/56	20/122
Монастырские крестьяне/бобыли	-	-	-	-	-	10	-	-	8	-	24	-	-
Гулящие люди	-	-	13	-	-	11	-	-	40/4	-	-	-	-
Чернослободцы	-	-	23	-	-	-	17	8	-	-	-	-	-
Всего	646	620	774	675	604	566	745	716	1135	549	678/908	726/738	762/970

¹ Таблица составлена автором по: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. – Т.2. Книга писцовая М. Хлопова да подьячего Л. Недовескова 134 г. – Воронеж, 1891. – С.143–185; Разрядная книга 1637–1638 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1983. – 186 с.; РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. – Оп. 6 д. – Д. 117. Годовая сметная книга городов, ведавшихся Белгородским столом. 1681/82 гг.; РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. – Оп. 6 д. – Д. 94. Росписные списки городов. 1675–1679 гг. и др.; Сметный список 139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн. 4, 1849. – 51 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.

Валуйские гулящие люди РПЗ года (1679/80 – С.К.) писаны в солдаты по разбору Римского Корсакова.

Петр з братом Носав¹**Филька Поминов****Перушка Сумин****Степка Маяков****Еремка Богуславской**

Лашка Борюков

Козьма да Ивашка Колупаев**Аврам Понкратов****Ивашка Пригаринов****Гришка Ловягин**

Максим Кащеев

Паншка Дурнобрат

Митка Анихин

Водолайка Черкашенин**Ивашка Колупаев****Гришка Богаёв****Левка Луков**

Карпушка Безшапка

Гришка Блинов

Юдка Трофимов

Абакумка Чернецов

Стенка Жупин

Яков Ковталов

Евсей Капуснин

Демка Жупин

Илья Ананьин

Волька Сурок

Козьма Гнутой

Мишка Денисов

Гараска Кубаев

Пронка Нехожин

Иван Лемзяков**Иван Коновальцов**

Дениска Задорин

Петрушка Жерлицын

Коземка Южаков

Иван Милавин

Силка Бисовский

Борис Гамаюнов

Куземка Бисовский

¹ Черным шрифтом выделены фамилии гулящих людей, прибранные в разное время в службу.

Фелька Баранов

Тимофей Спихин

Андрей Коняхин

Матюшка Старокожев

Левка Подшивалов

Васка Кондратьев

Тишка Аншин

Петр Мертелов

Потапка Нагольной

Матюшка Алтабовской

Кирила Гребенкин

Стенка Цукунов

Данилка Овекинин

Петька Постовол

Ромашка Постовол

Митрошка Хохлов

Стенка Киселев

Иван Бутов

Емеля Буслаков

Данилка Пчельников

Клемко Пустовол

Гераска Стенов

Стефан Панин

Ивашка Корелин

Данилка Бритиков¹

Федька Достав

Назарка Опрелев

Алешка Иванов

Васка Шумилин

Ивашко Муздолаз

Игнат Давидов

Гришка Баюков

Мишка Ермолаев

Стенка Котыганов

Антошка Григорьев

Филька Федоров

Данка Кощенкин

Антипка Лукьянов

Петрушка Лопатин

¹ Составлено автором по: РГАДА. – Ф.210.Книги Белгородского стола. – Д.94. Л.362–362об.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Сметная книга города Валук 1655 г.

Гулящие люди

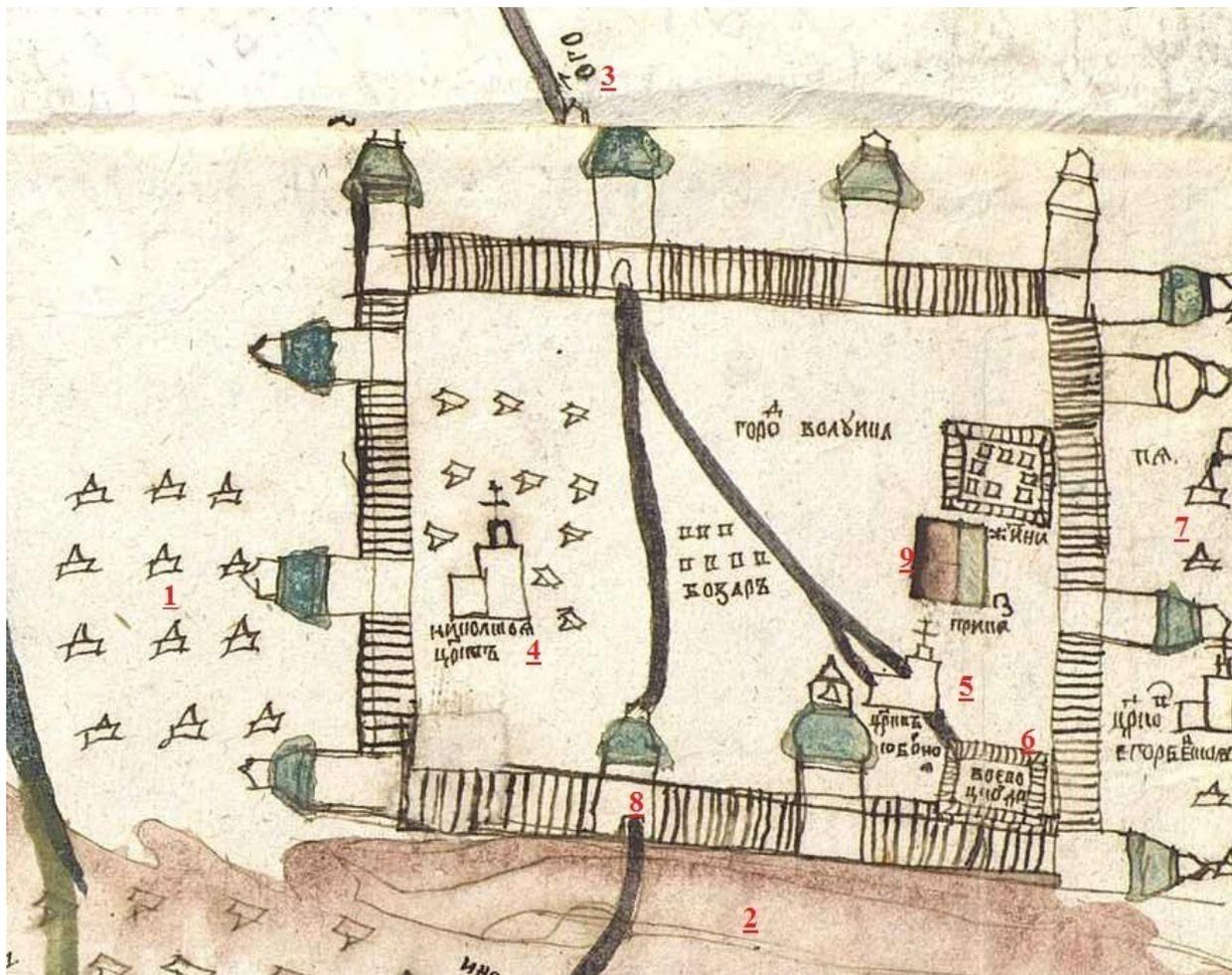
Кондрашка Авсянников с пищалью	Алешка Кастенников с пищалью ¹
Лунка Авсянников с пищалью	Меркушка Назин с пищалью
Макарка Агеев с пищалью	Дема Некрылов с пищалью
Фетька Алтабаевской с пищалью	Ивашко Несвоев с пищалью
Акимко Безготков с пищалью	Аниска Ожегов с пищалью
Савостька Белоглазов с пищалью	Гаврилка Петров с пищалью
Куска Беляев с пищалью	Гришка Петров с пищалью
Афонка Волканитинов с пищалью	Митка Поликарпав с пищалью
Давытка Гаврилав с пищалью	Ротка Потанин с пищалью
Гаврилка Глаткава с пищалью	Сенка Проскурнин с пищалью
Моксим Глоткой с рогатиной	Лазар Саломин с пищалью
Бориско Глаткой с пищалью	Акимка Самойлав с пищалью
Абрам Жирав с пищалью	Серешка Стерлегав с пищалью
Сенка Зайцав с пищалью	Мишка Толстой с пищалью
Авдюшка Залатарев с пищалью	Гришка Чебатарь с пищалью
Вашко Захарав с рогатиной	Пронка Чилибеев с пищалью
Антошка Зяблов с рогатиной	Похом Черной с пищалью
Акимка Калачникав с пищалью	Меркушко Шарапов с пищалью
Мотюшка Калачников с пищалью	Лунка Шварев с пищалью
Фетка Канавал с пищалью	

¹ Составлено автором по: РГАДА. – Ф.210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. – Д.52. – Лл.179-240.

Паршик Шеламав с рогатиной

ПРИЛОЖЕНИЕ Г.

План г. Валуйки с карты 1687 г.¹

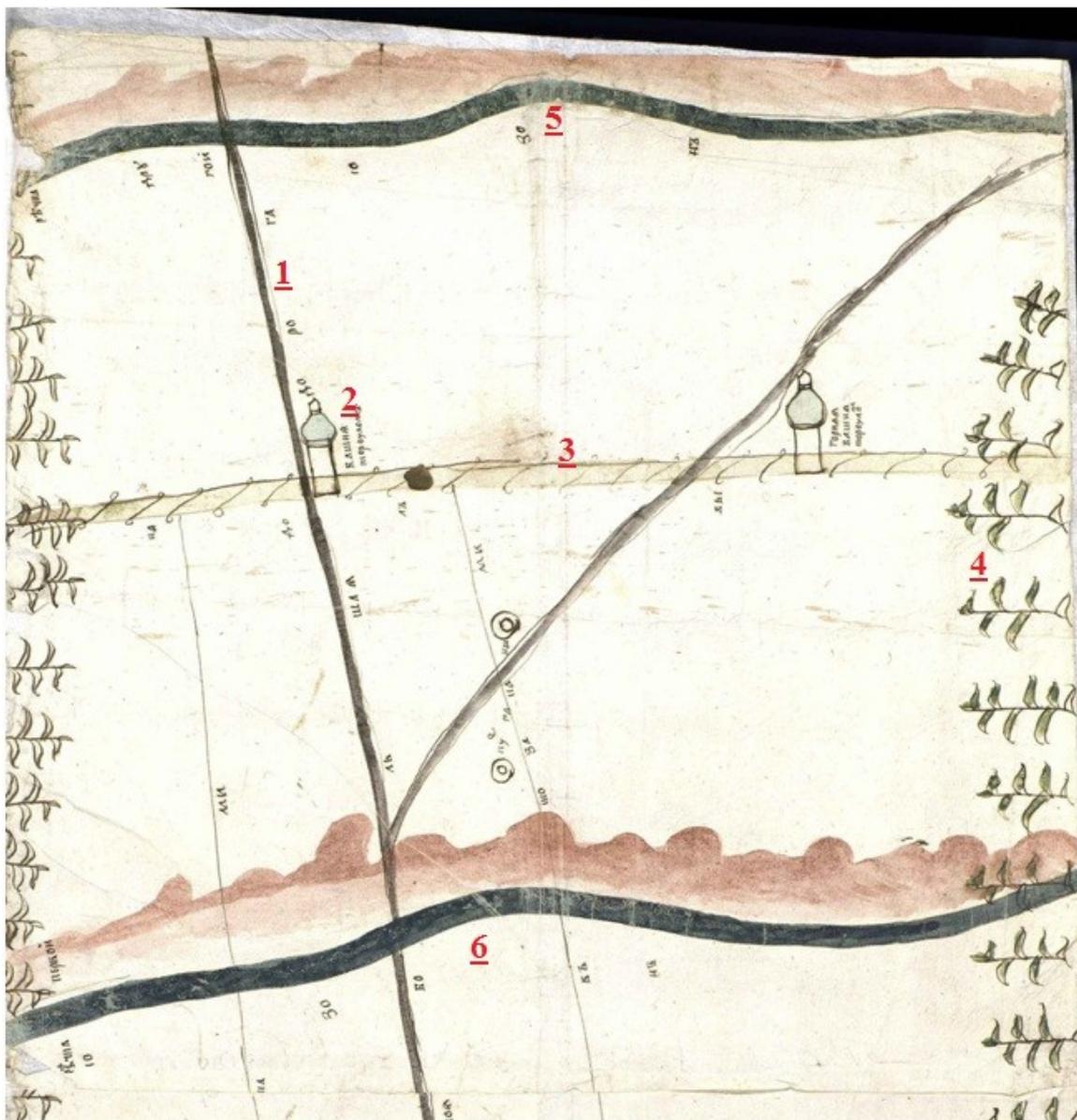

1. Ямская слобода
2. Берег р. Валуй
3. Московская дорога
4. Никольская церковь
5. Соборная церковь
6. Воеводский двор
7. Казачья слобода
8. Проездная башня – «Водяная».
9. Приказная изба.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д.

¹ РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ. Оп. 77. Д. 34699. Дело о размежевании угодий. Л. 161–163.

Полевые укрепления западного участка Валуйской округи (по Московской дороге на Березовом Сазоне). Фрагмент карты 1687 г.¹

1. Большая Московская дорога
2. Караульная башня
3. Надолбы на полях
4. Горний (Большой Валуйский) лес
5. р. Второй Созон
6. р. Первый Созон

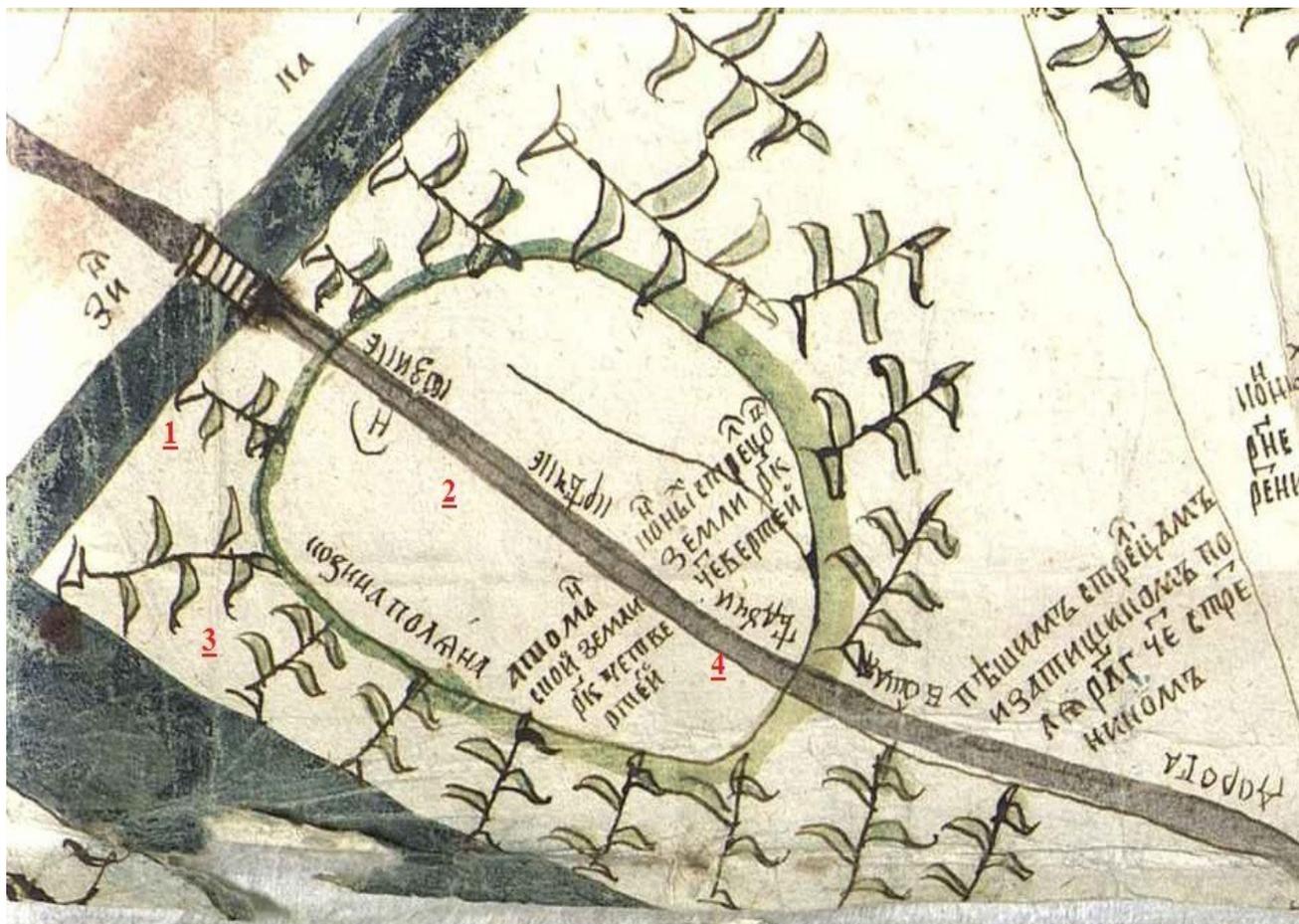
263

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Козина поляна на карте 1687 г.²

1 РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ. Оп. 77. Д. 34699. Дело о размежевании угодий. Л. 161-163.

2 РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ. Оп. 77. Д. 34699. Дело о размежевании угодий. Л. 161-163.

1. р. Казинка
2. Козина поляна
3. р. Оскол
4. Дорога из Валук к р. Казинке

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Полевые укрепления в Среднем Поосколье.

Фрагмент карты 1687 г.¹

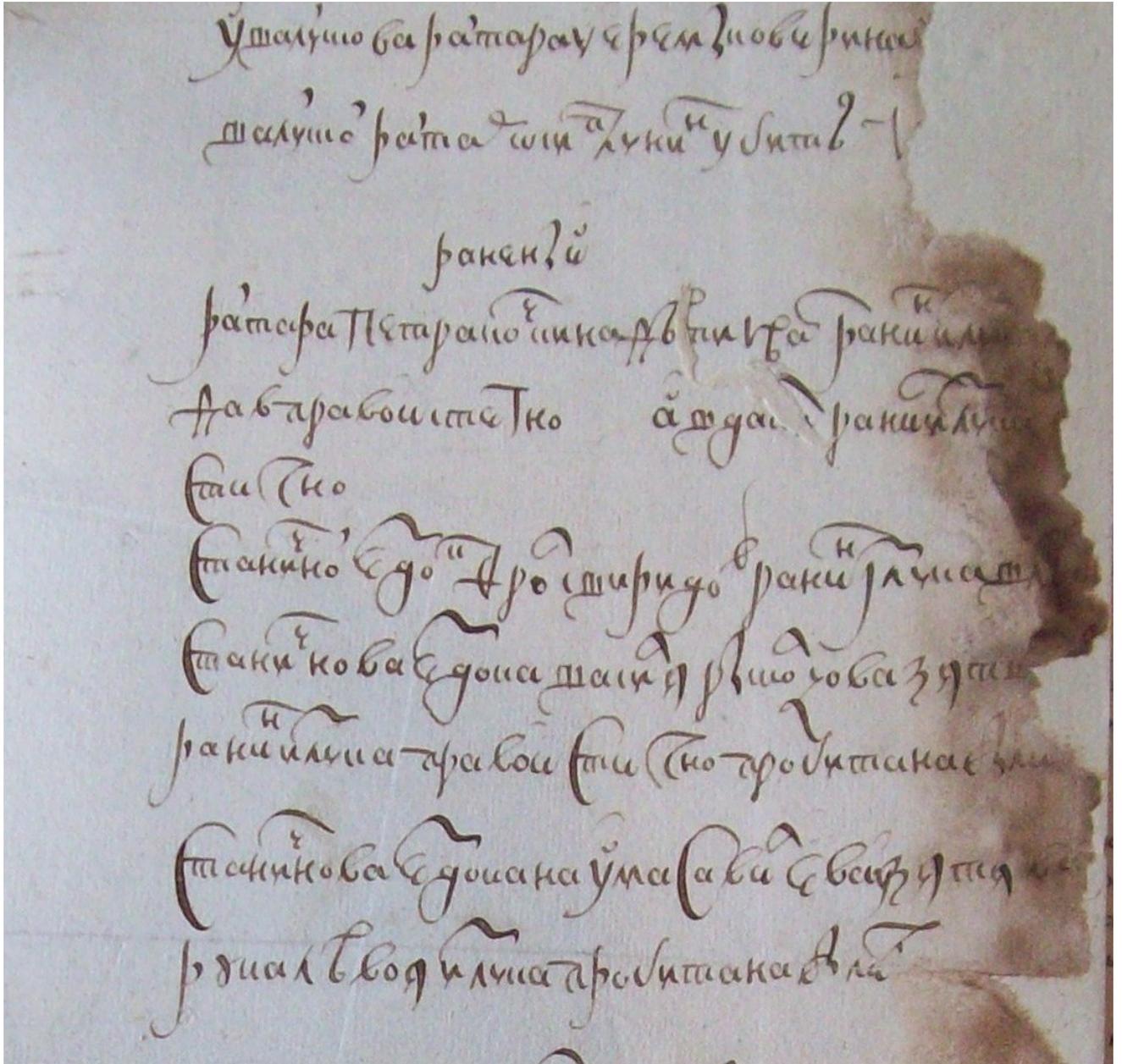

1. Караульная башня.
2. Надолбы
3. Мост через р. Казинку
4. Пчельник И. Дробышева
5. Дорога из Валук к р. Уразовой

¹ РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ. Оп. 77. Д. 34699. Дело о размежевании угодий. Л. 161-163.

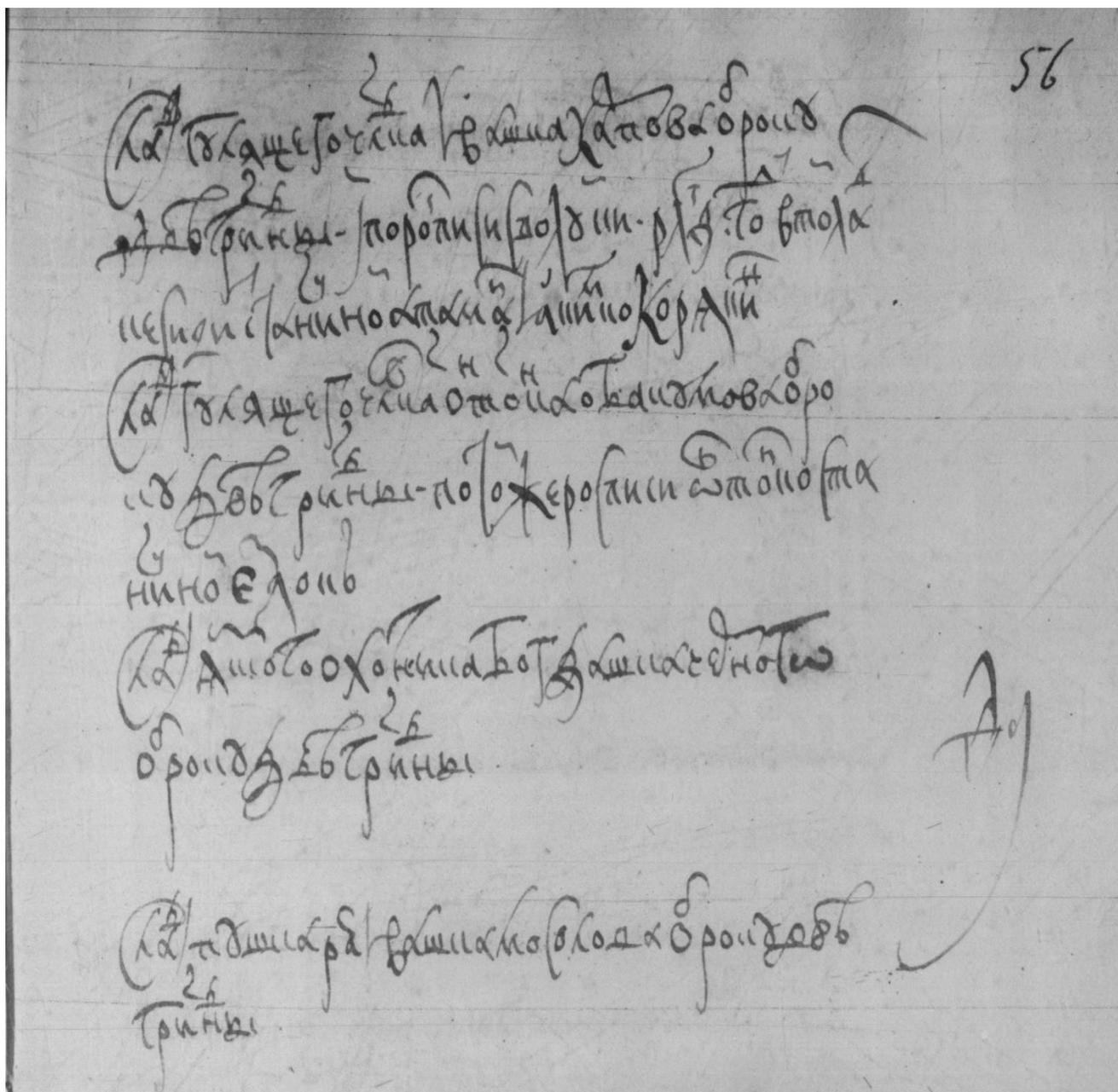
ПРИЛОЖЕНИЕ И

Список служилых людей убитых и раненых в результате татарского набега на Среднее Поосколье в 1669/70 г.¹

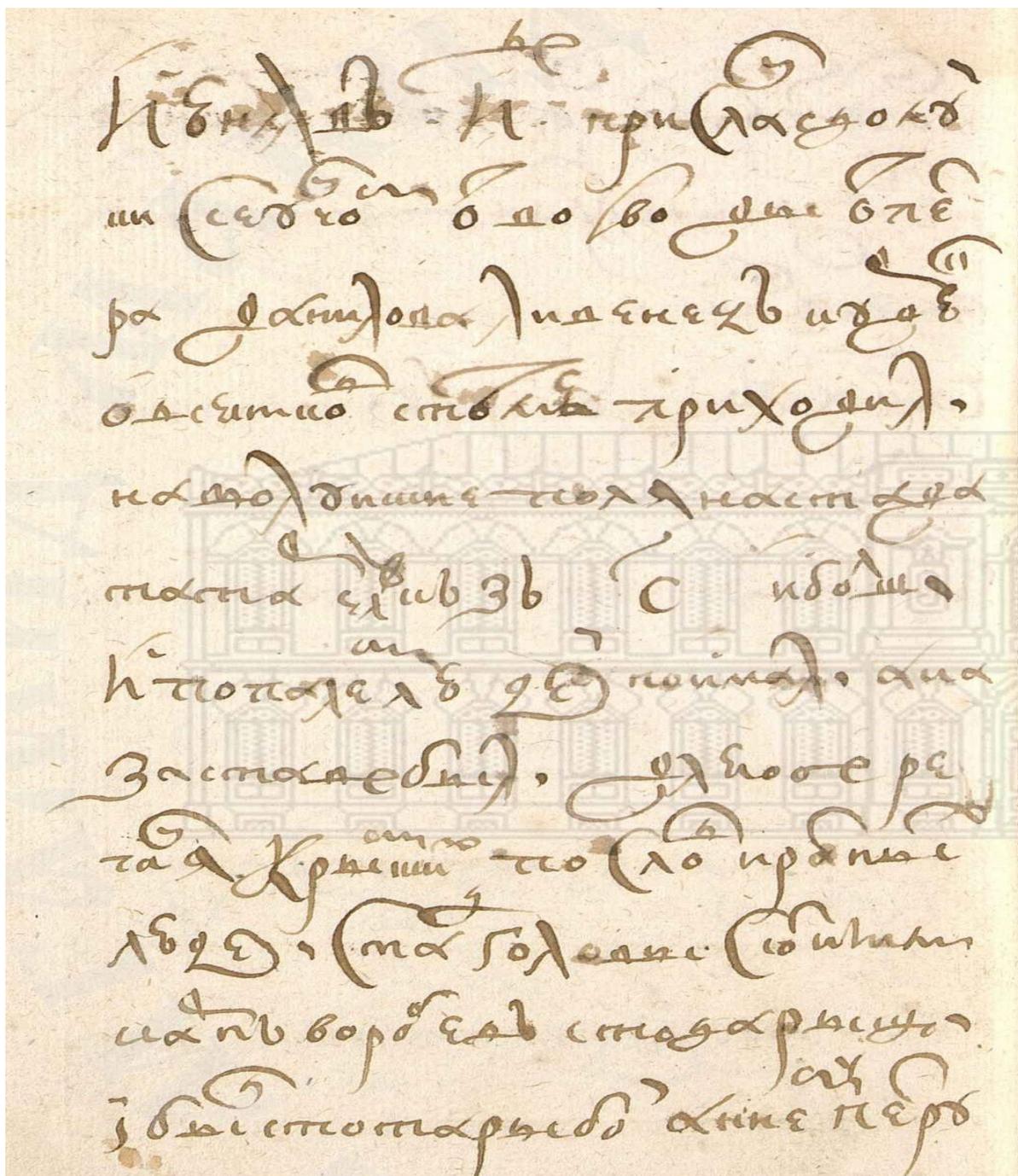
¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 705. Документы о набегах татар. 1669-70 гг. Л. 954.

ПРИЛОЖЕНИЕ Й

Оброчная книга Валук 1621-25 гг. Фрагмент.¹

¹ РГАДА. Ф.210. Разрядный приказ.. Книги Белгородского стола. Оп. 21. Д.8. Оброчные книги городов. 1621-26 гг. Л.56.

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Книга сеунчей 1613-1619 гг. Фрагмент¹.

¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 2. Книга сеунчииков с 121 по 126 год. Л. 128об.

Состав валуйских станиц в первой половине XVII в.

Станция	Атаманы 1626 г. ¹	Ездоки 1626 г.	Атаманы 1628 г. ²	Ездоки 1628 г.	Атаманы 1637 г. ³	Ездоки 1637 г.
1	Томило Бобырев		Томило Данилов сын Бобырев		Томила Бобырев	
		Иван Раманов Лобанко		Ивашко Лобанко		Матюшка Старокожев
		<i>Семен Бесертенев⁴</i>		Ивашко Васильев сын Долгой		Свиридко Дробышов
		Матвей Кузнец		Матюшка Кузьмин сын Кузнец		Наумко Бекетов
		<i>Осип Кологреев Бибииков⁵</i>		Савостька Григорьев сын Подшивалов ⁶		Ивашко Савин
		Ромашка Рыскольцов		Ромашко Климентьев сын Раскольцов		Трофимко Немого
		Василей Бобырев		Васка Степанов сын Бобырев ⁷		
2	Максим Немово		Максимка Федоров сын Немово		Сидор Забобурин	
		Тимофеи		Тимошка		Свиридко

1 Книга писцовая Мирона Хлопова да подъячего Леонтия Недовескова 134 году // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. – Т.2. – Воронеж, 1891.

2 Десятня денежной раздачи 1628 г. РГАДА. – Ф. 210. Дела десятиен. – Кн. 143. – Лл.1-36.

3 Десятня денежно раздачи 1637 г. РГАДА. – Ф. 210. Дела десятиен. – Кн. 249. – Лл. 86-105.

4 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

5 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

6 «из полковых казаков»

7 «Васка Степанова взяли татаровя. В его место из полковых казаков Васка Олексеев сын Ощеулов»

		Толстой		Дронов сын Т... (?) ⁸		Волков
		Петр Стерлев		Петрушка Григорьев сын Стерлегов ⁹		Куземко Ловягин

8 Неразборчиво. «В службе ево убили татаровя. В его место взят из конных стрельцов Савоська Михайлов сын Князев».

9 «убили татаровя. В его место взят сын ево Куземко».

		Олексей Бондырев		Олешко Кирилов сын Бондырь		Родка Иванов
		Васка Звягин		Васка Семенов сын Звягин ¹		Кирило Порядин
		Серешка Москвитинов		Серешка Степанов сын Москвитинов ²		Томилко Олтухов
3	Яков Белогоров (Белогуров) ³		Степан Яковлев сын Забобурин		Савостьян Князев	
		Прохор Чеботов		Прохор Яковлев сын Чеботов		Рудка Антонов
		Семен Добрынин		Сенка Федоров сын Добрынин		Самошко Ондреев
		Свирид Волков		Свиридко Обрамов сын Волков		Кирюшко Лунин
		Макар Петров сын Сухорукой		Макарко Петров сын Сухоруков		Тораско Болдырь
		Любим Сурин		Любим Сидоров сын Сурин		Гаврилко Кузнецов
4	Гаврило Бырин		Гаврило Михайлов сын Бырин		Логвинко Бобырев	
		Семен Перельга		Сенка Васильев сын Перельгин		Гришка Рысухин
		Омельян Колосов		Мелех Игнатов сын Колосков		Савка Звягин
		Степан Жерлицын		Степанко Трофимов сын Жерлицын		Федка Лазарев
		Олексей Русанов		Олешка Русанов		Стенка Стра...
		Федор Еремин		Федька Васильев сын Еремин		Стенка Пригаринов
5	Понкрат Шипилов		Панкрат Иванов сын Шипилов		Васка Лазарев	

1 «взят татарами. Вместо него сын Савка».

2 «убит татарами. В место ево взят из конных стрельцов Васка Степанов сын Дробышов».

3 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

ПРИЛОЖЕНИЕ Л (Продолжение)

		<i>Иван Подериха¹</i>		Ивашко Яковлев сын ... О ... (?)		Ивашко Санин
		Прокофей Шевелюха		Пронка Яковлев сын Шевелюхин		Панка Попов
		Гриша Паленой		Гриша Ильин		Тихонко Митрофанов
		Яков Митрохин		Янько Митрофанов		Савка Мануилов
		Петр Кочетыгов		Петрушка Васильев сын Кочетыгов		Никита Межаков
6	Кирило Резанцов		Михаил Кирилов сын Резанцов		Наумко Кубаев	
		Олешка Беликов		Кологрейко Трифонов сын Беликов		Сафонко Бабушкин
		Томилко Васильев сын Немой		Томилко Васильев сын Немого		Ивашко Яковлев
		Овдоким Онкудинов		Овдоким Онкудинов		Томилко Немово
		Микита Зарубин		Микита Савельев сын Зарубин		Мишка Швецов
		Кирило Ондреев сын Фролов		Кирилла Андреев сын Фролов		Васка Ащеулов
7	Олексеи Бабенков		Олексеи Федоров сын Бабенков		Митька Бабенков	
		Гарасим Чернеев		Герасимко Максимов сын Черняев		Игнатко Котыганов 26
		Игнат Котыганов		Игнатко Исаев сын Катыганов		Федько Дмитриев
		Петр Яковлев		Петрушко Яковлев		Сергушка Дехтярев
		<i>Ортем Котов²</i>		Сенка Жерлицын		Куземка Топоров
		Михаило Прибылой		Михайло Олексеев сын Прибылов		Тимко Зернов ³
8	Аким		Федос		Федька Карякин	

1 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

2 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

3 «Взят в ездки на Федоскино место Панарина, а Федоска за увечьем отставлен».

	Корякин		Акимов сын Корякин			
--	---------	--	-----------------------	--	--	--

ПРИЛОЖЕНИЕ Л (Продолжение)

		Олексей Луковников		Олешка Михайлов сын Луковников		Фадейко Бронников
		Михаило Кожевников		Мишка Иванов сын Кожевник		Васка Луковников
		Лазарь Харитонов сын Денедской		Лазарко Харитонов сын Донедской		Микифорко Щербак
		Ився Татаринов		Евсейко Григорьев сын Татаринов		Ивашко Бритиков
		Пиминко Котельник		Пиминко Микитин сын Котельник		Ларка Бубнов ¹
9	Найден Ролдугин		Найден Ролдугин		Игнатко Порохов	
		Степан Остапов		Степанко Иванов сын Остапов		Мишка Поминов
		Яков Агеев		Якушко Агеев		Абрамко Панарин
		Ондрей Сибирцов		Ондрюшко Семенов сын Сибирцов		Фимко Немого
		Степан Колчев		Степан Сазонов сын Колчев		Трофимко Набродов
		Петр Михайлов сын Старакожев		Петр Михайлов сын Ельшин		Ивашка Бобырев
10	Игнат Порохов		Игнат Андреев сын Порохов		Мишка Зарубин	
		Томило Гаврилов		Томило Гаврилов		Ивашко Волков
		Гришка Немытой		Онфимко Сафонов сын Немытой		Фролко Турандин
		Иван Пиминов		Ивашко Пиминов		Мартинко Голев
		Иван Панарин		Иван Дмитриев сын Панарин		Ортемко Карпов
		<i>Родя Бизяев²</i>		Илейко Офонасьев сын ... (?)		Мартинко Нестеров

1 «Взят на Свиридково место Жерлицына. А Свиридко умер».

2 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

11	Алексей Кубаив		Олешка Исаев сын Кубаив ¹		Ломачко Некрылов	
		Федор Мухин Гуляков тож		Фетка Осипов сын Голиков		Сенка Дехтерев
		Богдан Семенов сын Олексеев		Богдан Семенов сын Олексеев		Свиридко Елшин
		Кондратей Сумин		Парфенка Кондратьев		Мишка Аггеев
		Долмат Семенов		Долматко Микитин сын Селеменев ²		Стенка Колчев
		<i>Ларька Мневской³</i>		Тихонка Мелентьев сын Оладьин		Ивашко Колыхала
12	<i>Степан Головин⁴</i>		Первак Денисов сын Рябинин ⁵		Максимка Гвоздев	
		Онцыфорко Иванов сын Созыкин		Онсейко Иванов сын Сазыкин		Сидорко Еремин
		Михайло Степанов сын Кузнец		Мишка Степанов сын Кузнец		Онанко Жерлицын
		Ондрей Кондратьев сын Бондырь		Ондрюшко Кондратьев сын Бондырь		Ивашко Исаев
		Свирид Лунин		Офонко Семенов сын Лунин		Омелка Па...
		Дема Жариков		Демидко Иванов сын Жариков ⁶		Томилка Ногатой
13	Борис Онтонов		Бориско Онтонов		Евтифейко Болдин	

1 «умер. На его место взят из жилых и конных стрельцов Иев Матвеев Болдин».

2 «взят со службы татарами. В место нево взят из конных стрельцов Гришка Лукьянов сын Микляев».

3 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

4 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

5 «убили черкасы. В его место из жилых казаков Василий Федоров Теробунской».

6 «взят татарами. В его место взят из атаманов атаманский сын Офонко Яковлев сын Косиков».

		Василей Лукьянов сын Шумилов		Васко Лукьянов сын Шумилов ⁷		Федка Голиков
		Иван Турандин		Ивашко Иванов сын Турандин		Дениско Кондратьев
		Микифор Венедиктов		Микифор Венедиктов		Ивашко Олексеев

⁷ «умер. В его место взят из жилых казаков Клемко Лукьянов сын Голев».

(ПРИЛОЖЕНИЕ Л Продолжение)

		Михайло Смурый		Мишка Васильев сын Смурыга ¹		Савка Донцов
		Оникеи Некрылов		Антипейка Савелов сын Некрылов		Марко Микляев(?)
14	Свирид Салков		Свирид Иванов сын Салковской		Филка Рябинин	
		<i>Иван Ослятев²</i>		Олешко Фефилов сын Блинов		Гаврилко Кочнев
		Семен Кочкин		Сенко Мартинов сын Колчин		Назарко Леденев
		Тарас Гридин		Тораско Кондратов сын Гридин		Исайко Масловской
		Симон Пахомов		Симанко Пахомов		Тихонко Кочетыгин
		Борис Махонин		Бориско Савостьянов сын Махонин		Ивашко Понкратов ³
15	Кондратко Елшин		Конша Михайлов сын Елшин		Фомка Голев	
		Лева Кузнец		Левка Иванов сын Кузнец		Матюшко Евсеев
		Офонасей Татаринов		Афонька Матвеев сын Татаринов		Ивашко Сибирцов
		Миленья Микитин сын Кровопусков		Миленко Микитин сын Кровопусков		Карпик Дробынин
		Григорей Чорной		Гришко Кадеев сын Чорной		Митька Мокрищев
		Михайло Олтуфьив		Михайло Кузмин сын Олтухов		Мишка Шатцкой
16	Ондреи Богословс кой		Григорий Ондреев сын Богуславской		Савостьян Подшивалов	
		Василей Бондарев		Васка Врламов сын Бондыр		Тараско Колесников

1 «умер. В его место из жилецких казаков Гаврило Нежданов сын Горбатов».

2 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

3 «Взят на Ивашково место Оладина. А Ивашко Назарьев сшел на Северской Донец».

		<i>Онтон Обакумов¹</i>		Ивашко Филипов сын Лазорев ²		Васка Ельшин
		Федор Манин		Фетька Иванов сын Манин		Мелешка Кровопусков
		<i>Михайло Трегубов³</i>		Михайло Афанасьев сын Уваров		Гришка Черной
		Сава Насатой		Савка Малофеев сын Носатого		Костка Ры... льцов
17	Оксен Оркатов		Василей Оксенов сын Оркатов		Гришка Богуславской	
		Фатей Нечаев		Фоминко Афанасьев сын Нечаев		Якушко Голев
		Онтон Зернов		Онтон Гаврилов сын Зернов		Федько Пригаринов
		Федор Стрелцов		Фетька Михайлов сын Стрелец ⁴		Калинка Гребелкин
		Симон Шацкий		Симонко Онофриев сын Веневской		Мишка Уваров
		Сафрон Савельев		Сафрон Савин		Федоско Банин
18	Микифор Дервягин	<i>Мартин Ротюев⁵</i>	Микифор Малафеев сын Дервягин		Микифорко Дервягин	
		Федоско Варламов		Федоска Петров сын Варламов ⁶		Осипко Милованов
		Ортемей		Артемко		Ефимко

1 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

2 «стар. Вместо него взят Федька».

3 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

4 «стар. В место нево взят сын ево Ротька».

5 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

6 «стар. Взят сын ево Демка».

		Иншиков		Парфенов сын Иншиков		Девочкин
		Федор Кобозов		Фетька Григорьев сын (?)		Мосейко Карпов
		Сава Духанин		Матвейко Савельев сын Духанин		Сенко Тенин (?)

		Варлам Золотарев ¹		Трофимко Андронов сын Варламов		Ивашко Чепелев
19	Алексей Лихвинцо в ²		Иван Максимов сын Чюрсин		Павлик Толстой	
		Семен Шварев		Сенька Юрьев сын Шварев		Федька Дробышев
		Василей Богатой		Васька Савостьянов сын Богатой		Сапронко Воронин
		Семинка Уланов		Куземко Уланов ³		Володька Михайлов
		Иван Васильев сын Дробышов		Иван Васильев сын Дробышев		Гришка Дробышев
		Карп Милохин		Карпик Иванов сын Милохин		Сенка Шварев
20	Давыд Васнеев		Давыд Михайлов сын Васнеев		Бориско Махонин	
		Гарасимко Овчинников		Герасим Васильев сын Овчинников		Ермолко Найденев
		Беляй Проскурнин		Беляска Игнатов сын Проскурнин		Ивашко Мехнов
		Федор Шеломов		Демка Иванов сын Шеломов		Ивашко Мерин
		Иван Несвоев		Иван Клементьев сын Несвоев		Перфилко Радугин
		Семен Масловской		Сенка Яковлев сын Масловской		Карпушко Богуславский
21	Сидор Донецкой		Сидор Иванов сын Донецкой		Фомка Бобырев ⁴	
		Гаврило Торопов ⁵		Иван Гаврилов сын Торопов		Щербак Исаев

1 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

2 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

3 «увечен ранен в ногу. В место нево взят из конных стрельцов Иван Трофимов сын Жерлцын».

4 «отпущен на Соловки, в его место служит сын ево Серешка».

		Илья Винокуров		Илюшка Иванов сын Винокуров		Макарко Худяков
--	--	-------------------	--	-----------------------------------	--	--------------------

ПРИЛОЖЕНИЕ Л (Продолжение)

		Орех Девочкин		Орешко Олексеев сын Девочкин		Сафонко Бобырев
		Павел Татарченков- Толстой		Панка Юрьев сын Толстой		Ивашка Добрынин
		<i>Ивашко Пронин¹</i>		Иван Прокофьев сын Тарасов		Васка Семенов
22	Зинов Неделин		Зенов(<i>ий</i>) Коементьев сын Неделин		Степанко Резанов	
		Парша Лысков		Перфил Федоров сын Лысков ²		Онцифорко Зиборов
		<i>Трофим Шелеев³</i>		Онтонко Титов сын Богуславской		Аникитко Дехтярев
		Илья Офонасьев Мяхкой		Иван Афанасьев Мяхкой		Степанко Зыбин ⁴
		Богдан Щеткин		Богдан Тимофеев сын Щеткин		Меркулко Шумилин
		Иван Павлов сын Мерин		Иван Павлов сын Мерин		Марко Косков
23	Кузьма Косков		Филимон Кузьмин Косков ⁵		Елизарко Резанов ⁶	27
		Тимофеи Арцыбесов		Тимошко Меркулов сын Арцыбашев		Сенка Сидякин
		Щербак Пердунов		Щербак Пердунов		Максимко Микитин
		<i>Михайло Трегубов⁷</i>		Поминко Максимов сын Дроздов		Малик Голозубов

1 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

2 «убит черкасами. В его место взят из конных стрельцов Онтошка Давыдов сын «?»».

3 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

4 «в его место взят Федка Микляев»

5 «взят татарами. В его место взят атаманской брат Евсей Найденов сын Рябинин».

6 «взят в казаках в атаманы на Олешкино Кочина место».

		Макар Худяков		Макар Михайлов сын Худяков		Кирюшко Белогуров
		Софон Бобырев		Сафонко Степанов сын Бобырев		Бориско Тишаков

ПРИЛОЖЕНИЕ Л (Продолжение)

24	Федор Подериги н ¹		Якушко Иванов сын Косиков ²		Харитонко Беляев	
		Савостьян Трегубов		Савостьян Семенов сын Трегубов		Герасимко Овчинников
		Фомка Голев		Фетка Евсеев сын Голев		Федка Шеломов
		Кондратей Сумин		Кондрашко Сидоров сын Сумин		Миронко Савин
		Симонка Масалитинов		Смирка Лукьянов сын Мосалитин		Богдашко Худяков
		Янко Раскопила		Якушко Юрьев сын Раскопила		Бориско Колюбакин

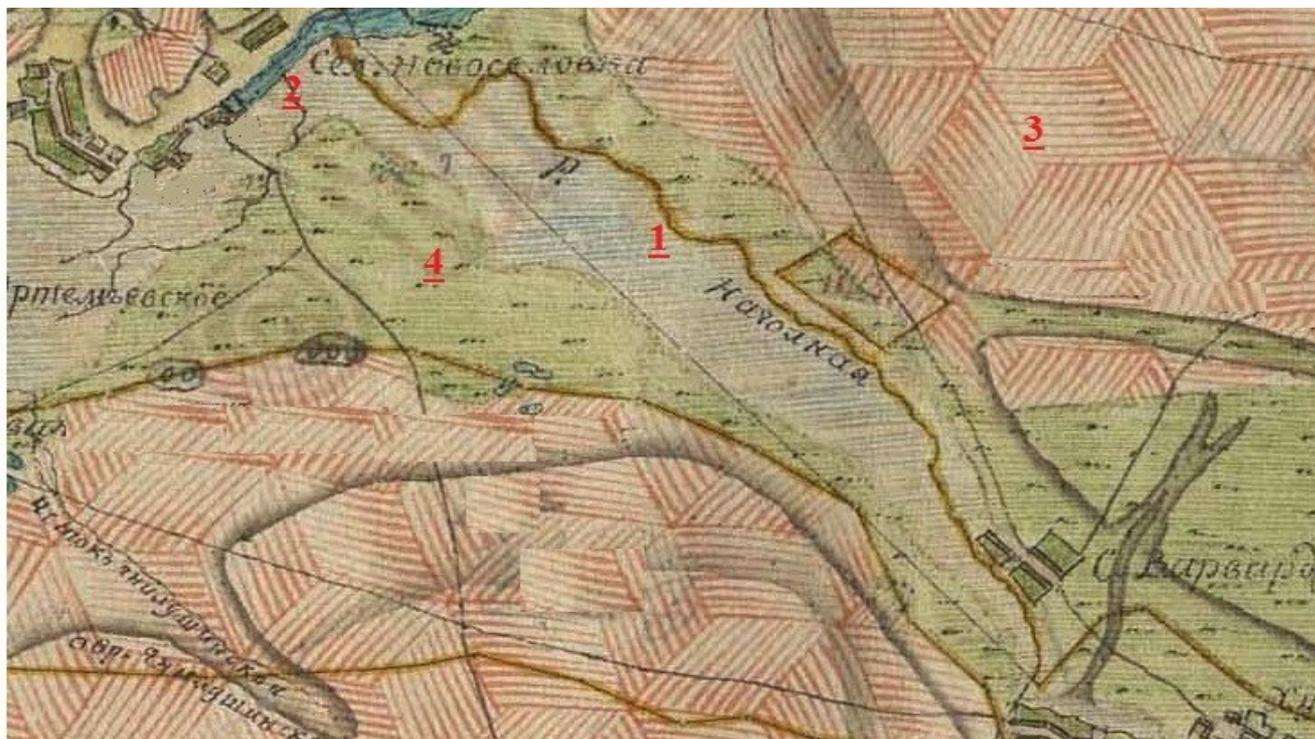
1 Номер станицы неизвестен. Поставлен в порядке упоминания в документе.

2 «умер. В место нево взят их жилых казаков Степан Федоров сын Резанов».

ПРИЛОЖЕНИЕ М

Место впадения р. Нагольная Россошь в р. Полатовку, граница Валуйского и Полатовского уездов в конце XVII в.

Фрагмент рукописного плана Генерального межевания Валуйского уезда 1780 г.

1. Речка Нагольная Россошь
2. Речка Полатовка
3. Пашенные угодья, отказанные в поместья полатовцам детям боярским в 1693 г.
4. Сеокосы валуйских черкас, отданные полатовцам.

2
—

ПРИЛОЖЕНИЕ Н

Пригородные слободы в Валуйской округе. Фрагмент карты 1687 г.¹

1. Черкаская (Царегородская, Панская слобода) за р. Валуй к востоку от Валук.
2. Надолбы вокруг пригородных слобод.
3. Большая Посольская дорога.
4. Ямская слобода к югу от Валук.
5. Казачья слобода.
6. Река Валуй.
7. Дорога к Успенскому Николопристанскому монастырю.

¹ РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ. Оп. 77. Д. 34699. Дело о размежевании угодий. Л. 161-163

ПРИЛОЖЕНИЕ О

Опись города Валуек воеводы П.И. Колтовского 1644 г.¹

«Государю Царю і Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа русиі Холопъ твой Перфилько Колтовской челомъ бьетъ, въ нынешнемъ Государь въ РНБ году велено мнѣ холопу твоему быти на твоей Государевѣ Царевѣ і Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі службѣ на Волуйкѣ на Павлово мѣсто Левонтьева и по твоему Государеву указу велено мнѣ холопу твоему о Волуйскомъ острогѣ и всякихъ острожныхъ крепостяхъ и о зельѣ и о свинцѣ и о всякихъ пушачныхъ запасехъ отписати и роспись прислати къ тебѣ Государю къ Москвѣ въ Пушкарской приказъ и по твоему Государеву Цареву і Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа руси указу пріѣхаль я холопъ твой на твою Государеву службу на Волуйку на Павлово мѣсто Левонтьева Марта въ а (і) день і Волуйского Государь острогу и всякихъ острожныхъ крепостей я холопъ твой досмотрѣль и измѣрилъ и тотъ Государь Волуйской острогъ никакими крепостями не укрепленъ и отъ земли подгниль, а обламовъ Государь и катковъ и середнева и верхняго бою у того Волуйскова острогу нѣтъ, а воротные и глухіе башни у того Волуйскова острогу всѣ липовые худы жъ отъ земли и въ редахъ до обламовъ и обламы всѣ погнили, а мѣрою Государь тотъ Волуйской острогъ великъ не по людямъ, коло всего Государь Волуйского острогу и съ башнями пятьсотъ саженой косыхъ и въ приходъ Государь къ тому Волуйскому острогу большихъ воинскихъ людей и въ приступное время быть безнадеженъ, а что Государь принель я холопъ твой на Волуйкѣ у Павла Левонтьева по росписи на лицо наряду болшова и мѣлкова и къ тому наряду сколько къ которой пищали ядеръ и по колику ядро вѣсомъ и сколько затинныхъ пищалей и къ тѣмъ пишalemъ сколько къ которой ядеръ и по колику вѣсомъ и что Государь принель я холопъ твой у Павла Левонтьева по росписи на лицо въ твоей Государевѣ въ пороховой казнѣ зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ запасовъ и что Государь принель Павелъ Левонтьевъ по росписи наряду и зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ запасовъ у Ѳедора Голенищева и что Государь

¹ Опубликовано: Шапошников Н. В. Heraldica: Исторический сборник / Н.В. Шапошников. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 71-77.

прислано на Валуйку сколько пудъ зелья и свинцу съ нимъ Павломъ Левонтьевымъ и что Государь принель Павел зелья и свинцу въ расходѣ на пушечную стрельбу и давано для походовъ Волуйскимъ служилымъ ратнымъ людемъ и тому Государь всему подъ сею отпискою послалъ я холопъ твой роспись за своею рукою къ тебѣ Государю къ Москвѣ съ Волуйскимъ съ Черкашениномъ зъ Гришкою Семеновымъ, а отписку и росписи велѣлъ я холопъ твой подать въ Пушкарскомъ Приказѣ твоему Государь Окольничему Князю Ондрѣю Ѳедоровичу Литвинову Мосальскому да твоимъ Государевымъ Дьякомъ Осипу Пустынникову да Поснику Задонскому.

Роспись волуйскому острогу и наряду и зелью и свинцу и ядрамъ ...

Съ Рускова прѣзду башня воротенная (л) стѣны всѣ равны. Башни крепочтныя въ длину по три сажени безъ локтя, а въ верхъ поперекъ отъ ... до обламовъ съ локтемъ двѣ сажени, обламовъ въ длину трехъ саженой а въ верхъ поперекъ полсаженя. Въ той ворот и (в) башнѣ пушка полуторная мѣденая, къ той пушкѣ тысяча ядеръ желѣзныхъ ядро вѣсомъ по четыре гривенки, да въ той Средней же башнѣ тюфякъ мѣденой, къ тому тюфяку сто пять десять ядеръ желѣзныхъ ядро вѣсомъ по двѣ гривенки, да въ той же башни три затинныхъ пищалей, къ одной пищали сто ядеръ желѣзныхъ ядро вѣсомъ по осьми золотниковъ, къ другой пищали десять ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по пяти золотниковъ.

Да пообѣ стороны той воротней башни на острогѣ на пряслѣ два тюфека мѣденые, къ тѣмъ тюфякамъ двѣсте ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по гривенке; отъ той воротней башни до наугольной башни что отъ верхнева лѣсу на правую сторону острожные стѣны по мѣре сорокъ девять саженой, а въ верхъ отъ земли тотъ острогъ по мѣре съ локтемъ саженя.

Башня наугольная рублена въ четыре стѣны въ одинъ рядъ. Лѣсъ липовой, по мѣре въ длину двѣ стѣны дву саженой, а другія двѣ стѣны дву саженой съ локтемъ, а въ верхъ до обламовъ по мѣрѣ два сажени а обламъ въ длину полтретья сажени, а въ верхъ обламъ полсажени; въ той наугольной башни въ верхнемъ бою пищаль скорострѣльная желѣзная да въ нижнемъ бою волконѣйка желѣзная, къ скорострѣльной пищали сорокъ ядеръ желѣзныхъ ядро вѣсомъ по семнадцати золотниковъ да тритдять свинцовыхъ литыхъ ядеръ, ядро вѣсомъ по дватцати

золотниковъ. Къ волконѣйки семь ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ полгривенки, да въ той же башни двѣ затинныхъ пищалей, къ тѣмъ пищалямъ девятнадцать ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по осьми золотниковъ.

Отъ наугольной до средней башни острожные стѣны по мѣре пятьдесятъ восемь саженой, а отъ земли въ верхъ по мѣре острогъ съ локтемъ сажень, а въ иныхъ мѣстехъ и менши.

Башн(я) середняя что противъ церкви Пятницы рублена въ четыре стѣны въ одинъ рядъ, лѣсъ липовой, стѣны все равны въ длину дву саженой, а отъ земли въ верхъ до обламовъ два сажень, обламъ въ длину полтретья сажени стѣны, а поперекъ въ верхъ полъ сажень. Въ той башнѣ пищаль скорострѣльная желѣзная, къ той пищале четыре ядра желѣзныхъ, ядровѣ весомъ по дватцати золотниковъ, да въ той же башни пищаль затинная, къ той пищали пятнадцать ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по три золотника.

Отъ средней до наугольной башни что отъ рѣки Волюя по мѣре городовые стѣны шестьдесятъ два сажени, а острогъ отъ земли въ верхъ съ локтемъ сажень а въ иныхъ мѣстехъ менши.

Башня наугольная что отъ реки Волюя рублена въ четыре стѣны въ одинъ рядъ, четыре стѣны все равны въ длину съ локтемъ дву саженой а поперекъ въ верхъ до обламовъ полъ третья сажени, а обламы въ длину три сажени стѣна, а поперекъ въ верхъ обламы полсажени и въ той наугольной башни пищаль полуторная мѣденая, къ той пищали тысяча сто ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по четыре гривенки, да въ той же башни тюфякъ мѣденой, къ тому тюфяку сто пятьдесятъ ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по двѣ гривенки, да въ той же башни три затинныхъ пищалей, къ одной пищали дватцать восемь ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по десяти золотниковъ, къ другой пищали дватцать три ядра желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по шти золотниковъ, къ третьей пищали тритцать ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по семи золотниковъ.

284

На роскатѣ пищаль полуторная мѣденая, къ той пищали двѣсте семьдесятъ шесть ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по шти золотниковъ, да къ той же пищали тысяча ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по пяти гривенокъ безъ чети.

Отъ наугольной башни до Средней башни что по сторону тайника по мѣре острожные стѣны семьдесятъ сажени, а отъ земли въ верхъ острогъ полтора сажени.

Башня Средняя что по сторонѣ тайника рублена въ четыре стѣны въ одинъ рядъ, стѣны всѣ равны, въ длину стѣна по два сажень съ четвертью, а поперекъ въ верхъ до обламовъ три сажени, а обламы въ длину безъ локтя трехъ сажень, а поперекъ въ верхъ обламы полъ сажени, а острогъ отъ земли въ верхъ полутора сажени. Въ той средней башни пицаль скорострѣльная желѣзная, къ той пищали пятнадцать ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по дватцати золотниковъ, въ той же башни пицаль затинная, къ той пищали десять ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по шти золотниковъ.

Отъ Средней башни до Воденыхъ воротъ до башни острожныя стѣны по мѣрѣ сорокъ семь сажени.

Башня Воденые ворота рублена въ четыре стѣны въ одинъ рядъ, лѣсъ липовой, стѣны въ длину всѣ равны полу три сажени въ верхъ отъ земли до обламовъ съ локтемъ трехъ сажени, обламы въ длину съ локтемъ трехъ сажени, а въ верхъ обламы полъ сажени, въ той Воротней башни пицаль скорострѣльная желѣзная, къ той пищали дватцать пять ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по сороку по пяти золотниковъ, въ той же воротней башни тюфякъ мѣдяной дробовой, къ тому тюфяку дробу желѣзна полтары тысячи, да въ той же башни четыре затинныхъ пищалей,

Отъ Воденыхъ воротъ до быка ио мѣре острогу восемь сажень, на быку волконѣйка желѣзная, къ той волконѣйки четыре ядра желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по двадцати золотниковъ; около Быка по мѣре острогу три сажени и отъ Быка до Средней башни что противъ Головина двора до Средней башни по мѣре острогу пятьдесятъ девять сажень съ полусаженью.

285

Башня Средняя противъ что Головина двора рублена въ четыре стѣны въ одинъ рядъ, лѣсъ липовой, стѣны всѣ равны, въ длину стѣна дву сажени, отъ земли въ верхъ до обламовъ съ локтемъ дву сажени, обламы въ длину трехъ сажени поперекъ полъ сажени.

Въ той Средней башни пицаль скорострѣльная желѣзная, къ той скорострѣльной пищали ядеръ желѣзныхъ дватцать четыре ядра, ядро вѣсомъ по

сороку по шти золотниковъ, да въ той же башни волконѣйка желѣзная, къ той волконѣйки дватцать шесть ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по сороку по шти золотниковъ, да въ той же башни двѣ затинныхъ пищалей, къ одной пищали десять ядеръ желѣзныхъ ядро вѣсомъ по пяти золотниковъ, къ другой пищали одинатцать ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по осьми золотниковъ.

Отъ той Середней башни до наугольной башни острожные стѣны по мѣре шестьдесятъ два сажени.

Башня наугольная что отъ Оскола рублена въ четыре стѣны въ одинъ рядъ, лѣсъ липовой, стѣны всѣ равны, въ длину стѣна полутретья сажени, обламы въ длину полтреть ясажени, стѣна въ верхъ съ обламы подъ сажени; въ той наугольной башнѣ двѣ пищали скорострѣльныхъ желѣзныхъ... ; да въ той же башни три затинныхъ пищалей, къ двумъ пищалемъ семьнатцать ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по шти золотниковъ, къ третьей пищали шесть ядеръ желѣзныхъ, ядро вѣсомъ по семи золотниковъ. Отъ тое Наугольной башни до Рускихъ воротъ до башни острожные стѣны по мѣре сорокъ девять сажень. И всево около всево Волуйскова острогу и съ башнями по мѣре пятьсотъ сажений ..., а ровъ около Волуйскова острогу копанъ съ трехъ сторонъ съ ровныхъ мѣсть и тотъ ровъ копанъ мѣлко и во многихъ мѣстахъ осыпался, а надолобъ и честику около того Волуйскова острогу нѣтъ, и острогъ отъ земли подгнилъ и башни отъ земли и въ редахъ погнили жъ и никакими крѣпостями Волуйской острогъ не укрепленъ, а четвертая сторона Волуйскова острогу отъ реки Волюя гора, ровъ не копанъ, і всево у Волуйскова острогу двои ворота да колитка да шесть башень глухихъ.

286

Да въ острогѣ у Воденыхъ воротъ колодезь испорченъ, рубленъ въ четыре стѣны, лѣсъ дубовой, стѣны по сажени, копанъ тотъ колодезь девяти сажень а воды ныне въ немъ нѣтъ, засорился.

Тайникъ изъ острогу копанъ подъ гору къ рекѣ Волуйкѣ, до воды по мѣре отъ острога тритцать сажень а поперекъ тайника по мѣре сажень, стѣны въ тайнику по мѣре отъ земли въ верхъ сажень безъ чети, тотъ тайникъ доведенъ до реки Волюя, у реки Волюя въ томъ тайникѣ копанъ колодезь, поставленъ изъ срубъ дубовой и тотъ тайницкой колодезь около обмыло водою и съ верху землю и

потолокъ рознесло и нынѣ тотъ тайницкой колодезь не сдѣланъ и не вычищенъ, въ приходъ къ Волуйскому острогу большихъ воинскихъ людей въ осадную пору имать воды изъ тово колодезя не мочно.

...

Къ сей росписи Перфилей Колтовской руку приложилъ.

Государю Царю і Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа русиі. Въ

Пушкарской Приказъ.

РНВ Марта въ ДЛ день подалъ отписку Волуйской Черкашенинъ Гришка

Семеновъ.

Въ Государевѣ казнѣ въ зельѣ и въ свинцѣ справитца съ прежними росписьми».

—